

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

24 | 89

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
научный
сборник

ВЫПУСК 24

Основан в 1976 г.

код экземпляра

290177

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

«ВЫЩА ШКОЛА»

1989

В сборнике рассматриваются актуальные вопросы теории государства и права, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права, связанные со становлением социалистического правового государства. Анализируются проблемы совершенствования законодательства и эффективного его применения на практике правоохранительными органами.

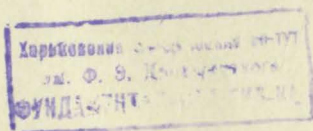
Для преподавателей, научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук проф. *В. Я. Тацкий* (отв. ред.), д-р юрид. наук проф. *Н. И. Панов* (зам. отв. ред.), д-р юрид. наук проф. *Ю. М. Грошевой* (отв. секр.), д-р юрид. наук проф. *М. И. Бажанов*, д-р юрид. наук проф. *М. И. Бару*, д-р юрид. наук проф. *В. И. Гончаренко*, д-р юрид. наук проф. *В. М. Горшенев*, д-р юрид. наук проф. *И. Н. Данышин*, канд. юрид. наук доц. *П. И. Жигалкин*, канд. юрид. наук доц. *В. В. Комаров*, д-р юрид. наук проф. *В. Е. Коновалова*, д-р юрид. наук проф. *И. Е. Красько*, д-р юрид. наук проф. *М. Ф. Орзих*, д-р юрид. наук проф. *Р. С. Павловский*, д-р юрид. наук проф. *В. К. Попов*, д-р юрид. наук проф. *Н. Н. Страхов*

Ответственные за выпуск: д-р юрид. наук проф. *Ю. М. Грошевой*, канд. юрид. наук доц. *В. В. Комаров*

Адрес редакционной коллегии: 310024 Харьков, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 47-36-17

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией *Л. Н. Авраменко*

КПСС И ПРАВОТВОРЧЕСТВО**В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ**

На современном этапе развития в практике сочетания партийно-политического и правового регулирования общественных отношений наряду с традиционными используются и новые формы. Их анализ позволяет глубже осмыслить закономерности социалистического правотворчества, уточнить представления о направлениях и механизме взаимодействия важнейших видов социальных норм советского общества, их исторической перспективе. Актуальность исследования этой проблематики подтверждается и материалами XIX Всесоюзной партийной конференции, в которых большое внимание уделено совершенствованию форм реализации политического лидерства КПСС на путях более четкого разграничения функций партийных и государственных органов. Такое разграничение — составной элемент кардинальной реформы советской политической системы, формирования социалистического правового государства [14, 1988, 28 июня, 5 июля].

В соответствии с ролью КПСС — ядра советской политической системы, руководящей и направляющей силы общества — партийные решения оказывают наибольшее влияние на развитие всех разновидностей правил социалистического общежития. Они выступают «управляющим центром» всей системы политических норм общества, но наиболее широко и непосредственно контактируют с нормами юридическими, законодательством.

Анализ современной практики позволяет выделить следующие формы воздействия КПСС на правотворческую деятельность органов Советского государства.

1. Партийные решения программируют основные направления развития и преобразования других разновидностей социально-политических норм, прежде всего — политико-правовых. Так, Программа КПСС предусматривает принятие мер по «совершенствованию форм народного представительства, развитию демократических принципов советской избирательной системы, обеспечению свободного и всестороннего обсуждения личных и деловых качеств кандидатов в депутаты, с тем чтобы в Советы выбирались наиболее достойные и авторитетные представители рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, всех наций и народностей страны» [2, с. 159]. Реализуя данное положение, Президиумы Верховных Советов союзных республик приняли специальные постановления, в соответствии с которыми выборы депутатов местных Советов в июне 1987 г. в 162 районах страны впервые, в порядке эксперимента, проводились по многомандатным избирательным округам [6, 1987, № 12, ст. 225; 8, 1987, 27 июня].

XIX Всесоюзная конференция КПСС определила основные направления совершенствования советского законодательства в области политических отношений, с тем чтобы в ближайшие годы «провести широкую правовую реформу, которая призвана обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества, усилить механизмы поддержания социалистического правопорядка на основе развития народовластия» [14, 1988, 5 июля].

2. В партийных документах могут проектироваться, моделироваться те конкретные правила поведения, которым, по мнению КПСС, надлежит получить санкцию компетентных государственных органов и приобрести вследствие этого общеобязательный характер. Так, значительное количество наиболее важных юридических предписаний было запроецировано в «Основных положениях коренной перестройки управления экономикой», представленных Политбюро ЦК КПСС и утвержденных июньским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС. Многие из указанных норм приобрели юридический статус в Законе Союза ССР о государственном предприятии (объединении), принятом 30 июня 1987 г. седьмой сессией Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва [3, с. 83—111; 4, 1987, № 26, ст. 385].

Немало моделей предлагаемых юридических норм содержат резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС (например, о едином — пятилетнем сроке полномочий для всех Советов народных депутатов; о введении ограничения на занятие выборных должностей, а также должностей, подлежащих назначению и утверждению Советами, двумя сроками подряд) [14, 1988, 5 июля].

3. Центральные органы КПСС, осуществляя, как и общественные организации в лице их общесоюзных органов, конституционное право на законодательную инициативу, официально вносят на рассмотрение Верховного Совета СССР подготовленные ими (или с их участием) проекты законов, которые обсуждаются и затем принимаются им в качестве законодательных актов. Примером может служить такой акт, как «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», утвержденные постановлением Верховного Совета СССР по проекту, разработанному ЦК КПСС и после всенародного обсуждения внесенному им совместно с Советом Министров СССР на рассмотрение высшего органа государственной власти [14, 1984, 4 янв., 11 апр.; 13, с. 8, 69].

В литературе справедливо обращалось внимание на то, что разработка руководящими органами КПСС проектов законов и иных нормативных актов — одна из форм партийного руководства советским правотворчеством [11, с. 460, 463; 15, с. 88].

Другой такой формой служит обсуждение этими органами проектов законов и иных нормативно-правовых актов. Так,

июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС обсудил и в основном одобрил проекты правительственных постановлений, касающиеся перестройки деятельности центральных, республиканских и местных органов управления, системы планирования, осуществления радикальной финансово-кредитной реформы, реформы ценообразования и перестройки материально-технического снабжения, и другие нормативно-правовые акты и поручил Политбюро ЦК КПСС и Совету Министров СССР принять их с учетом обсуждения на Пленуме [3, с. 79].

4. Политические нормы, сформулированные в партийных документах, получают смысловое (а нередко и текстуальное) воспроизведение как в законодательстве, так и в нормах различных общественных организаций. Вследствие этого расширяется область совместного регулирования политических отношений партийными, государственными, а также общественными организациями, усиливается взаимоподдержка, «взаимовыручка» издаваемых ими норм. Так, обязанность укреплять дружбу советских наций и народностей, предусмотренная в Уставе КПСС для членов партии, закреплена также в Конституции СССР как правовой долг всех граждан (ст. 64) и в Уставе ВЛКСМ как уставная обязанность комсомольца.

Значение партийных установок для развития политико-правовых (и иных политических) норм вытекает из объективного положения марксистско-ленинской партии в социалистическом обществе: КПСС призвана принимать по основным вопросам жизни такое решение, которое, по словам В. И. Ленина, «будет обязательным для всей республики» [1, т. 43, с. 62]. Ведущая, определяющая роль указаний КПСС в нормативном регулировании функционирования советской политической системы, в развитии других (прежде всего юридических) социальных норм обстоятельно обоснована в литературе. Руководство марксистско-ленинской партии — один из общепризнанных в социалистической юриспруденции принципов социалистического правотворчества.

Вместе с тем следует иметь в виду, что решения руководящих органов КПСС, содержащие установки по вопросам нормотворчества, обязательны в формальном отношении только для членов партии, партийных органов и организаций, причем лишь в силу Устава КПСС [10, с. 36]. *Общеобязательность* же таких установок обеспечивается последующим воплощением их в законах и иных нормативных актах Советского государства. Данное обстоятельство заслуживает особого внимания в свете содержащегося в документах XIX Всесоюзной конференции КПСС положения о том, что надо исключить принятие постановлений партийных комитетов, содержащих прямые указания государственным органам [14, 1988, 29 июня, 5 июля].

5. Проекты некоторых нормативных постановлений Правительства СССР рассматриваются Политбюро ЦК КПСС на

предмет их одобрения. Так, на заседании этого постоянно действующего руководящего органа партии, состоявшемся 24 сентября 1987 г., было одобрено постановление Совета Министров СССР «О комплексной реконструкции и застройке в период до 2000 г. исторически сложившегося центра Москвы» [14, 1987, 26 сент.]. Это разумеется, не исключает традиционной практики издания совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

6. Определенные политические нормы общественных организаций могут одобряться, поддерживаться руководящими органами КПСС, после чего посредством государственного санкционирования приобретать и юридическую силу. Так, правило, согласно которому все вопросы обучения, труда, быта и отдыха молодежи должны решаться при непосредственном участии комсомольских организаций, было сформулировано в 1978 г. в решении XVIII съезда ВЛКСМ, затем (в 1984 г.) изложено в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» и, наконец, в 1985 г. закреплено юридически (применительно, в частности, к средним профессионально-техническим училищам) [7, с. 216—217; 9, 1984, № 11, с. 5; 5, 1985, № 10, ст. 141].

Характеристика соотношения партийного и государственного нормотворчества будет односторонней, неполной, если не отметить и известную зависимость партийно-политических установок от норм, принципов права. Так, в настоящее время более четко фиксируется влияние права на обеспечение юридической правомерности (законности) партийно-политического нормотворчества. Важную роль здесь призваны выполнять введенные в Основной Закон Советского государства правила о том, что все государственные и общественные организации обязаны соблюдать Конституцию СССР, советские законы (ст. 4), а также о том, что все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР (ч. 3 ст. 6). Последнее положение было вновь предельно четко подтверждено в одной из резолюций XIX Всесоюзной конференции КПСС: «Партия действует в рамках Конституции и советских законов» [14, 1988, 5 июля]. Эти рамки должны безусловно выдерживаться и в нормотворческой деятельности партийных организаций.

Одним из условий действительности тех партийных решений, которым предстоит воплотиться в законодательстве, является учет в них своеобразия правового регулирования, его специфических закономерностей: «Политика, пренебрегающая потребностями развития правового сознания и правовой формы общения людей, подтачивает, подрывает сама себя» [12, с. 17]. Действительно, указанные выше каналы реализации установок КПСС по вопросам совершенствования законодательства есть лишь особые формы партийного руководства. Социальная значимость же последних обуславливается *качеством со-*

держания предписаний, которые этими формами опосредуются. В состав неперменных показателей такого качества входят и юридические (наряду с социально-экономическими, общеполитическими, идеологическими). Стремление учесть специфику правового регулирования отчетливо просматривается в ряде современных партийных документов по вопросам правотворчества. Так, в «Основных положениях коренной перестройки управления экономикой» предусмотрено разработать «строгие правовые процедуры» принятия хозяйственных решений на основе нового законодательства [3, с. 109].

Усиление взаимодействия правовых норм с нормами партийных (а также различных общественных) организаций проявляется в том, например, что во «внутренних» предписаниях партийных (и общественных) организаций закрепляются обязанности их членов исполнять, соблюдать, активно использовать законы Советского государства и иные юридические акты его органов, вести борьбу с их нарушениями. Например, в Уставе КПСС установлено, что член партии должен выступать против «любых действий, наносящих ущерб... государству», соблюдать «государственную дисциплину, одинаково обязательную для всех членов партии». В Уставе профессиональных союзов СССР предусмотрено, что член профсоюза обязан строго соблюдать государственную и трудовую дисциплину. Таковую же обязанность для комсомольцев закрепил и Устав XX съезд ВЛКСМ включил также в Устав ВЛКСМ обязанность комсомольца быть непримиримым к нарушениям социалистической законности.

Рассмотренные формы воздействия КПСС на развитие и осуществление советского законодательства (а также учет в них правовых начал) призваны способствовать «дальнейшему повышению руководящей роли партии, усилению ее влияния на деятельность во всех ячейках социалистического общества» [2, с. 113—114].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. 4. Ведомости Верховного Совета СССР. 5. СП СССР. 6. Ведомости Верховного Совета УССР. 7. XVIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи, 25—28 апреля 1978 г.: Стеногр. отчет. М., 1978. Т. II. 8. Известия. 9. Коммунист. 10. Конституция СССР: Политико-правовой комментарий. М., 1982. 11. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: социалистическое государство. М., 1972. 12. Остроумов Г. С. Соотношение правового и политического сознания // Вопр. филос. 1964. № 5. 13. Первая сессия Верховного Совета СССР (одинадцатого созыва) 11—12 апреля 1984 г.: Стеногр. отчет. М., 1984. 14. Правда. 15. Правотворчество в СССР. М., 1974.

Поступила в редколлегию 13.07.88

ПРИНЦИП СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ — ОСНОВА ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

На XXVII съезде КПСС указывалось на необходимость строжайшего соблюдения демократических принципов правосудия, равенства граждан перед законом, других гарантий, обеспечивающих защиту интересов государства и каждого гражданина [1, с. 61].

Проблеме социалистической законности наука гражданского процессуального права всегда уделяла большое внимание. Вместе с тем она исследуется в основном применительно к деятельности судов первой инстанции. Законность как научная и практическая проблема не менее важна и для судебного надзора.

Анализ работы судебно-надзорных органов показывает, что еще не все их решения выполняются с соблюдением требования законности. Так, если в 1982 г. количество отмененных в порядке надзора определений судебной коллегии по гражданским делам Харьковского областного суда составляло 0,84 % от рассмотренных дел, то в 1983 г. — 1,1 %, а за 9 месяцев 1984 г. — 2,1 %.

Всеобщность законности в сфере осуществления правосудия по гражданским делам предполагает строгое и неуклонное соблюдение законов и подзаконных актов всеми судебными органами. Законность есть принцип организации и деятельности всех звеньев судебной системы. Вместе с тем принцип социалистической законности в гражданском процессе выражается и в обязанности всех участников процессуальной деятельности строго исполнять закон.

Точное и неуклонное соблюдение норм права — важнейшее требование, предъявляемое к деятельности суда и других участников процесса. Поэтому в сопоставлении с иными принципами принцип законности является основным.

Ученые единодушны в том, что соблюдение судом указанного принципа носит характер процессуальной обязанности, однако суть его трактуется ими неодинаково. Так, М. А. Гурвич полагал, что процессуальные обязанности суда — это обязанности перед государством, а не перед лицами, участвующими в данном деле. Свою позицию он обосновал тем, что лица, участвующие в деле, не могут, например, обжаловать решение Верховного Суда СССР, кассационное определение [3, с. 75—78]. По мнению Н. Б. Зейдера, обязанность суда перед стороной и другими лицами, участвующими в деле, в то же время является его обязанностью как органа правосудия перед государством [4, с. 61]. А. Ф. Козлов [5, с. 63]

и М. Г. Авдюков [2, с. 43] указывали на то, что обязанность суда точно и строго применять законы следует рассматривать в двух аспектах: как обязанность перед государством и как обязанность перед лицами, участвующими в деле.

Последнее мнение представляется наиболее предпочтительным. Действительно, нет каких-либо оснований отрицать корреспондирующий характер прав и обязанностей участников правоотношений только потому, что нельзя обжаловать решения Верховного Суда СССР и кассационные определения. Подобные ограничения обусловлены характером советской кассации, ее отличием от буржуазной кассации и апелляции. Не следует отождествлять и обязанность суда перед государством с обязанностью перед лицом, участвующим в деле. Последняя носит только процессуальный характер, между тем как первая является и процессуальной, и организационной.

Таким образом, суд обязан строго соблюдать законность как перед государством, так и перед лицами, участвующими в деле. Однако данный вывод нуждается в уточнении. Субъекты гражданских процессуальных отношений — не только лица, участвующие в деле, но и лица, содействующие осуществлению правосудия. По отношению к ним суд также несет соответствующие процессуальные обязанности. Например, ст. 20 ГПК УССР предусматривает право эксперта и переводчика на самоотвод. В случае заявления отвода (а следовательно, и самоотвода) суд должен выслушать лицо, которому заявлен отвод, если оно желает дать объяснение. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить, но очевидно, что права и обязанности суда и лиц, содействующих осуществлению правосудия, также носят взаимный характер.

Корреспондирующий характер процессуальных прав и обязанностей суда и других участников процесса предопределяет наличие двухсторонних санкций, ибо обязанность только тогда будет правовой обязанностью, если за ее неисполнение субъект процессуальной деятельности претерпевает неблагоприятные последствия.

Неисполнение обязанности перед государством по соблюдению законности влечет для суда неблагоприятные процессуальные либо организационные и процессуальные последствия (отмена решения, частное определение, дисциплинарное взыскание в отношении судьи и т. д.). Неисполнение обязанности перед другими участниками процесса также ведет к возникновению определенных санкций (обжалование и опротестование решения лицами, участвующими в деле, подача жалобы на судью за волокиту в рассмотрении дела и т. д.).

Обязанности других участников процессуальной деятельности по точному и неуклонному соблюдению норм права также имеют двоякую направленность: в отношении государства в целом и в отношении суда как субъекта правоотношения.

Обязанности первого вида в процессуальной литературе практически не исследовались, и поэтому данный тезис нуждается в обосновании.

Согласно Конституции граждане СССР обязаны соблюдать советские законы (ст. 59), использование ими прав и свобод не должно наносить ущерб интересам государства и общества, правам других граждан (ст. 39). Эти и целый ряд других обязанностей имеют общий характер и конструируются как обязанности перед государством в целом. Следовательно, и обязанность граждан СССР соблюдать гражданское процессуальное законодательство есть обязанность перед государством. Здесь может последовать возражение: исполнение процессуального законодательства осуществляется в гражданском судопроизводстве, а значит, субъектами обязанностей могут быть только участники процесса и несут они их перед судом. Однако, во-первых, субъектами обязанности исполнять процессуальное законодательство не всегда бывают только участники данного дела. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 172 ГПК УССР должностное лицо предприятия, учреждения или организации обязано обеспечить явку представителя в судебное заседание. Согласно ст. 48 ГПК государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации обязаны по требованию суда представить письменные доказательства. Эти и ряд других подобных обязанностей, по нашему мнению, следует расценивать как обязанности перед государством. Другое дело, что потребовать исполнения указанных обязанностей может суд, но и здесь он выступает от имени и как представитель государства. Во-вторых, в гражданском судопроизводстве обязанности самих участников процесса не однозначны, что наиболее полно подтверждает анализ характера процессуальных санкций.

Согласно ст. 291 ГПК УССР лица, участвующие в деле, имеют право обжаловать судебное решение в течение 10 дней со следующего дня после оглашения решения. Процессуальный закон предусматривает обязанность лиц, участвующих в деле, при обжаловании решения соблюдать установленный законом срок. Неисполнение данной обязанности без уважительных причин лишает их возможности обжаловать судебное решение. Более того, суд также обязан принять кассационную жалобу или кассационный протест только в пределах установленного законом срока. Следовательно, и он обязан перед государством соблюдать установленный срок.

В других же случаях решение вопроса о применении или неприменении санкций к субъекту процессуальной обязанности зависит от суда. Это имеет место тогда, когда праву суда потребовать определенного поведения от участников процесса корреспондирует их обязанность вести себя надлежащим образом. В подобных случаях субъекты процессуального права

и процессуальной обязанности являются субъектами процессуального правоотношения.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что обязанность суда по точному и неуклонному соблюдению норм материального и процессуального права представляет собой и обязанность перед государством, и обязанность перед лицами, участвующими в деле, и другими участниками гражданской процессуальной деятельности.

Думается, что изложенное дает основания определить одно из направлений поддержания режима социалистической законности в гражданском судопроизводстве — применение процессуальных санкций. Причем такое применение должно стать исходным моментом совершенствования не только деятельности суда первой инстанции, но и деятельности по судебному надзору, которая в свою очередь является средством, воздействующим на деятельность судов, рассматривающих дело по существу. Вместе с тем укрепление режима социалистической законности в гражданском судопроизводстве не сводится только к совершенствованию деятельности самих судов. Большое значение в этом плане имеют: повышение уровня правового сознания граждан, предприятий, учреждений и организаций с целью добровольного и сознательного исполнения возложенных на них процессуальных обязанностей, а также добросовестного использования ими процессуальных прав; меры общественного воздействия к лицам, не исполняющим обязанности (например, ст. 177 ГПК РСФСР); дальнейшее совершенствование гражданского процессуального законодательства. Решение этих задач приобретает на современном этапе особое значение в свете Постановления Пленума ЦК КПСС от 18 февраля 1988 г. о необходимости организации юридического всеобуча как единой общегосударственной программы, охватывающей все слои населения, все кадры в центре и на местах.

Таким образом, поддержание режима социалистической законности в гражданском судопроизводстве с помощью вышеуказанных рычагов — объективная и необходимая основа дальнейшего совершенствования всей судебной деятельности.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986. 2. *Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве.* М., 1970. 3. *Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ.* М., 1965. Т. 3. 4. *Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения.* Саратов, 1965. 5. *Советское гражданское процессуальное право.* М., 1965.

Поступила в редколлегию 20.06.88

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Рассмотрение и расширение судом гражданских дел — одна из форм государственной деятельности по защите прав и законных интересов граждан и социалистических организаций. В соответствии со ст. 57 Конституции СССР советские граждане имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество. После принятия Конституции 1977 г. интерес к исследованию форм реализации права на судебную защиту значительно возрос. Причем мнения ученых-процессуалистов по этому вопросу разделились. Под формой реализации права на судебную защиту, например, А. Н. Кожухарь подразумевает обращение заинтересованного лица в суд [3, с. 26]. Е. Г. Пушкар также считает, что при нарушении субъективного материального права у заинтересованного лица возникает право на судебную защиту, а способом реализации такого права является обращение заинтересованного лица в суд [4, с. 8].

По поводу изложенных позиций следует заметить, что обращение в суд первой инстанции заинтересованного лица — основная, но не единственная форма реализации права на судебную защиту. Как видно, ею не охватываются способы и средства судебной защиты интересов ответчика и других лиц, участвующих в деле. Кроме того, судебная защита законных прав и интересов возможна и в порядке уголовного судопроизводства [1, с. 38].

Таким образом, утверждение о том, что право на судебную защиту реализуется лишь путем обращения в суд, носит односторонний характер. И не случайно некоторые ученые полагают, что существуют несколько форм реализации этого права. Так, М. С. Шакарян считает, что судебной защитой охватывается возможность обращения не только в суд первой, но и кассационной инстанции, возбуждения дела по вновь открывшимся обстоятельствам, а также реализации судебного решения. С момента возбуждения производства по пересмотру судебных постановлений в порядке судебного надзора также реализуется право на судебную защиту. Этим правом обладают как истцы, заявители, так и ответчики, третьи лица и заинтересованные лица в неисковых производствах [5, с. 34].

Соглашаясь в принципе с приведенной точкой зрения, уточним, что лица, не являющиеся субъектами права на обращение в суд, также, как и заявители, пользуются правом на судебную защиту. Вместе с тем формы реализации ими такого права отличаются от форм реализации истцом права на судебную защиту. Право ответчика на судебную защиту закреп-

лено в форме материально-правовых и процессуально-правовых возражений, а также в форме предъявления встречного иска. Возражая против иска, ответчик опровергает его фактическое и правовое основание, добиваясь тем самым защиты своего оспариваемого права или охраняемого законом интереса. Как процессуально-правовые, так и материально-правовые возражения по существу направлены против иска, против его удовлетворения. Если материально-правовые возражения ответчика обоснованны, в удовлетворении иска должно быть отказано. Народными судами Харьковской области в 1980—1985 гг. было рассмотрено 33 дела о незаконной охоте и уничтожении рыбных запасов. При этом иски удовлетворены только в 16 случаях. Отказ в удовлетворении исков в остальных случаях был мотивирован отсутствием доказательств, подтверждающих вину ответчиков в уничтожении рыбных запасов или нарушении правил охоты. Правомерные отказы в удовлетворении таких исков и явились способами судебной защиты прав ответчиков.

Если процессуально-правовые возражения аргументированы и обоснованы, процесс будет прекращен или же заявление останется без рассмотрения [2, с. 114].

В большинстве случаев встречный иск предъявляется против первоначального. Ответчик в данной ситуации добивается отклонения требований истца. Предъявление встречного иска дает возможность путем совместного рассмотрения его с первоначальным более полно учесть правовые отношения сторон, сократить затраты средств и времени на осуществление правосудия. Удовлетворение встречного иска исключает полностью или частично удовлетворение требования истца.

Праву истца на судебную защиту соответствует обязанность суда при наличии определенных предпосылок принять заявление, рассмотреть его и вынести законное и обоснованное решение или иное постановление. Праву ответчика на судебную защиту корреспондируется обязанность суда исследовать его материально-правовые или процессуально-правовые возражения либо рассмотреть встречный иск по существу, что также должно найти соответствующее закрепление в судебном постановлении. Таким образом, судебное решение или определение фиксирует результат реализации субъектами спорного правоотношения права на судебную защиту.

Право на судебную защиту принадлежит не только сторонам и третьим лицам в исковом производстве, но и заявителям, административным органам и заинтересованным лицам в делах неискового производства. Обращение в суд за защитой субъективного права или охраняемого законом интереса — форма реализации права на судебную защиту заявителей; в возражениях заинтересованных лиц реализуется их право на судебную защиту. Судебным решением закрепляется ре-

зультат реализации права на судебную защиту. Так, при вынесении решения об удовлетворении жалобы на действия административного органа по поводу наложения административного взыскания суд тем самым защищает права гражданина в области административных правоотношений. Анализ результатов рассмотрения народными судами Украинской ССР жалоб на действия административных органов показывает, что процент удовлетворения жалоб достаточно высок. Удовлетворение судами такого рода жалоб за последние 8 лет составило от 65 до 75 % от общего числа рассмотренных судами жалоб. При рассмотрении жалоб судами были установлены факты незаконного привлечения граждан к административной ответственности, в связи с чем выносились решения об удовлетворении жалоб. Полномочие суда по удовлетворению жалобы и следует считать способом защиты прав граждан от незаконных действий административных органов.

Отказывая в удовлетворении жалобы, суд тем самым подтверждает законность и обоснованность действий административного органа по привлечению гражданина к административной ответственности.

В делах о взыскании с граждан недоимки по налогам, самообложению сельского населения и государственному обязательному страхованию право на обращение в суд принадлежит финансовому или страховому органу. Однако в процессе рассмотрения заявления суд должен проверить: имеются ли законные основания для взыскания с гражданина платежа; соблюден ли соответствующим органом установленный законом порядок привлечения гражданина к платежу; приняты ли во внимание органами взыскания льготы, которыми имеет право пользоваться гражданин. Если требования о взыскании недоимки будут признаны судом законными, постановляется решение об изъятии у недоимщика имущества согласно представленному в суд акту описи. Если суд установит незаконность такого требования, он отказывает в его удовлетворении. В обоих случаях результат реализации субъектами спорного правоотношения права на судебную защиту воплощается в акте правосудия.

Аналогичный вывод вытекает из анализа норм гражданского процессуального права, регулирующих порядок рассмотрения дел особого производства. Например, право обращения в суд с заявлением о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным принадлежит членам его семьи, профсоюзам и другим общественным организациям, прокурору, органам опеки и попечительства, психиатрическому лечебному заведению (ст. 256 ГПК УССР). Однако при недоказанности фактов, свидетельствующих о злоупотреблении гражданином спиртными напитками или наркотическими веществами, или фактов, подтверждающих наличие психической болезни или слабоумия гражданина, суд откажет в удовлет-

ворении заявления. В делах о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении его умершим право на обращение в суд также принадлежит определенным заинтересованным лицам. В процессе же рассмотрения заявления обеспечивается защита законных интересов безвестно отсутствующего гражданина. Результат реализации права на судебную защиту воплощается в судебном решении.

Как уже отмечалось, судебная защита реализуется в суде не только первой инстанции, но и кассационной. Формой реализации права на судебную защиту в данном случае является обращение лица, участвовавшего в деле, в суд кассационной инстанции в целях отмены либо изменения постановления суда первой инстанции ввиду его незаконности или необоснованности. Такому праву соответствует обязанность суда принять кассационную жалобу, если кассатором соблюдены все правила обращения в суд кассационной инстанции, проверить законность и обоснованность не вступившего в законную силу судебного решения и вынести определение, в котором на основании предусмотренных законом полномочий отразить результат реализации права на судебную защиту. Отменой незаконного или необоснованного судебного решения обеспечивается защита субъективных прав и охраняемых законом интересов участвовавших в деле лиц.

Формой реализации права на судебную защиту выступает также деятельность лиц, участвовавших в деле, основанная на праве обращения в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений и постановлений суда, вступивших в законную силу. Суд проверяет обоснованность заявления (представления) о пересмотре акта правосудия по вновь открывшимся обстоятельствам и при наличии предусмотренных законом оснований постановляет определение об удовлетворении заявления (представления), отменяет решение, определение или постановление. При необоснованности заявления (представления) суд отклоняет его (ст. 346 ГПК УССР). Таким образом, в определении суда воплощается результат реализации права на судебную защиту, закрепленного нормами института пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Право на судебную защиту реализуется и в процессе производства по пересмотру судебных решений, определений и постановлений в порядке надзора. Здесь право на обращение в суд принадлежит ограниченному кругу должностных лиц. Тем не менее судебная защита осуществляется в отношении всех заинтересованных лиц. Оставление судебным надзорным органом опротестованного постановления без изменения свидетельствует о законности и обоснованности такого постановления, о правомерной реализации в поднадзорных судебных органах права на судебную защиту. Отмена опротестованных постановлений либо их изменение свидетельствует о неправо-

мерности процесса реализации права на судебную защиту в поднадзорных судебных органах.

Судебная защита законных прав и интересов в специфических формах осуществляется и в стадии судебного исполнения. Предъявление исполнительного документа к взысканию форма реализации права взыскателя на судебную защиту. Но правом на судебную защиту в стадии исполнения судебных решений обладает и должник: суд охраняет неприкосновенность личности должника, его достоинство. Закон не допускает арест должника, его личный обыск, ограничение передвижения, принудительный привод в суд. В случае болезни должника или членов его семьи, отсутствия присужденного имущества в натуре, стихийного бедствия и других уважительных причин суд может отсрочить или рассрочить исполнение решения или дать указание об изменении способа и порядка его исполнения (ст. 366 ГПК УССР). В случае смерти должника или утраты им дееспособности, пребывания в действующей части Вооруженных Сил СССР, оспаривания им исполнительной надписи нотариуса или предъявления иска об исключении имущества из описи судья обязан приостановить исполнение решения (ст. 367 ГПК УССР). Исполнение может быть приостановлено по просьбе должника, находящегося в составе Вооруженных Сил СССР, или в случае его пребывания в длительной служебной командировке либо нахождения в лечебном заведении (ст. 368 ГПК УССР) и т. д.

Таким образом, реализация права на судебную защиту не может быть сведена только к обращению в суд. Право на судебную защиту реализуется также посредством организации защиты интересов ответчика и других заинтересованных лиц от незаконного притязания либо при осуществлении проверки законности и обоснованности постановлений органов правосудия, а также путем защиты интересов взыскателя и должника в исполнительном производстве. Формы реализации такого права различны и зависят от правового положения лиц, участвующих в деле, и стадии судопроизводства.

Правильность и полнота реализации лицами, участвующими в деле, права на судебную защиту влияют на законность и обоснованность судебных постановлений. Одна из главных обязанностей суда — оказание лицам, участвующим в деле, содействия в осуществлении их прав (ст. 15 ГПК УССР). Такое содействие и воплощается в различных формах судебной защиты.

Список литературы: 1. Ванеева Л. А. Конкретизация в ГПК РСФСР права граждан на судебную защиту // Проблемы применения и совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Калинин, 1984. 2. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. 3. Кожухарь А. Н. К вопросу о понятии защиты гражданских прав и права на судебную защиту // Вопросы развития теории гражданского процессуального права. М., 1981. 4. Пушкар Е. Г. Право на обращение в суд за судебной защитой: Автореф. дис. . . . д-ра юрид. наук.

Л. Я. НОСКО, канд. юрид. наук
Харьков

О ВЗАИМОСВЯЗИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА С МАТЕРИАЛЬНЫМИ ОТРАСЛЯМИ ПРАВА

Совершенствование правоприменительной деятельности судов по гражданским делам требует четкого уяснения взаимосвязи гражданского процессуального права с материальными отраслями права. Правильное раскрытие указанной взаимосвязи возможно лишь через механизм правового регулирования общественных отношений.

Структурно, как известно, механизм правового регулирования общественных отношений состоит из следующих элементов: норма права, юридические факты, правоотношение. Норма права определяет модель и программирует поведение субъектов правоотношения, т. е. содержание их субъективных прав и юридических обязанностей. Причем сердцевиной правового регулирования выступают субъективные права и юридические обязанности. Именно они, реализуясь в фактических отношениях, в поведении конкретных лиц — субъектов правоотношения, определяют урегулированность, упорядоченность общественных отношений в соответствии с государственной волей [1, с. 34].

Материальные правоотношения развиваются нормально, если фактическое поведение субъектов полностью совпадает с моделью правоотношения, их субъективными правами и обязанностями. В данном случае можно говорить о соблюдении социалистической законности и обеспечении в конечном счете правопорядка в обществе. Нормальное развитие материального правоотношения свидетельствует о достижении цели правового регулирования. Если фактическое поведение субъектов правоотношения не совпадает с их правовой нормой (моделью), правоотношение из нормально развивающегося (безупречного) трансформируется в аномальное (упречное) [5, с. 6]. В связи с правонарушением как юридическим фактом возникает новое материальное правоотношение. Это происходит тогда, когда субъекты материального правоотношения не соблюдают предписаний правовых норм. Первое, нормально развивающееся материальное правоотношение, является регулятивным, а второе — охранительным [7, с. 339].

Для перевода аномального правоотношения в нормальное материальное требуется вмешательство извне государства

в лице юрисдикционных органов, задача которых — защита субъективного права гражданина или социалистической организации посредством применения нормы права, т. е. путем приведения в соответствие фактического поведения субъектов материального правоотношения с его правовой моделью.

Взаимосвязь гражданского процессуального права с материальными отраслями права осуществляется через охранительные материальные правоотношения. Предпосылкой возникновения гражданского процессуального правоотношения служит появление объекта защиты — нарушенного или оспариваемого субъективного материального права или охраняемого законом интереса [3, с. 11]. Как в первом, так и во втором случае, цель защиты заключается в обеспечении нормального развития уже существующего материального правоотношения или того, которое возникает в будущем, в защите субъективного материального права. Убедительна позиция С. С. Алексеева, который пишет: «В процессе правового регулирования складываются охранительные правоотношения, опосредствующие охранительную функцию социалистического права. В социалистическом обществе они носят дополнительный характер, обеспечивают реализацию мер государственного воздействия к лицам, нарушающим юридические обязанности. В рамках охранительных правоотношений осуществляется защита субъективных прав, проводятся в жизнь меры юридической ответственности» [7, с. 339; 253—256]. Под защитой субъективных прав С. С. Алексеев понимает процессуальные правоотношения, опосредствующие принудительную деятельность, т. е. рассматривает в единстве охранительное материальное правоотношение и процессуальное, но ведущую роль отводит первому.

Деятельность суда и конкретное охранительное правоотношение сливаются воедино в процессуальном правоотношении. Охранительное материальное правоотношение есть предмет рассмотрения, вокруг которого и по поводу которого развиваются процессуальные правоотношения. Задача суда сводится к тому, чтобы определить, является ли материальное правоотношение нормальным или аномальным, и защитить субъективное право (в первом случае — ответчика, во втором — истца).

Сущность взаимосвязи гражданского процессуального права с отраслями материального права не может быть глубоко уяснена, если не раскрыты механизм данной взаимосвязи и связующее звено.

Связующее звено между гражданским процессуальным правом и материальными отраслями права, на наш взгляд, — не само охранительное материальное правоотношение, а принадлежащие гражданину или социалистической организации право на судебную защиту и право на обращение в суд.

Понятие «право на судебную защиту» в процессуальной литературе зачастую отождествляют с понятием «право на

обращение в суд». Однако, будучи взаимосвязанными, понятия эти разные.

Право на судебную защиту и право на обращение в суд — элементы правового статуса, под которым понимается исходное, базовое правовое положение лица в обществе. На юридической основе правового статуса как «возможности» складываются, существуют, изменяются или прекращаются разнообразные конкретные правовые отношения с другими субъектами [5, с. 542; 9, с. 587].

К элементам правового статуса относятся правоспособность и определяющие ее содержание основные, закрепленные в законе права, которые называют общими субъективными правами, т. е. общими для всех граждан, или общерегулятивными [6, с. 526—527; 1, с. 140—147]. Поскольку субъективные права бывают двух видов — общие и индивидуальные, — право на судебную защиту и право на обращение в суд тоже могут быть двух видов: общее субъективное право — предпосылка для возникновения индивидуального субъективного права и индивидуальное. Различие состоит в том, что общее субъективное право есть суть возможность, а индивидуальное — это то субъективное право конкретного лица, которому корреспондирует юридическая обязанность другого лица. Первое выражает длящееся отношение субъекта во всех возможных правовых взаимоотношениях с любым из возможных субъектов [3, с. 586—587]; второе, напротив, выражает индивидуализированные правовые связи субъектов, конкретизированные в содержании возможного и должного поведения [9, с. 586—587].

Общее субъективное право на судебную защиту у лица, являющегося субъектом конкретного охранительного материального правоотношения, превращается в индивидуальное, когда появляется объект защиты — нарушенное или оспариваемое субъективное материальное право. При этом переход от общего субъективного права на судебную защиту к индивидуальному возможен при наличии у лица гражданской правоспособности.

Общее субъективное право на судебную защиту, закрепленное в ст. 57 Конституции СССР, по существу может быть отнесено к государственно-правовому, так как опосредствует связь между субъектом и государством в лице суда. Следовательно, и индивидуальное субъективное право на судебную защиту по правовой природе является материальным субъективным правом. Однако реализуется оно только через правоприменительное процессуальное правоотношение, для возникновения которого необходимо наличие у лица другого субъективного права — процессуального права на обращение в суд. Это субъективное право (также общерегулятивное) относится к содержанию правового статуса. Как элемент правового статуса оно существует у каждого лица до возникновения

конкретного процессуального правоотношения. Индивидуальным субъективным правом на обращение в суд оно становится с появлением у конкретного лица процессуальной «заинтересованности», т. е. интереса в возбуждении гражданского дела в суде. Такой интерес может возникнуть у лица, обращающегося за защитой своих материальных субъективных прав, и у лиц, которые уполномочены обращаться за защитой субъективных прав других лиц (ст. 6 Основ гражданского судопроизводства). Возникновение подобного интереса всегда связано с наличием конкретного охранительного материального правоотношения. Побудительным же началом возникновения права на обращение в суд выступает наличие у субъекта охранительного материального правоотношения права на судебную защиту.

Таким образом, переход общего субъективного права на судебную защиту к индивидуальному осуществляется путем реализации субъективного процессуального права на обращение в суд [8, с. 7]. Право на судебную защиту как общее субъективное право принадлежит всем гражданам с момента рождения и представляет собой элемент не только их правового статуса, но и правоспособности, которая, в свою очередь, также является элементом правового статуса [9, с. 542]. В отличие от права на судебную защиту право на обращение в суд принадлежит только субъектам, наделенными процессуальной дееспособностью.

Право на обращение в суд есть право на возбуждение гражданского процесса. Таким образом, у конкретного субъекта оно возникает при наличии определенных предпосылок и условий, указанных в процессуальном законе (ст. 136 ГПК УССР). Реализация права на судебную защиту также зависит от наличия тех же предпосылок и условий. Следовательно, право на судебную защиту — это такое общее субъективное право, которое реализуется не непосредственно (как, например, право гражданства), а опосредованно, через право на обращение в суд. Именно так право на судебную защиту и право на обращение в суд связывают гражданское процессуальное право с материальными отраслями права через охранительные материальные правоотношения. Познание механизма данной функциональной связи имеет существенное значение в правоприменительной практике. Функциональные связи в системе советского права — важнейший ориентир при систематическом толковании юридических норм [2, с. 257].

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 2. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975. 3. *Ванеева Л. А.* Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972. 4. *Елисейкин П. Ф.* Право советских граждан на судебную защиту как право конституционное и субъективное. Ярославль, 1979. 5. *Кузнецов Н. А.* Санкции в гражданском процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. 6. *Марксистско-ленинская* общая теория государства и права. Социалисти-

ческое право. М., 1973. 7. *Основы теории государства и права* / Под ред. С. С. Алексеева М., 1971. 8. *Пушкар Е. Г. Конституционное право на судебную защиту*. Львов, 1982. 9. *Теория государства и права* / Под ред. Н. Г. Александрова М., 1974.

Поступила в редколлегию 23.06.88.

П. И. РАДЧЕНКО, канд. юрид. наук
Харьков

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Существенный вклад в укрепление социалистической законности, повышение социально-правовой активности каждого советского гражданина призваны внести суд, арбитраж и другие юрисдикционные органы.

Важная роль отводится разработке и осуществлению мер по совершенствованию деятельности каждого юрисдикционного органа, среди которых изменение законодательной базы является основным средством подъема ее на новый, более высокий качественный уровень.

В юридической литературе отсутствует единство взглядов на понятие гражданской юрисдикции. Традиционно юрисдикцию отождествляют с судопроизводством. Однако суд давно уже перестал быть единственным органом, компетентным давать правовую оценку фактам, разрешать правовые вопросы, споры о праве. В настоящее время активную роль в решении этих вопросов играют другие государственные и общественные органы, осуществляющие правоохранительную функцию.

Разрешая дела, правоохранительные органы способствуют претворению в жизнь норм советского права, устранению правонарушений и порождающих их причин. Поэтому и понятие «юрисдикция» стало более широким, чем «правосудие». Оно включает в себя деятельность других правоприменительных органов, которые рассматривают и разрешают гражданские, уголовные и административные дела. Сказанное, однако, не означает, что всякая правоприменительная деятельность возможна лишь как юрисдикционная [3, с. 109]. На наш взгляд, нельзя ставить в один ряд надзорно-контрольную и обеспечительную деятельность с деятельностью по рассмотрению и разрешению правовых споров и дел о различных правонарушениях, тем самым расширяя содержание юрисдикционной деятельности до объема всей правоприменительной практики.

Юрисдикция — только часть правоохранительной деятельности, направленной на разрешение гражданских дел. Именно указанные полномочия и определяют место юрисдикционных органов в системе правоохранительных органов. К таким органам следует отнести суд, арбитраж, третейский суд, товарищес-

кий суд, комиссию по рассмотрению трудовых споров, профсоюзные комитеты. Юрисдикционным органам присущи признаки, раскрывающие их природу, отличающие от других правоприменительных органов. Одним из таких признаков является рассмотрение и разрешение правового вопроса специально уполномоченным на то органом, который создается в установленном законом порядке. Конкретный состав и объем полномочий участников юрисдикционной деятельности четко фиксируются соответствующим законом, где точно определено, кто может быть субъектом этой деятельности, что он должен делать и каким образом осуществлять свои полномочия. Характерными, например для суда, являются его организация и деятельность на принципах социалистического демократизма, закрепленных Конституцией СССР: равенство всех граждан перед законом и судом; образование всех судов на началах выборности; коллегиальное рассмотрение дел во всех судах, а по первой инстанции — с участием народных заседателей; национальный (родной) язык судопроизводства; открытое разбирательство дел и иные. Организация, порядок деятельности и компетенция судов определяются и Законом о выборах районных (городских) народных судов Украинской ССР, Законом о судостроительстве Украинской ССР, ГПК УССР и другими нормативными актами. Сказанное в полной мере распространяется и на государственный арбитраж. Так, в ст. 3 Закона о Государственном арбитраже в СССР указано, что организация, порядок деятельности и компетенция органов государственного арбитража определяются Законом, Положением и Правилами, иными актами законодательства Союза ССР, а также положениями об органах государственного арбитража в союзных республиках, утвержденными Советами Министров союзных республик по согласованию с государственным арбитражем СССР. В Положении о порядке рассмотрения трудовых споров, в Положении о товарищеских судах Украинской ССР также имеются разделы об организации, порядке работы и компетенции данных юрисдикционных органов.

Следующим признаком органов, характеризующим их юрисдикционный характер, является независимость в своих действиях при разрешении конкретного дела. Например, за попытки «влиять» на суды В. И. Ленин предлагал привлекать виновных к строжайшей партийной ответственности вплоть до *исключения из партии* [1, т. 45, с. 53]. Поскольку правосудие — высшая форма защиты прав и охраняемых законом интересов, принцип независимости и подчинения только закону судей и народных заседателей зафиксирован в ст. 155 Конституции СССР. Он гарантируется целым рядом институтов гражданского процессуального права (выборность, тайна совещательной комнаты, отводы и самоотводы и т. п.).

Независимость других юрисдикционных органов в выполнении своих функций, хотя и не закреплена в виде отдельного положения, вытекает из действующего законодательства. Так, в ст. 1 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами указано, что настоящие Правила имеют целью обеспечение разрешения споров государственными арбитражами в точном соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик. Считаю целесообразным в законодательстве об арбитраже конкретно сформулировать принцип независимости арбитров и арбитража при рассмотрении и разрешении дел и подчинении их только закону.

Независимость других юрисдикционных органов при рассмотрении и разрешении гражданских дел гарантируется возможностью устранить заинтересованных лиц от участия в деле. Так, например, в ст. 13 Положения о товарищеских судах Украинской ССР указано, что лицо, привлеченное к товарищескому суду, потерпевший и участники гражданско-правового спора могут заявить отвод председательствующему и членам товарищеского суда при наличии обстоятельств, дающих основание считать, что председательствующий или член товарищеского суда может быть лично заинтересован в исходе дела. Аналогичное правило содержится в ст. 18 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров.

Правоприменительная деятельность юрисдикционных органов проходит три стадии: возбуждение дела, подготовка дела к разбирательству и разбирательство дела. Каждая из них имеет свои цели и задачи, что обуславливает характер деятельности юрисдикционного органа. Это в свою очередь определяет объем и характер прав, которыми в данных стадиях обладают участники процесса. Например, в стадии разбирательства дела для того, чтобы его рассмотреть и разрешить по существу и вынести законное и обоснованное решение, юрисдикционному органу, рассматривающему дело, необходимо исследовать все доказательства по делу, установить все факты, имеющие значение для дела, действительные права и обязанности участников процесса, выяснить существующие между сторонами правоотношения. Правильно и своевременно все это осуществить юрисдикционный орган может лишь при активном участии в разбирательстве дела всех заинтересованных лиц. Между тем на практике указанное правило не всегда соблюдается. Так, при разрешении спора между бывшими супругами П. и О. о разделе имущества Вышгородский районный народный суд Киевской области признал за П. право пользования земельным участком и строениями в садоводческом товариществе и обязал ее выплатить задолженность по полученной в государственном банке ссуде на освоение земельного участка и возведение строений. Отменяя указанное решение, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда УССР указала, что суд должен был привлечь к участию в де-

ле государственный банк, выдавший ссуду, и разрешить спор с учетом задолженности по ней [8, с. 84].

Обязательный признак гражданской юрисдикции — процессуальная форма. Это порядок рассмотрения и разрешения всех возникающих при производстве по делу вопросов, принятия решений, которые относятся к компетенции органов гражданской юрисдикции; форма связи, последовательность и система тех действий и отношений, из которых складываются производство по делу: прохождение дела через стадии возбуждения, подготовки и разбирательства; последовательность, система тех действий и отношений, из которых складывается каждая отдельная стадия. Поэтому процессуальную форму следует понимать не только как предусмотренный законом порядок деятельности и совокупность условий либо процедурных требований, но и как реализацию данного порядка, условий, требований в конкретной деятельности по применению норм права судом, арбитражем, третейским судом, товарищеским судом, комиссией по рассмотрению трудовых споров, профсоюзным комитетом. Иными словами, процессуальная деятельность протекает не только в соответствии с процессуальной формой, но и в процессуальной форме [5, с. 94].

Между тем в литературе высказываются различные точки зрения относительно не только сущности, но и сферы применения гражданской процессуальной формы. Одни ученые ограничивают сферу применения. Так, Н. А. Чечина полагает, что данная сфера присуща лишь деятельности суда при осуществлении правосудия по гражданским и уголовным делам [6, с. 41—42]. В. М. Горшенев, наоборот, чрезмерно расширяет эту сферу, полагая, что процессуальная форма присуща и правоприменительной, и правотворческой деятельности [4, с. 61].

Думается, что процессуальная форма характерна только для юрисдикционной деятельности, поскольку лишь она протекает в правовой форме. Правовая процессуальная форма четко определяется конституционно и специальным законодательством, поэтому отступление от нее ведет к принятию незаконного решения. Сказанное не относится к правоприменительной процедуре в процессе управления и процедуре правотворчества. Причем, как правильно отметил А. М. Васильев, моральные и политические мотивы могут оказаться решающими при избрании методов обоснования и принятия решения. При выборе способа и процедуры оформления решений допускается возможность самоопределения. И это целесообразно, ибо иначе будут утрачены характерные для деятельности оперативность и творческий характер. И неслучайно критерием законности принимаемых органами правотворчества и государственного управления правовых актов являются содержание принятого решения, его правовая обоснованность по существу [2, с. 11—12].

Таким образом, для юрисдикции характерны следующие признаки: рассмотрение и разрешение правового вопроса специально уполномоченным органом, который создается в установленном законом порядке, четкое определение компетенции и порядка работы указанных органов нормативными актами; независимость в своих действиях при разрешении конкретного дела; стадийность правоприменительного процесса; гражданская процессуальная форма. Данный вывод имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Законодательство, регулирующее деятельность органов гражданской юрисдикции, должно осуществляться в направлении согласованности подведомственности им тех или иных гражданских дел. Судебный порядок должен использоваться лишь при наличии спора о праве, требующего вмешательства такого государственного органа, как суд. Говоря о тенденциях развития юрисдикционной деятельности, можно отметить, что в соответствии с Конституцией СССР судебная форма защиты прав должна расширяться. Сказанное не исключает необходимости других форм защиты прав, поскольку в настоящее время другие органы гражданской юрисдикции успешно решают стоящие перед ними задачи. Но они нуждаются в существенной перестройке своей деятельности. Непременное условие их эффективной работы — судебный контроль за действиями органов гражданской юрисдикции.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. // Васильев А. М. О правоприменении и процессуальном праве. М., 1980. 3. Воложин В. П. Понятие юрисдикции по гражданским делам // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. М., 1979. 4. Горшенев В. М. Природа и назначение процессуальной формы в советском праве // Вестн. Ярослав. ун-та. 1972. № 4. 5. Тертышников В. И. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве М., 1979. 6. Чечина Н. А. Судебная защита и конституционные принципы гражданского процессуального права. М., 1980. 7. Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. Л., 1961. 8. Рад. право.

Поступила в редколлегию 20.06.88

С. А. КОТЕНКО
Харьков

РЕГУЛЯТИВНЫЕ И ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Поставленная XXVII съездом КПСС задача дальнейшей демократизации правоприменительного процесса по уголовным и гражданским делам обуславливает необходимость определения путей совершенствования процессуального законодательства.

Правоприменительная деятельность судов, осуществляющих

правосудие по гражданским делам, регулируется двумя группами норм гражданского процессуального права — регулятивными и охранительными. Первые непосредственно направлены на регулирование общественных отношений путем установления прав и обязанностей их участников и разделяются на обязывающие и уполномочивающие [1, с. 29—46]; вторые — обслуживают первые, носят дополнительный характер и используются с целью предупреждения нарушения регулятивных или восстановления нарушенного процессуального права. Таким образом, в гражданском процессуальном праве охранительные нормы выполняют функцию гарантий.

Четкая грань между этими двумя группами норм в статьях процессуального закона отсутствует, поскольку они тесно взаимосвязаны и взаимодействуют. Раскрытие же механизма такой связи и взаимодействия данных групп норм имеет значение как для правоприменительной, так и правотворческой деятельности. Определив соотношение указанных видов норм, можно наметить пути дальнейшего совершенствования процессуального законодательства, разработать меры по устранению имеющихся пробелов.

Регулятивная гражданско-процессуальная норма оказывает свое непосредственное воздействие на регулируемые общественные отношения через содержащиеся в ней способы, условия и средства, т. е. устанавливая права и обязанности субъектов регулируемых процессуальных отношений в диспозиции и условия реализации таких прав и обязанностей в гипотезе правовой нормы, предусматривая при этом через санкцию средства воздействия на участников процесса, добровольно не соблюдающих предписаний диспозиции и гипотезы процессуальной нормы. Данная процессуальная норма устанавливает «модель» должного поведения участников процесса по рассмотрению и разрешению гражданского дела в суде.

Однако не всегда можно полностью гарантировать соблюдение должного поведения участниками гражданских процессуальных правоотношений только при помощи одних санкций регулятивных гражданско-процессуальных норм. Между тем для достижения цели процесса важно обеспечить правомерное поведение всех субъектов гражданско-процессуальных отношений в соответствии с требованиями гражданского процессуального законодательства. Такую обеспечительную функцию выполняют *охранительные* гражданско-процессуальные нормы во взаимодействии с регулятивными. Особенность их взаимодействия состоит в том, что регулятивное воздействие гражданских процессуальных норм на конкретные гражданские процессуальные отношения может обеспечиваться как бы извне, нормой, которая по своей природе является только охранительной. Типичным примером такой охранительной нормы может служить предписание, содержащееся в ст. 314 ГПК УССР. Данная статья предусматривает возможность отмены вынесен-

ного по делу решения за несоблюдение регулятивных норм, устанавливающих порядок рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде.

Чаще же связь регулятивных и охранительных гражданско-процессуальных норм осуществляется посредством взаимодействия и взаимопроникновения их структурных элементов. Это взаимопроникновение может выражаться в наличии общих структурных элементов. Таковыми могут быть диспозиция или санкция. Подобное явление заслуживает самостоятельного теоретического осмысления, но это реальность и, на наш взгляд, проблема законодательной техники, обеспечивающей оптимальное выражение права в текущем законодательстве.

В качестве примера коммуляции регулятивной и охранительной норм можно привести ст. 136 ГПК УССР, в которой закреплены обе нормы. В регулятивной норме диспозиция указывает на правило поведения, т. е. устанавливает «модель» должного поведения; в охранительной — диспозиция регулятивной нормы выступает как санкция, поскольку «указывает на государственно-принудительные меры, применяемые к правонарушителю» [1, с. 21—22]. Отметим что в ст. 136 ГПК УССР происходит трансформация диспозиции регулятивной нормы в санкцию охранительной. Так, диспозиция регулятивной нормы предписывает судье отказать в принятии искового заявления в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 136 ГПК УССР. В охранительной норме отказ в принятии заявления является уже санкцией, поскольку предусматривает неблагоприятные последствия для заявителя в случаях несоблюдения условий, изложенных в ч. 2 ст. 136 ГПК УССР. При этом охранительная норма предупреждает возникновение неправомерного процесса. В приведенном примере гипотеза регулятивной нормы и санкция охранительной имеют одинаковое словесное выражение в статье закона. Такого рода переходы структурных элементов гражданско-процессуальных регулятивных и охранительных норм из одного качества в другое и представляют определенную трудность в выделении данных групп норм.

Взаимопроникновение структурных элементов регулятивных и охранительных норм гражданского процессуального права может происходить не только в результате трансформации диспозиции в санкцию, но и за счет наличия общих для регулятивной и охранительной норм гипотезы или санкции. Возможность наличия общей гипотезы для регулятивной и охранительной гражданских процессуальных норм подтверждается содержанием ст. 136 ГПК УССР. Возможность же наличия общей санкции вытекает из анализа ст. 41 и 44 ГПК УССР. Так, диспозиция регулятивной нормы, содержащаяся в ст. 41 ГПК УССР, обязывает свидетеля явиться в суд и дать правдивые показания об известных ему обстоятельствах, а санкция предусматривает возможность принудительного привода

его в случае неявки без уважительных причин через орган внутренних дел (ст. 44 ГПК УССР). Охранительная же норма содержит право суда подвергнуть неявившегося свидетеля (диспозиция) принудительному приводу через орган внутренних дел (санкция). Следовательно, одна и та же санкция выступает в одном случае в качестве элемента регулятивной нормы, а в другом — охранительной. Однако назначение ее в регулятивных и охранительных нормах различно. В приведенном примере санкция регулятивной нормы ограничивается указанием на неблагоприятные последствия, выполняя при этом превентивную функцию, а в охранительной норме она выступает в качестве средства, обеспечивающего соблюдение предписаний регулятивной нормы. Таким образом, санкция охранительной нормы гарантирует достижение цели правового регулирования, изложенной в диспозиции регулятивной.

Выделяя регулятивную или охранительную гражданско-процессуальную норму, прежде всего следует определить характер регулируемого той или иной нормой правоотношения, поскольку в охранительном правоотношении охранительная гражданская процессуальная норма выступает в качестве регулятивной, так как регулирует порядок приведения аномального процессуального правоотношения в соответствие с требованиями гражданского процессуального закона.

Таким образом, регулирование гражданских процессуальных отношений осуществляется одновременно посредством установления при помощи регулятивных гражданских процессуальных норм «модели» должного поведения участников процесса по рассмотрению, разрешению гражданского дела и путем обеспечения соблюдения такой «модели» поведения с помощью санкций регулятивных норм и обеспечительного назначения охранительных. Любое регулятивное предписание гражданской процессуальной нормы должно быть обеспечено охранительной нормой, гарантирующей его соблюдение, а в случаях нарушения — приведение в соответствие с требованиями закона. Такое взаимодействие регулятивных и охранительных норм обеспечивает соблюдение гражданской процессуальной формы защиты прав граждан и социалистических организаций и, следовательно, правильное и быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел способствует укреплению социалистической законности и предупреждению правонарушений.

Изложенное позволяет вскрыть имеющиеся недостатки действующего гражданского процессуального законодательства и определить пути его совершенствования. Например, ст. 143 ГПК УССР устанавливает перечень действий, совершаемых судьей по подготовке дела к судебному разбирательству. Надлежащее исполнение указанных действий призвано обеспечить быстрое и качественное рассмотрение гражданского дела в стадии судебного разбирательства. Однако норма, содержащая

ся в ст. 143 ГПК УССР и регулирующая порядок проведения подготовки дела к судебному разбирательству, не дает прямого указания на обязанность судьи по совершению этих действий, а ограничивается лишь установлением примерного перечня. Такое положение, на наш взгляд, не обеспечивает надлежащей подготовки дела к судебному разбирательству. Так, Киевским районным народным судом г. Харькова рассматривалось гражданское дело по иску НИОХИМ к гр. Кольнер Б. И. о взыскании денежных сумм. В стадии подготовки дела к судебному разбирательству судьей не была назначена экспертиза для определения размера материального ущерба, причиненного ею НИОХИМ, что привело к приостановлению производства по делу в стадии судебного разбирательства по п. 5 ст. 222 ГПК УССР [3]. Между тем Пленумы Верховного Суда СССР и Верховного Суда УССР неоднократно указывали на обязанность судей обеспечивать надлежащее проведение подготовки дела к судебному разбирательству. Поэтому представляется целесообразным внести изменения в содержание ч. 1 ст. 143 ГПК УССР. Вместо слов — «при этом судья производит такие действия», указать — «при этом судья *обязан* произвести такие действия». Кроме того, необходимо учесть и тот факт, что надлежащее исполнение данной обязанности не обеспечено соответствующей охранительной нормой, которая устанавливала бы ответственность судьи за некачественное проведение подготовки дела к судебному разбирательству. Однако такой пробел можно устранить путем установления обязанности вынесения частного определения вышестоящим судом в случае, если считать, что «любые нарушения норм права, независимо от их последствий, следует признавать судебными ошибками» [2, с. 14]. Такая охранительная норма закреплена в ст. 320 и 342 ГПК УССР, но, к сожалению, сейчас ее применить можно только тогда, когда решение суда обжаловано или опротестовано как незаконное или необоснованное. Но и в этих случаях она не применяется вышестоящими судами по отношению к нижестоящим даже тогда, когда имеются факты волокиты, нарушения сроков рассмотрения гражданского дела по причине ненадлежащей подготовки его к рассмотрению. В данной связи в ст. 320 и 342 ГПК УССР целесообразно внести изменения. Вместо слов «может постановить частное определение» — «обязан постановить частное определение», а ч. 1 ст. 320 ГПК УССР дополнить словами: «... а также соблюдение сроков рассмотрения и разрешения гражданского дела». Поскольку суд, являясь участником гражданского процессуального правоотношения, не только применяет нормы гражданского процессуального права, но и обязан их соблюдать, установление подобного рода санкции в отношении суда содействовало бы предотвращению судебной волокиты, существенно повысило бы качество проведения подготовки дела к судебному разбирательству.

Совершенствование гражданско-процессуальных норм и обеспечение их соблюдения соответствующими правовыми средствами будет способствовать дальнейшему повышению эффективности правоприменительной деятельности юрисдикционных органов, соблюдению законности и наиболее полной защите прав граждан и социалистических организаций.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. Вып. 2. 2. *Зайцев И. М.* Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. 3. *Архив* Киевского районного народного суда г. Харькова. 1985. Дело № 2—2/2.

Поступила в редколлегию 22.06.88

В. А. БИГУН
Харьков

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРАВОСУДИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ — КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

На XXVII съезде КПСС указывалось на необходимость строжайшего соблюдения демократических принципов правосудия как гарантии, обеспечивающей защиту интересов государства и каждого гражданина [3, с. 61]. В постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 28 марта 1986 г. «О задачах судов Украинской ССР в свете решений XXVII съезда КПСС и XXVII съезда Компартии Украины» отмечалось: «Исходя из поставленных партией задач по дальнейшему развитию социалистической демократии, судам следует строго придерживаться демократических принципов советского правосудия, привлекать к участию в рассмотрении дел представителей трудовых коллективов и общественных организаций, обеспечивать широкую гласность судебных процессов ...» [11, 1986, № 6, с. 82].

По мнению ученых, необходимы перемены в гражданском судопроизводстве, осуществление которых, в частности, возможно и посредством более глубокого изучения принципов гражданского процесса [10, с. 20]. Исследование принципов гражданского судопроизводства направлено не только на совершенствование судебной деятельности в целом. Оно приобретает особо важное значение на современном этапе демократизации общества, углубления социалистического самоуправления народа во всех сферах общественной жизни.

В науке гражданского процессуального права принципы проанализированы достаточно обстоятельно, однако конституционный принцип участия представителей общественных организаций и трудовых коллективов остается малоисследованным. Указанный принцип получил признание не у всех ученых. Так, А. А. Добровольский, В. М. Семенов, М. И. Ште-

Фан, К. С. Юдельсон полагают, что конституционное положение об участии представителей общественности в гражданском судопроизводстве является принципом правосудия [7, с. 91; 8, с. 143—146; 9, с. 19—28]. Некоторые юристы в категорической форме утверждают, что с «принятием Конституции СССР 1977 г. утратили актуальность имевшие место высказывания о том, что участие общественности в рассмотрении гражданских и уголовных дел нельзя считать принципом правосудия» [6, с. 146].

Вместе с тем высказывается и противоположная точка зрения. Так, М. А. Вихут, Д. М. Чечот, М. С. Шакарян возражают против отнесения участия в судопроизводстве представителей общественных организаций и трудовых коллективов к принципам гражданского процесса. М. С. Шакарян, в частности, свою позицию аргументирует тем, что участие представителей общественности в гражданском судопроизводстве не является обязательным и не составляет неотъемлемого условия законности правосудия [8, с. 144—146]. А. Т. Боннер считает, что на практике институт участия общественности применяется достаточно редко, что «как правило, никак не отражается на степени законности и обоснованности состоявшегося судебного постановления» [4, с. 17].

Думается, что при исследовании принципов правосудия преобладает все же формальный подход, когда под принципами понимаются только те идейно-политические или руководящие основы, которые составляют необходимое условие законности решений по гражданским делам. Хотя задачи гражданского судопроизводства выполняются прежде всего в результате вынесения законных и обоснованных судебных решений, значение принципов не верно сводить только к условиям законности актов правосудия.

Формальный подход к интерпретации принципов судопроизводства проявляется в отсутствии обстоятельного анализа их гносеологической природы и, как следствие — сущности и значения в характеристике социального назначения правосудия. Ф. Энгельс писал: «... принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [1, т. 20, с. 34]. Из этого следует вывод: принципам присуще отражение объективных закономерностей государственной и общественной жизни, а принципы правосудия характеризуют не только формы (порядок) судопроизводства и обеспечивают законность судебного решения, но и указывают на ценности правосудия и условия деятельности суда в Советском государстве. При этом, как видно, акцент сделан на то, что юридический (процессуальный) аспект исследования принципов в правоприменительной деятельности суда не должен рассматриваться вне политического, идеологи-

ческого значения правосудия в социалистическом государстве. Предложенный подход к исследованию принципов правосудия согласуется с новейшими требованиями методологии исследования государственно-правовых явлений, в соответствии с которыми они могут быть объяснены, развиты и преобразованы лишь в единстве и органической связи с тенденциями и закономерностями общественного развития [5, с. 232].

Таким образом, не только юридическая сторона проблемы должна учитываться при определении статуса того или иного положения как принципа, но и его функции как социально-политического ориентира использования правосудия в социалистическом государстве. Конечно, таким требованиям отвечают прежде всего демократические принципы правосудия, закрепленные в Конституции СССР. К тому же конституционное закрепление демократических принципов правосудия — не формальный момент, а результат качественного роста правосудия, подготовленного предшествующим развитием системы социалистической демократии и самого правосудия. Советская Конституция есть отражение определенного этапа в развитии Советского государства и общества. Следовательно, ее положения, закрепляющие организацию и деятельность советского суда, в том числе ст. 162, по своему статусу являются нормами-принципами, в которых закреплены социально-политические ориентиры осуществления и использования правосудия в условиях дальнейшего развития социализма.

Данный вывод имеет и теоретический, и практический смысл, ибо позволяет рассматривать демократические принципы правосудия, включая конституционный принцип участия представителей общественности в гражданском судопроизводстве, в аспекте стратегической линии партии на дальнейшее развитие советской демократии, углубление социалистического самоуправления народа и совершенствование советского социалистического правосудия. Демократические принципы советского правосудия, в том числе и принцип участия представителей общественности в судопроизводстве по гражданским делам, характеризуют советское правосудие не только как важный фактор охраны социалистического правопорядка, но и как особый социально-политический институт, в котором воплощаются новые социальные ценности социализма.

Определив статус участия представителей общественных организаций и трудовых коллективов в гражданском судопроизводстве как принцип, социально-политический ориентир в сфере осуществления правосудия, важно выяснить вопрос, отражением каких закономерностей демократизации государственной и общественной жизни в сфере правосудия он является? Вопрос в такой постановке является неординарным и актуальным. В. И. Ленин писал: «...для применения разумных постановле-

ний нужны судьи, не сведенные на положение простых чиновников, нужно участие представителей общества в суде и общественного мнения — в обсуждении дела» [2, т. 4, с. 405]. Из ленинского положения следует вывод о том, что принцип участия представителей общественных организаций и трудовых коллективов необходимо рассматривать как специфическую форму проявления общественного мнения. В условиях перестройки общественное мнение — существенный фактор государственной и общественной жизни. Учет общественного мнения возведен в принцип деятельности всех организаций, составляющих политическую систему советского общества. Это в полной мере относится к такому виду государственной деятельности, как правосудие.

Таким образом, характер отражаемых рассматриваемым принципом закономерностей фиксирует важную и специфическую черту нашего правосудия — его общенародный характер, ориентацию на учет и использование общественного мнения при разрешении гражданских и уголовных дел. Не случайно пленумы Верховных Судов СССР и Украинской ССР постоянно обращают внимание судов на целесообразность участия в процессе представителей общественности по делам о признании граждан ограниченно дееспособными, по трудовым, жилищным и другим делам, имеющим широкий общественный интерес [12, 1983, № 6, с. 21; 1984, № 3, с. 32; 1986, № 1, с. 9; 11, 1986, № 6, с. 82; № 7, с. 85; 1987, № 5, с. 82].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М., 1987. 77 с. 5. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. 6. Проблемы судебного права / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1983. 7. Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. 8. Соотношение материального и процессуального права. М., 1980. 9. Штефан М. И. Конституционный принцип участия общественных организаций и трудовых коллективов в гражданском судопроизводстве // Проблемы правоустройства. 1978. Вып. 37. 10. Юков М. К. Вопросы совершенствования гражданского судопроизводства // Советская юстиция. 1987. № 4. 11. Рад. право. 12. Бюллетень Верховного Суда СССР.

Поступила в редколлегию 21.06.88

Е. Г. ПУШКАР, д-р юрид. наук
Львов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗБУЖДЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В СУДАХ

Конституция СССР закрепила право граждан СССР на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество (ст. 57), а также пра-

во иностранных граждан и лиц без гражданства на обращение в суд для защиты принадлежащих им личных, имущественных, семейных и иных прав (ст. 37).

Способом осуществления данного конституционного права является реализация гражданами права на возбуждение гражданского дела в суде, закрепленного в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в ГПК союзных республик.

Однако анализ действующего гражданского процессуального законодательства и практики его применения показывает, что в связи с реализацией права гражданина на возбуждение гражданского дела в суде возникает ряд проблем по совершенствованию гражданского процессуального законодательства, в частности, о возбуждении гражданских дел в судах.

Одна из важнейших задач гражданского судопроизводства — быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел (ст. 2 ГПК УССР). Гражданское процессуальное законодательство с этой целью устанавливает четкие сроки рассмотрения и разрешения дел в зависимости от их категории.

Согласно официальной статистике большинство гражданских дел рассматривается и разрешается народными судами в установленные законом сроки. Вместе с тем это в общем благополучное положение не должно успокаивать, так как фактический срок с момента обращения в суд до вынесения решения зачастую превышает срок, установленный законом*. В некоторых народных судах сложилась ошибочная практика: началом судебного производства считается назначение гражданского дела к судебному разбирательству и внесение его в реестр гражданских дел с присвоением номера дела. И, таким образом, фактически его возбуждают лишь после окончания подготовки дела к судебному разбирательству. Кроме того, несмотря на то что процессуальный закон (ст. 143 ГПК УССР) содержит указание на действия судьи, проводимые им по подготовке дела (а не заявления) к судебному разбирательству, практически как такового дела в стадии подготовки еще нет, поскольку заявление еще не внесено в журнал регистрации гражданских дел. Следовательно, формально дела рассматриваются в пределах установленных законом сроков, а фактически с момента обращения в суд и до назначения дела к судебному разбирательству проходит немалый срок, который никем не контролируется. Подобная практика судов противоречит ст. 143 ГПК УССР и соответствующим статьям ГПК союзных республик, в которых указывается, что судья проводит подготовку дела к судебному разбирательству лишь после принятия заявления. Суды нарушают требование ст. 143 ГПК УССР, в связи с чем в литературе были высказаны предложения о придании фак-

* *Чечот Д. М.* Тенденции и перспективы развития гражданского процессуального права в СССР // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л., 1979. С. 22.

там нарушения процессуальных норм в стадии возбуждения дела и его подготовки значения безусловного повода к отмене решения в кассационном порядке. Так, Д. М. Чечот предлагает дополнить ст. 303 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик следующим указанием: «Решение подлежит отмене в случае, если судья совершил процессуальные действия по подготовке дела до его возбуждения».

Такая мера была бы действенной, но, думается, она вряд ли ускорит рассмотрение гражданских дел в судах. Для лица, обращающегося в суд за защитой, это будет дополнительным тормозом в осуществлении его прав и охраняемых законом интересов. Пересмотр в кассационном порядке по существу правильного решения только потому, что судья провел подготовку до его возбуждения, замедлит восстановление нарушенного права лица. Поэтому необходим другой выход из создавшегося положения.

Несоответствие судебной практики действующему гражданскому процессуальному законодательству, безусловно, объясняется недостатками процессуального законодательства. Последнее нечетко регулирует вопрос о возбуждении гражданского дела, о чем отмечалось в юридической литературе*. Фактически согласно действующему гражданскому законодательству отсутствует стадия возбуждения дела. Закон говорит лишь об обращении в суд (подача заявления, жалобы), но не указывает, как процессуально оформляется принятие заявления (жалобы) по гражданскому делу к производству суда, с какого момента заявление считается принятым. На указанные вопросы гражданские процессуальные кодексы союзных республик ответа не дают. Именно это и есть тот пробел, который создает почву для нарушения закона в стадии возбуждения и подготовки гражданских дел к судебному разбирательству. Правда, он отчасти восполнен указанием, содержащимся в ч. 5 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 г. «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции». Представляется целесообразным урегулировать данный вопрос законодательно, дополнив ст. 136 ГПК УССР и соответствующие статьи ГПК союзных республик следующим положением: «Судья, приняв заявление (жалобу), постановляет определение о возбуждении гражданского дела». Законодательное решение этого вопроса дает возможность точно установить сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел. Оно имеет важное практическое значение, поскольку с моментом возбуждения гражданского дела в суде связываются определенные правовые последствия.

Кац С. Ю. Конституционное право граждан на судебную защиту // Проблемы соц. законности на современном этапе коммунистического строительства. 1978. С. 136.

Процессуальной гарантией реализации права на возбуждение гражданского дела в суде является указание в законе перечня оснований для отказа в принятии заявления. Судья может отказать в возбуждении гражданского дела только по основаниям, указанным в ст. 136 ГПК УССР и соответствующих статьях ГПК других союзных республик. Данный перечень исчерпывающий и распространительному толкованию не подлежит.

Однако не все основания для отказа в принятии заявления сформулированы в законе с достаточной четкостью и полнотой, что вызывает определенные трудности при их применении. Сказанное в первую очередь относится к содержанию п. 1 ст. 136 ГПК УССР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, где указано, что судья отказывает в принятии заявления, если оно не подлежит рассмотрению в суде. Такая широкая формулировка зачастую приводит к нежелательным результатам, к нарушению конституционного права на судебную защиту. В то же время ни в теории гражданского процессуального права, ни в судебной практике нет единого мнения по поводу того, какие заявления не подлежат рассмотрению в судах. Одни ученые полагают, что не подлежат рассмотрению в судах только требования, им не подведомственные. Другие толкуют данный вопрос значительно шире: не подлежащими рассмотрению в судах, в частности, считаются дела по требованиям, защита которых не предусмотрена законом (с неправовым характером требования), дела, в которых стороны не наделены процессуальной правоспособностью или когда стороны не имеют процессуальной заинтересованности, если отсутствует спор о праве гражданском и др.

Представляется, что такое свободное толкование п. 1 ст. 136 ГПК УССР и соответствующих статей ГПК других союзных республик и восприятие его судебной практикой не может гарантировать заинтересованным лицам права на правосудие. Поэтому необходимо, чтобы Верховный Суд СССР дал соответствующие руководящие разъяснения.

В судебной практике возникают затруднения и в связи с формулировкой п. 3 ст. 136 ГПК УССР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, где предусмотрено, что судья отказывает в принятии заявления, если имеется вступившее в законную силу решение суда, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, или определение суда о принятии отказа истца от иска или об утверждении мирового соглашения сторон. Это основание для отказа в принятии заявления, по нашему мнению, сформулировано неполно. Гражданские иски, как известно, могут разрешаться не только в гражданском, но и в уголовном судопроизводстве. Поэтому п. 3 ст. 136 ГПК УССР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик необходимо дополнить указанием о том, что судья должен отказать в при-

нению заявления, если имеется вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу, разрешивший тождественный иск.

Кроме того, в ст. 228 ГПК УССР и соответствующих статьях ГПК других союзных республик говорится, что в случае прекращения производства по делу вторичное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается. Следовательно, судья должен отказать в принятии заявления не только при наличии определения суда о принятии отказа истца от иска или об утверждении мирового соглашения сторон, но и во всех иных случаях, когда имеется определение суда о прекращении производства по тождественному делу.

Учет законодателем указанных положений при совершенствовании действующего процессуального законодательства и необходимые руководящие разъяснения по этим вопросам Пленума Верховного Суда СССР будут способствовать усилению гарантий граждан и социалистических организаций в реализации конституционного права на судебную защиту.

Поступила в редколлегию 26.06.88

Н. М. ВАСИЛЬЧЕНКО, канд. юрид. наук
Харьков

ВОЗБУЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА ПРОКУРОРОМ

Возбуждение дела прокурором в защиту прав и интересов социалистических организаций или отдельных граждан — наиболее эффективное средство осуществления надзорных функций прокурором, реализации им полномочий по защите социально-экономических, политических, трудовых, жилищных и других прав граждан и законных интересов социалистических организаций. В приказе Генерального прокурора СССР № 71 от 29 сентября 1987 г. «О коренной перестройке работы органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов в гражданском судопроизводстве» [2, с. 1] подчеркивается, что иски и заявления прокуроров в порядке ст. 29 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик следует рассматривать как важнейшие правовые средства борьбы с нарушением законов.

Возбуждение дела прокурором, его процессуальная деятельность в разбирательстве дела по существу представляет собой сложный творческий процесс. Обращению прокурора в суд с заявлением предшествует получение им необходимой информации об имевших место нарушениях социалистической законности, прав и интересов граждан или социалистических организаций. Источники этой информации могут быть самые раз-

личные: заявления граждан, результаты прокурорских проверок, сообщения печати и другие.

Правильная оценка получаемой информации прокурором важна для принятия решения о необходимости возбуждения дела. Вместе с тем изучение судебной практики показывает, что еще не всегда прокуроры с достаточной принципиальностью относятся к оценке данной информации.

В литературе высказывается мнение о том, что прокуроры могут возбуждать в суде любые гражданские дела [4, с. 34]. Представляется, что с таким категорическим утверждением согласиться нельзя. В законе нет и быть не может специальных предписаний, запрещающих прокурору возбуждать отдельные гражданские дела. Решающим в этом вопросе является содержание материально-правового отношения. Указанные правоотношения можно разделить на две группы: материально-правовые отношения с имущественным содержанием и материально-правовые отношения с личным, неимущественным содержанием.

Гражданские дела с имущественным содержанием не возбуждаются прокурором, если в законе четко определены инициаторы этих дел. Так, в ст. 385 ГПК УССР указано, что дела об исключении имущества из описи могут возбуждаться лицами, считающими, что такое имущество принадлежит им, а не должнику. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 марта 1978 г. «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключение из описи)» конкретизировал положение о том, что иски об освобождении имущества от ареста могут предъявляться собственниками этого имущества или его правомерными владельцами [11, 1978, № 3, с. 11].

Прокуроры не обращаются в суд с заявлениями о взыскании с граждан недоимок по налогам, так как в соответствии со ст. 249 ГПК УССР с подобными заявлениями в суд могут обращаться только финансовые органы.

По-иному решается вопрос о возможности возбуждения прокурором гражданских дел с личным неимущественным содержанием. Здесь прокуроры возбуждают только те дела, о которых прямо указано в законе, например, дела о лишении родительских прав (ст. 71 КоБС УССР), о признании усыновления недействительным (ст. 121 КоБС УССР), о признании брака недействительным (ст. 47 КоБС УССР) и другие.

Иные дела с личным неимущественным содержанием прокуроры не возбуждают в связи с тем, что вопросы о необходимости защиты нарушенных или оспариваемых прав могут решать только непосредственно заинтересованные лица. Так прокурорами не возбуждаются дела о расторжении брака, за исключением дел о расторжении брака в интересах недееспособного супруга [11, 1982, № 1, с. 13], о защите чести и достоинства (ст. 7 ГК УССР). Осуществление права на защиту чести и достоинства принадлежит только лицу, в отношении

которого были распространены порочащие сведения. Дела данной категории носят строго личный характер.

При решении вопроса о возбуждении гражданского дела прокурор должен выяснить, почему заинтересованное лицо самостоятельно не обращается за судебной защитой. Прокурор обращается с заявлением в суд, когда заинтересованное лицо нуждается в судебной защите, желает этой защиты, но по убедительным причинам самостоятельно осуществить право на судебную защиту не может. По таким же основаниям прокуроры возбуждают дела в интересах престарелых, нетрудоспособных, нуждается в судебной защите, желает этой защиты, но по убе-
нолетних детей, которые не оказывают помощи своим родителям и т. д. Кроме того, бывают случаи, когда заинтересованное лицо может самостоятельно обратиться в суд с иском, но не делает этого. Однако государственные, общественные интересы требуют защиты их субъективных прав. Так, подобные случаи встречаются иногда в спорах, возникающих из жилищных правоотношений. Прокурор Советского района г. Москвы обратился в суд с заявлением в интересах исполкома о признании жилищного обмена недействительным и об аннулировании обменных ордеров. Очевидно, что сам исполком мог обратиться с подобным иском в суд, но этого не сделал и потребовалось прокурорское вмешательство [12, 1986, № 5, с. 15].

Возбуждение дела прокурором может иметь место тогда, когда лицо, в чьих интересах обращается прокурор в суд, имеет на это право, т. е. положительно решается вопрос о предпосылках права на иск. Вместе с тем данное обстоятельство не всегда учитывается практическими работниками. К примеру, по отдельным категориям гражданских дел до обращения с иском в суд закон требует предварительного внесудебного разрешения дела (п. 2 ст. 136 ГПК УССР). Прокурор Ленинского района г. Кишинева обратился с иском в суд в интересах колхоза «Ленинский путь» о возврате штрафа, незаконно списанного со счета колхоза за простой вагонов под выгрузкой груза, хотя колхоз с претензией к железной дороге не обращался, а следовательно, у прокурора права на возбуждение дела не было [11, 1983, № 1, с. 28].

Возбуждая дело в суде, прокурор должен правильно решить вопрос о надлежащем ответчике по делу. Прокурор района обратился в суд с иском о взыскании с Х. 213 р. в пользу производственного объединения. В своем заявлении прокурор сослался на то, что Х., являясь главным энергетиком объединения, в результате ненадлежащего исполнения своих обязанностей допустил перерасход лимита потребления газа. В судебном заседании выяснилось, что Х. работал не главным энергетиком объединения, а главным энергетиком в отделе главного механика. Следовательно, Х. надлежащим ответчиком по делу быть не мог [12, 1985, № 4, с. 11].

При возбуждении дела в суде прокурор должен четко оп-

ределить и указать в заявлении всех ответчиков, которые должны быть привлечены к участию в деле. Так, прокурор обратился в суд в интересах совхоза «Серноводский» о взыскании с должностных лиц совхоза (заместителя директора, бригадира) 870 р. ущерба, причиненного в результате гибели скота. Однако в своем заявлении он не поставил вопрос о привлечении в качестве ответчиков свиначок, представителей ветеринарной службы, которые также были причастны к гибели животных [7, с. 28]. В необходимых случаях при возбуждении дела прокурор должен поставить вопрос о привлечении по делу третьих лиц. Так, по делу о лишении родительских прав одного из родителей, не проживающего совместно с ребенком, целесообразно привлекать по делу в качестве третьего лица, так как при рассмотрении дела не исключена возможность разрешения вопроса о передаче ему ребенка [8, с. 9].

Решая вопрос о возбуждении дела, прокурор должен видеть перспективу своего иска, т. е. исковые требования прокурора должны быть глубоко обоснованы, подтверждены убедительными доказательствами. Каждый случай отказа прокурору в удовлетворении иска подрывает его авторитет как органа надзора за исполнением закона, снижает воспитательное воздействие его процессуальной деятельности. Прокурор Диканского района Полтавской области обратился в суд с заявлением о признании гражданина И. ограниченно дееспособным. В обоснование своих требований прокурор указал, что И. злоупотребляет спиртными напитками, в состоянии алкогольного опьянения избивает жену. Этих обстоятельств, естественно, было недостаточно для удовлетворения требований прокурора. Суд отказал в их удовлетворении [9, с. 46]. Иногда прокуроры в своих заявлениях указывают требования, которые не основаны на действующем законодательстве. Судам в подобных случаях приходится уточнять, конкретизировать их. Такие случаи встречаются, например, при определении вида материальной ответственности по искам о возмещении ущерба социалистической организации [6, с. 28]. Прокурор Раховского района Закарпатской области предъявил иск к В. о взыскании в пользу колхоза «Первое Мая» имущественного ущерба в связи с тем, что В. самовольно занял участок колхозной земли и снял с него урожай. В заявлении были приведены расчеты суммы ущерба, включая суммы, израсходованные на освоение участка. Эти суммы не должны были включаться в требование прокурора, поскольку земельный участок возвращался колхозу в пригодном для использования состоянии [10, с. 20].

Содержание заявления прокурора должно отвечать требованиям ст. 137 ГПК УССР и представляться с копиями по числу ответчиков по делу (ст. 138 ГПК УССР). По особо актуальным делам прокурор в своем заявлении может ставить перед судом вопрос о целесообразности рассмотрения дела в выездной сессии с участием представителей общественных ор-

ганизаций и трудовых коллективов. К таким делам относятся дела о признании гражданина ограниченно дееспособным вследствие злоупотребления спиртными напитками, о возмещении социалистическим организациям причиненного им материального ущерба, о восстановлении на работе и др.

В теории гражданского процессуального права спорным является вопрос о процессуальном положении прокурора, возбудившего гражданское дело. Заслуживает внимания точка зрения авторов, которые считают, что прокурор, возбудивший гражданское дело, выступает в процессе в качестве процессуального истца [1, с. 288]. Бесспорным является то, что когда прокурор обращается в суд с заявлением, он выполняет функции истца, так как без истца не может быть искового производства. Однако он не становится истцом в материально-правовом смысле в связи с тем, что не является субъектом спорного материального правоотношения.

Сторонники другой точки зрения считают, что прокурор не является процессуальным истцом, поскольку в процессе не может быть двух истцов — один в процессуальном смысле, а другой — в материально-правовом [5, с. 111]. По нашему мнению, обе точки зрения имеют свои достоинства, и правильное решение данной проблемы, прежде всего в интересах практики, зависит от позиции лица, в чьих интересах возбуждено дело. Если это лицо согласно с позицией прокурора, вступает в процесс — проблем не возникает. В противном случае возникает много вопросов. Известно, что процесс всегда ведется от имени истца. Кто же в данном случае ведет процесс, кто поддерживает искомое требование? Естественно, прокурор. А как быть с требованием ч. 4 ст. 231 ГПК УССР, согласно которой при возбуждении дела прокурором законная сила судебного решения распространяется на лицо, в чьих интересах заявлен иск? Здесь очевидно, что нельзя распространять законную силу решения на лицо, которое не желает участвовать в деле, не поддерживает позицию прокурора. Возможно, само понятие «процессуальный истец» может вызывать возражение, что, однако, не меняет конструкции иска.

Возбуждение гражданского дела прокурором в интересах других лиц — существенная гарантия защиты субъективных прав граждан и социалистических организаций.

Решение прокурором вопросов, связанных с предъявлением иска, представляет собой сложный творческий процесс.

Прокурор положительно решает данный вопрос в том случае, если конкретное лицо нуждается в судебной защите своих прав, но в силу различных субъективных и объективных причин самостоятельно осуществить данное право не имеет возможности (иски в интересах нетрудоспособных, нуждающихся родителей к их детям о взыскании алиментов). Также положительно решается прокурором указанный вопрос, если заинтересованное лицо имеет возможность самостоятельно обра-

тяться с иском в суд, но не делает этого. Однако защита их прав и интересов необходима с точки зрения защиты государственных и общественных интересов (иски в интересах колхозов о взыскании дебиторской задолженности).

Наконец, решая вопрос о возбуждении гражданского дела, прокурор обязан видеть перспективу своего иска, т. е. его требование должно быть основано на законе, подтверждено необходимыми доказательствами.

Отказ от иска, предъявленного прокурором, не лишает прав лица, в чьих интересах предъявлен иск, требовать рассмотрения дела по существу (ст. 120 ГПК УССР).

Список литературы: 1. *Курс советского гражданского процессуального права* / Под ред. А. Мельникова. М. Т. 1. 2. *О коренной перестройке работы органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов в гражданском судопроизводстве: Приказ Генерального прокурора СССР № 71 от 29 сентября 1987 г. М., 1987.* 3. *Сапунков В.* Возмещение материального ущерба, причиненного социалистическим организациям // Рад. право. 1980. № 11. 4. *Советский гражданский процесс* / Под ред. С. Ю. Каца, Л. Я. Носко. К., 1982. 5. *Советское гражданское процессуальное право.* М., 1965. 6. *Стрелков Ф., Котович Л.* Безхозяйственности и потерям в сельском хозяйстве — правовой заслон // Рад. право 1983. № 3. 7. *Тимофеева А.* Защита имущественных интересов колхозов и совхозов // Сов. юстиция. 1985. № 13. 8. *Тимченко П., Комаров В., Пугачева Н.* Процессуальные вопросы ограничения дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками // Рад. право. 1986. № 9. 9. *Червяков К.* Подготовка к судебному разбирательству и рассмотрению дел, связанных с воспитанием детей // Сов. юстиция. 1986. № 1. 10. *Шелудько Е., Котович Л.* Рассмотрение судами дел о возмещении ущерба, причиненного колхозам нарушением права землепользования // Рад. право. 1983. № 12. 11. *Бюл. Верхов. суда СССР.* 12. *Бюл. Верхов. суда РСФСР.*

Поступила в редколлегию 22.06.88.

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ДЕЛАХ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА

Институт лиц, участвующих в деле, в каждом виде гражданского судопроизводства имеет свои характерные особенности. Однако в действующем гражданско-процессуальном законодательстве правовое положение лиц, участвующих в делах особого производства, на наш взгляд, урегулировано недостаточно четко. Их процессуальные права и обязанности закреплены в ст. 24 Основа гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик лишь в общем виде, в ГПК союзных республик подробная и четкая регламентация процессуальных прав и обязанностей таких лиц отсутствует. В судебной практике подобное положение затрудняет определение процессуального положения лиц, заинтересованных в рассмотрении дела, осложняет осуществление ими своих процессуальных прав, препятствует установлению объективной истины по делу и нередко влечет за собой вынесение незаконного и необоснованного решения.

Согласно ст. 255 ГПК УССР дела особого производства рассматриваются судом с участием заявителя и заинтересованных лиц, органов государственного управления, государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций. Основными лицами, участвующими в делах особого производства, являются заявители и заинтересованные лица. Следует отметить, что в литературе понятия заявителя и заинтересованных лиц трактуются неоднозначно. Одни авторы полагают, что заявителем в делах особого производства является лицо, возбуждающее дело [5, с. 182]. Другие ученые, соглашаясь с вышеприведенным суждением, выделяют заявителей, действующих в защиту своих прав и охраняемых законом интересов, и заявителей, не имеющих личной заинтересованности в деле, действующих в интересах других лиц (органы государственного управления, общественные организации, учреждения, предприятия, прокурор) [10, с. 64]. Представляется, что обе изложенные позиции ошибочны. Необходимо различать два понятия — заявителя и инициатора процесса. Прокурор, органы государственного управления и иные субъекты, возбуждающие дело в порядке особого производства в интересах других лиц, будучи инициаторами процесса, не могут занять процессуальное положение заявителя, поскольку материально-правовые последствия вступления решения в законную силу распространяются не на них, а на лицо, в чьих интересах подано заявление. Именно на заявителей, как правило, возлагаются судебные расходы по делу. Дело не может быть прекращено в случае отказа инициатора процесса от

заявления, если лицо, в интересах которого оно подано (заявитель), настаивает на продолжении судебного разбирательства. Правильной представляется точка зрения ученых, считающих, что заявителем в делах особого производства является только лицо, в интересах которого начато дело [7, с. 207; 3, с. 51; 8, с. 10; 1, с. 77].

Заявители являются заинтересованными лицами. Их заинтересованность проявляется в том, что решение суда по делу оказывает влияние на их субъективные права или охраняемые законом интересы. В. Д. Алиев отмечает, что это основной правовой признак, характеризующий заявителя, поскольку отсутствие связи между устанавливаемым судом юридическим фактом и субъективным правом или охраняемым законом интересом заявителя делает беспредметным установление юридического факта или состояния [1, с. 77]. Некоторые авторы придерживаются противоположной точки зрения, аргументируя свою позицию тем, что правовая связь между правами и обязанностями лица и устанавливаемым фактом характерна не только для заявителя, но в такой же степени и для заинтересованных лиц [10, с. 64]. Думается, что с подобным мнением согласиться нельзя. Связь, безусловно, существует, но иная, чем у заявителя. Если между правами заявителя и устанавливаемым судом фактом (состоянием) связь выражается в том, что принадлежащее ему субъективное право может быть реализовано только после установления факта, имеющего юридическое значение, то у заинтересованного лица она другая — после установления факта (состояния) у него возникает право или обязанность по отношению к заявителю.

Право заявителя на обращение в суд появляется при наличии у него юридического интереса. Факт, имеющий юридическое значение, как правило, связан только с интересом одного лица — заявителя. Однако иногда установление факта (состояния) может влиять на субъективные права и интересы нескольких лиц. Такие лица, по мнению некоторых ученых, должны признаваться созаявителями; их участие в одном деле образует процессуальное соучастие в особом производстве [9, с. 32; 2, с. 9]. Например, Сахновщинским районным народным судом в один день рассмотрено два дела об установлении неправильности записи о рождении в актах гражданского состояния. Заявителями в обоих делах были сестры-близнецы, обратившиеся в суд в связи с тем, что в восстановительной записи о рождении (первичная запись не сохранилась) и в выданных на ее основании свидетельствах о рождении год рождения обеих сестер был указан неправильно. При рассмотрении каждого дела суд исследовал одни и те же письменные доказательства, допрашивал одних и тех же свидетелей с целью установления одного и того же факта. Очевидно, что с целью экономии процессуальных средств и времени суду было бы целесообразно

решить вопрос о соединении заявлений и рассмотрении их в одном процессе [11].

Процессуальное соучастие в особом производстве допускают и высшие судебные инстанции. Так, в соответствии с п. 2 постановления № 3 Пленума Верховного Суда УССР от 28 марта 1972 г. «О судебной практике по делам о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным» совершеннолетние члены семьи гражданина, интересы которых непосредственно затрагиваются возбуждением дела о признании его ограниченно дееспособным или недееспособным, принимают участие в процессе как заявители и в том случае, когда они сами обращаются в суд, и в случае возбуждения дела в их интересах профорганизацией или иной общественной организацией, прокурором, органами опеки и попечительства, психиатрическим лечебным заведением [4, с. 116].

В литературе, как уже отмечалось, отсутствует единое мнение о понятии заинтересованных лиц в особом производстве. Н. Л. Гребенюк полагает, что такими лицами следует считать субъектов, отстаивающих в суде позицию, противоположную заявителю [2, с. 9—10]. Иногда это действительно так (Например, по делам о признании гражданина ограниченно дееспособным интерес заинтересованного лица противоположен интересу заявителя). Однако для определения понятия заинтересованного лица данный признак нельзя считать определяющим, поскольку он характерен не для всех заинтересованных лиц, участвующих в различных категориях дел особого производства. Интересы заявителей и заинтересованных лиц не совпадают, но не всегда и противоположны.

Отдельные авторы сравнивают процессуальное положение заинтересованных лиц с положением третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора [6, с. 106]. Но такое сравнение правомерно лишь в отношении заинтересованных лиц, участвующих в процессе с целью защиты своих личных, охраняемых законом интересов. В особом производстве могут принимать участие заинтересованные лица, обладающие не только личной, но и государственной заинтересованностью. В последнем случае определить процессуальное положение заинтересованных лиц по аналогии с положением третьих лиц уже не представляется возможным. Думается, что критериями определения заинтересованных лиц должны служить характер юридической заинтересованности и те правовые последствия, которые могут наступить в связи с установлением факта или состояния.

Характер юридической заинтересованности может быть личный или государственный. Так, по делу об установлении факта иждивения для оформления пенсии в качестве заинтересованных лиц могут быть привлечены другие нетрудоспособные иждивенцы. Они имеют в деле личную заинтересованность, по-

сколку установление данного факта отразится и на их материальном положении. Однако по делам данной категории в качестве заинтересованных лиц привлекаются и органы социального обеспечения. Их заинтересованность в деле носит государственно-правовой характер, поскольку обусловлена возложенными на них государством обязанностями по пенсионному обеспечению граждан.

Что касается правовых последствий как критерия определения заинтересованных лиц в особом производстве, то они зависят от характера юридической заинтересованности. Если последняя носит личный характер, то судебное решение имеет для заинтересованного лица правообразующее значение, т. е. влияет на его права по отношению к заявителю. Если же юридическая заинтересованность обладает государственно-правовым характером, решение имеет правообязывающее значение, т. е. воздействует на обязанности заинтересованного лица по отношению к заявителю. Необходимо подчеркнуть, что на права и обязанности заинтересованных лиц влияет не сам факт, имеющий юридическое значение, установленный решением суда, а реализация заявителем субъективного права, связанного с установлением данного факта.

Список литературы: 1. Алиев В. Д. Лица, участвующие в делах особого производства // Вопросы гражданского права и процесса. М., 1977. 2. Гребенюк Н. Л. Лица, участвующие в деле, в производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, и в особом производстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. 3. Елисейкин П. Ф. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. М., 1973. 4. Збірник постанов Пленуму Верховного Суду УРСР. К., 1985. 5. Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. II. 6. Мельников А. А. Особое производство в советском гражданском процессе. М., 1964. 7. Мельников А. А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. 8. Попова Ю. Лица, участвующие в делах о признании граждан безвестно отсутствующими и объявлении умершими // Сов. юстиция. 1980. № 16. 9. Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. 10. Шитикова Н. Л. Правовое положение заявителей в особом производстве // Проблемы совершенствования гражданского процессуального Кодекса РСФСР. Калинин, 1984. 11. Архив Сахновщинского районного народного суда Харьковской обл. Дело № 2-101, № 2-103, 1985 г.

Поступила в редколлегия 17.06.88

А. Я. ДУБИНСКИЙ, д-р юрид. наук
Киев

ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В постановлении ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» указывается на необходимость перестройки работы судов,

прокуратуры, милиции и других правоохранительных органов, с тем чтобы они надежно обеспечивали защиту интересов государства и прав граждан, еще эффективнее вели борьбу с правонарушениями и преступностью, были тесно связаны с трудящимися, служили подлинным образцом строжайшего соблюдения законности [11].

Значительное место в работе указанных органов занимает уголовно-процессуальная деятельность, т. е. урегулированная нормами уголовно-процессуального права система действий по возбуждению, расследованию и разрешению дел о преступлениях. Этим действиям государственных органов, уполномоченных осуществлять борьбу с преступностью, принадлежит определяющая роль при характеристике понятия уголовно-процессуальной деятельности.

В юридической литературе данное понятие трактуется и в широком смысле — как совокупность действий, совершаемых в установленном законом порядке всеми участниками уголовного процесса, наделенными соответствующими процессуальными правами и обязанностями [10, с. 22—23].

Не подвергая подробному анализу различные точки зрения ученых на понятие участника уголовно-процессуальной деятельности, предложим одну из возможных классификаций: а) Государственные органы и должностные лица, ведущие процесс. Это — выразители государственных интересов; б) Общественные организации (трудовые коллективы) и их представители. Они выражают общественные интересы; в) Лица, имеющие собственные интересы в судопроизводстве, и те, которые данные интересы представляют; г) Лица, вовлекаемые в процесс участниками первой группы для обеспечения государственных интересов.

Включение в уголовно-процессуальную деятельность в ее широком понимании действий всех участников уголовного процесса основано на признании их субъектами разнообразных процессуальных прав и обязанностей, на возможности их влияния на ход и результаты уголовного судопроизводства [15, с. 22].

Анализ характеристики уголовно-процессуальной деятельности подтверждает ее неразрывную связь с уголовно-процессуальными правоотношениями. По мнению М. С. Строговича, данные правовые категории, соотносясь как содержание и форма, представляют собой два основных элемента, которые образуют понятие «уголовный процесс» [13, с. 34—35]. И это справедливо, поскольку процессуальные права и обязанности участников уголовного процесса реализуются в соответствующих процессуальных действиях, а возникающие и развивающиеся в ходе таких действий отношения между ними регулируются нормами уголовно-процессуального права и поэтому представляют собой уголовно-процессуальные правоотношения. По меткому выражению П. С. Элькинд, «все уголовное судопроизводство —

это цепь возникающих, развивающихся, изменяющихся и прекращающихся действий и правоотношений в их взаимосвязи и взаимопроникновении» [15, с. 7]. Следует иметь в виду, что особенностью уголовно-процессуальных правоотношений, которые бывают весьма разнообразны, является то, что обязательными их субъектами выступают государственные органы, ведущие процесс и обладающие для этого властными полномочиями [3, с. 93—95, 153; 14, с. 16]. Именно поэтому основное содержание уголовно-процессуальной деятельности составляют процессуальные действия органов государства, реализующих свои полномочия [14, с. 16].

Понимание сущности уголовно-процессуальной деятельности основывается на общих положениях учения о человеческой деятельности. В энциклопедии деятельность определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [8]. Исходной для данного определения является мысль К. Маркса о том, что основное содержание человеческой деятельности — целесообразное изменение и преобразование окружающего мира [1, т. 23, с. 188—189]. Содержащееся в энциклопедии определение деятельности отражает одно из важнейших ее свойств — универсальность.

Понятие деятельности в различных аспектах рассматривалось в трудах многих ученых — Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Э. Г. Юдина, М. Г. Ярошевского и других. Марксистско-ленинская концепция деятельности исходит из целостного понимания ее как органического единства чувственно-практической и теоретической формы деятельности. Справедливо отмечается, что в деятельности людей, несмотря на все многообразие ее сторон, отчетливо выделяются следующие три момента: во-первых, она является чувственной деятельностью, ибо человек остается частью живого мира; во-вторых, она выступает как предметно-опосредованная, трудовая, практическая деятельность; в-третьих, она есть деятельность человека как существа, способного к понятийному мышлению, как субъекта, обладающего определенным запасом знаний [9, с. 203—204].

Данные положения относятся всецело к уголовно-процессуальной деятельности. В юридической литературе указываются следующие основные свойства такого рода деятельности: а) ее правовой характер, т. е. точная регламентация нормами уголовно-процессуального права; б) участниками этой деятельности являются субъекты уголовно-процессуальных прав и обязанностей; в) уголовно-процессуальные действия указанных субъектов представляют собой средства осуществления их процессуальных прав и обязанностей; г) будучи юридически значимой, подобная деятельность влечет (или может повлечь) воз-

никновение новых, изменение или прекращение ранее возникших уголовно-процессуальных отношений [15, с. 20].

К изложенному следует добавить, что уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными на то правоохранительными органами, имеет государственно-властный характер. Она опирается на меры уголовно-процессуального принуждения, которые применяются при наличии указанных в законе оснований, когда требования органов государственной власти, ведущих процесс, добровольно не выполняются или имеются предпосылки их невыполнения. Наряду с этим в законе предусмотрены определенные гарантии от необоснованного или чрезмерного увлечения мерами процессуального принуждения, а также специальные меры, направленные на охрану законных интересов и обеспечение прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Правовой характер уголовно-процессуальной деятельности проявляется в том, что в процессе ее и в результате принимаются решения, имеющие юридическое значение, и в том, что порядок принятия, оформления и реализации таких решений определен законом. Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой правоприменительный процесс. К ней применимы все те характеристики, которые в общей теории права даются правоприменительной деятельности [2, с. 317—332]. Необходимо отметить, что за последнее время в процессуальной литературе при рассмотрении стадий правоприменительного процесса по отношению к уголовно-процессуальной деятельности подчеркивается, что правоприменительный процесс не завершается принятием правоприменительного акта, как полагают многие теоретики права, а включает в себя и деятельность по исполнению состоявшихся правовых решений [5, с. 74—76; 7, с. 5—6].

Структура уголовно-процессуальной деятельности соответствует всеобщей структуре деятельности и включает цель, средство, результат и сам процесс деятельности [17, с. 268—286]. Структуру последнего составляют такие элементы, как стадии, этапы, действия, операции [12, с. 110].

А. А. Власов считает, что структура уголовно-процессуальной деятельности состоит из парных элементов: основания и решения, цели и средства, содержания и формы, а также результата, который распадается на основание и решение. Стадии же и процессуальные действия, из которых они складываются, должны рассматриваться в качестве содержания уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 14—23].

Приведенная точка зрения, на наш взгляд, лишена убедительных аргументов в пользу пересмотра устоявшегося взгляда на понимание структуры уголовно-процессуальной деятельности. Выделение А. А. Власовым указанных парных элементов представляется искусственным, не характерным для того правового явления, которое он рассматривает. Результат уго-

ловно-процессуальной деятельности нельзя сводить к итоговому решению, которое принимает правоприменитель. Решение и действие по его исполнению входят в содержание уголовно-процессуальной деятельности. Результат находится вне ее, это ее последствия, то, чего удалось достичь, объективно сложившаяся вследствие осуществленной деятельности ситуация. В целом же содержание уголовно-процессуальной деятельности составляет система конкретных процессуальных актов (решений и действий), предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством. Закон содержит разнообразный набор процессуальных актов. Конкретное их сочетание, наполненное конкретным содержанием, зависит от особенностей каждого дела, производство по которому осуществляется.

Уголовно-процессуальная деятельность начинается с возникновением официального повода — поступления в компетентный государственный орган сведений о преступлении, обличенных в предусмотренную законом форму. В уголовно-процессуальном законе сообщения о преступлении называются «поводами к возбуждению уголовного дела» (ст. 94 УПК), что, на наш взгляд, не совсем точно, поскольку в результате процессуальных действий, связанных с уяснением и проверкой поступивших сведений, может быть принято решение не только о возбуждении дела, но и об отказе в его возбуждении [17, с. 5]. Поэтому правильнее было бы закрепить в законе «поводы к началу уголовно-процессуальной деятельности».

Цели уголовно-процессуальной деятельности вытекают из задач, предусмотренных ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК). По поводу понятий «цель» и «задачи уголовного процесса» в правовой литературе единство мнений отсутствует [14, с. 18—21]. Думается, могут быть выделены непосредственные цели уголовно-процессуальной деятельности, которые должны быть достигнуты усилиями органов, ведущих процесс, по каждому уголовному делу, и цели более высокого социального уровня, достижению которых органы, ведущие процесс, способствуют своей надлежаще осуществляемой деятельностью. Достичь эти цели только за счет уголовно-процессуальной деятельности правоприменительных органов невозможно. Данная задача решается многими государственными органами и общественными организациями. Непосредственными целями уголовно-процессуальной деятельности являются: точное выяснение обстоятельств общественно опасного деяния, по поводу которого начата уголовно-процессуальная деятельность; обеспечение наступления ответственности виновного за содеянное и ограждение от ответственности невиновного. В процессе уголовно-процессуальной деятельности по каждому делу должны также быть приняты все возможные меры для устранения вредных последствий общественно опасного деяния, причинивших способствовавших его совершению условий. Цели более высокого социального уровня, достижению которых должна спо

содействовать уголовно-процессуальной деятельности, охватывают укрепление социалистической законности и правопорядка; предупреждение и искоренение преступлений; охрана интересов общества, прав и свобод граждан; воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения советских законов и правил социалистического общежития.

Результат уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу может быть оценен в зависимости от достижения непосредственной цели. Этим, а также рациональностью избранного пути к достижению цели, определяется эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Понятно, что в настоящее время нереально ставить вопрос об измерении эффективности уголовно-процессуальной деятельности по достижению целей более высокого социального уровня.

Достижению непосредственных целей уголовно-процессуальной деятельности служат преимущественно процессуальные средства. Понятие средств применительно к сфере уголовно-процессуальной деятельности чрезвычайно емкое, в литературе оно употребляется в самых различных аспектах. Представляется плодотворным рассматривать в качестве средств уголовно-процессуальной деятельности процессуальные решения и процессуальные действия, связанные с их исполнением. Каждое процессуальное решение и процессуальное действие имеет определенные цели, все они ориентированы на достижение непосредственных целей уголовно-процессуальной деятельности. Например, одни процессуальные решения и действия направлены на собирание и проверку доказательств, другие — на обеспечение нормальных условий для расследования и разрешения уголовных дел, третьи — на привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания лицам, совершившим преступление, и наряду с этим на освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, не причастных к преступлению, и др.

При рассмотрении решений и процессуальных действий в качестве средств, служащих достижению целей уголовно-процессуальной деятельности, не должно смущать то обстоятельство, что выше указанные решения и действия отнесены к содержанию уголовно-процессуальной деятельности. Ведь содержание деятельности и есть применение соответствующих средств в обусловленных сложившейся ситуацией комбинациях. Определенные сочетания процессуальных решений и процессуальных действий должны обеспечить содержательную сторону уголовно-процессуальной деятельности, имеющей познавательный, удостоверительный и властно-распорядительный (управленческий) характер.

Достижению целей уголовно-процессуальной деятельности может служить и принятие непроцессуальных мер. Будучи в данном случае вспомогательными по отношению к процессуальным средствам, они могут носить разнообразный характер и

применяться как правоприменителем в пределах его компетенции, так и другими органами в порядке взаимодействия с ним.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 11. 3. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. 4. Власов А. А. Структура уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы судостроительства, судопроизводства и прокурорского надзора. М., 1986. 5. Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя // Правовые и организационные проблемы. К., 1984. 6. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. 7. Лупинская П. А. Исполнение решений в механизме реализации норм уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы судостроительства, судопроизводства и прокурорского надзора. М., 1986. 8. Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность // БСЭ, 3-е изд. 1970. Т. 9. 9. Панов В. Г. Чувственное, рациональное, опыт. М., 1976. 10. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. 11. Правда, 1986, 30 ноября. 12. Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 13. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. 1968. Т. 1. 14. Чувилев А. А., Добровольская Т. Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. М., 1985. 15. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. 16. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. 17. Юдин Э. Г. Системный подход и принципы деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978.

Поступила в редколлегию 23.06.88

В. М. КОРНУКОВ, д-р юрид. наук
Саратов

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Законность — конституционный принцип всей государственной и правовой системы социалистического общества — проявляет себя и в отдельных видах государственной и общественной деятельности, регулируемых нормами права.

В советском уголовном судопроизводстве принцип социалистической законности является ведущим. Его требования пронизывают и определяют всю систему уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений. По своей сути данный принцип означает необходимость производства по уголовным делам на основе строгого, неукоснительного исполнения всех норм материального и процессуального закона, обеспечения при этом интересов общества, прав, свобод и законных интересов граждан. Составной частью социалистической законности является требование о необходимости соблюдения норм, регламентирующих процессуальное положение граждан, участвующих в производстве по уголовному делу, обеспечения их прав и законных интересов.

Практически всякое нарушение законности в уголовном судопроизводстве так или иначе сопряжено с нарушением прав

и охраняемых законом интересов личности. Поэтому решения КПСС и Советского государства, связывающие укрепление законности и правопорядка в стране с усилением охраны прав и законных интересов граждан, с расширением правовых возможностей личности, углублением гарантий их осуществления [2, с. 61, 158; 7; 8], имеют для уголовного процесса чрезвычайно важное значение.

Проблема обеспечения и упрочения социалистической законности в уголовном судопроизводстве в современных условиях не может быть решена с помощью однозначных мер. Время требует комплексного подхода к ее реализации. Но в любом случае данная проблема не может быть решена без дальнейшей демократизации уголовно-процессуальной деятельности и совершенствования правового статуса участвующих в деле граждан, без разработки и закрепления в законе такого их процессуального положения, которое, с одной стороны, позволяло и реально обеспечивало бы им возможность, как учил В. И. Ленин, бороться за свои права и законные интересы по всем правилам законной в нашей стране «войны» за права [1, т. 53, с. 149], с другой — гарантировало бы неукоснительное выполнение ими возложенных на них обязанностей и тем самым эффективнее содействовало бы осуществлению задач уголовного судопроизводства.

Демократия была и остается важнейшим рычагом упрочения социалистической законности, а прочная законность — неотъемлемой частью нашей демократии [2, с. 61]. Расширение и дальнейшее развитие социалистической демократии партия связывает не только с углублением прав и свобод личности, но и с совершенствованием механизма исполнения обязанностей. В Программе КПСС сказано: «Реализация советским гражданином его прав и свобод неотделима от исполнения им конституционных обязанностей... КПСС будет и впредь настойчиво добиваться, чтобы каждый советский человек воспитывался в духе ясного понимания единства его прав, свобод и обязанностей» [2, с. 158].

Действующее советское уголовно-процессуальное законодательство глубоко демократично по своей сути. Лицам, участвующим в производстве по уголовному делу, и ныне предоставляются широкие права и возможности для защиты, отстаивания как своих личных интересов, так и интересов правосудия. Закон устанавливает разнообразные, в целом достаточно прочные, гарантии их осуществления.

Вместе с тем ни законодательную регламентацию процессуальных прав, обязанностей и гарантий личности, ни тем более практику применения соответствующих правовых норм еще нельзя признать совершенной, в полной мере отвечающей целям и задачам уголовно-процессуального регулирования борьбы с преступностью на современном этапе.

Практика показывает, что активное участие граждан в уголовно-процессуальной деятельности — залог успешного выполнения задач уголовного судопроизводства — не повышается. По-прежнему значительное число свидетелей и потерпевших, не имеющих материального интереса по делу, не является по вызову в правоохранительные органы.

При производстве по уголовным делам без должного реагирования остаются многие заявления и ходатайства потерпевших, обвиняемых, подсудимых. Допускаются случаи прямого нарушения свободы, прав и законных интересов личности при осуществлении правосудия [4].

Правовая регламентация положения личности в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, на наш взгляд, небезукоризненна прежде всего с точки зрения полноты и четкости изложения прав и обязанностей участвующих в деле лиц, сбалансированности прав и обязанностей отдельных участников уголовного судопроизводства и их правового обеспечения.

В УПК РСФСР, как, впрочем, и в УПК других союзных республик, при регламентации прав и обязанностей участвующих в деле лиц используются самые различные варианты: в одних случаях они излагаются совместно в специально выделенных для этого статьях закона, в других — перечисляются (совместно или раздельно) при определении понятия соответствующего участника процесса, или обозначаются в нормах, относящихся к порядку производства следственных и судебных действий, а иногда — обнаруживаются только путем использования логических приемов. При всем разнообразии способов закрепления прав участвующих в деле лиц в УПК РСФСР тем не менее нельзя обнаружить права свидетеля на отказ от дачи показаний по тем вопросам, ответы на которые изобличили бы его в совершении преступления. М. С. Строгович, основываясь на процессуальном положении свидетеля, считал, что последний не несет обязанности отвечать на такие вопросы [9, с. 396]. Но ведь в данном случае скорее следует вести речь о праве, о важнейшем праве лица, вызванного для дачи показаний относительно деятельности других лиц.

В настоящее время много говорится об отсутствии оправдательных приговоров, о том, что суды при наличии оснований для вынесения оправдательного приговора чаще принимают решение о направлении дела на дополнительное расследование [10]. В большинстве случаев делается это вопреки желанию подсудимого. Тем не менее подсудимый не наделяется правом обжалования данного определения суда. Не располагает таким правом и потерпевший, считающий определение суда о направлении дела на доследование незаконным. А как быть адвокату, требовавшему в судебном заседании вынесения оправдательного приговора? Некоторые пытаются использовать предоставленное им ст. 327 УПК РСФСР право подать возра-

жения на протест прокурора. Но ведь прокуроры, как известно, в этих случаях нечасто приносят протесты.

Полагаем, что с точки зрения реального обеспечения социалистической законности и охраны прав личности в уголовном судопроизводстве в статусе подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя, гражданского истца и гражданского ответчика необходимо право на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела. Логическое толкование ст. 46, 53—55 и сопоставление их со ст. 199 УПК РСФСР приводит к выводу о том, что все названные лица, за исключением подозреваемого, и ныне имеют это право. Однако на практике оно не обеспечивается и вряд ли в полной мере будет обеспечиваться без соответствующего дополнения закона.

Нельзя считать полноправным положение в уголовном процессе потерпевшего, который в отличие от обвиняемого не пользуется соответствующими правами при производстве экспертизы в стадии предварительного расследования, не имеет права на ознакомление с материалами дела при окончании дознания, лишен возможности выступать в судебных процессах.

В соответствии с Конституцией СССР каждый гражданин имеет право на защиту своих интересов, в том числе путем использования юридической помощи осведомленного лица — адвоката (ст. 161). Как само собой разумеющееся, выглядит данное право в законодательстве об административных правонарушениях (ст. 35 Основ), которое предоставляет его лицу, привлекаемому к административной ответственности. Непонятно поэтому отношение к нему уголовно-процессуального законодательства, которое сохраняет в этой части неоправданный консерватизм, полностью лишая подозреваемого возможности пользоваться помощью адвоката и ограничивая в этом обвиняемого.

Перечень вышеизложенных прав, которыми пока не пользуются участники процесса, не случаен. Все указанные права прямо и непосредственно связаны с законностью уголовно-процессуальной деятельности, с обеспечением интересов личности и общества при ее осуществлении. Наделение ими соответствующих участников процесса положительно сказалось бы на укреплении социалистической законности, усилении охраны прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, сделало бы невозможным многое из того несовместимого с требованиями социальной справедливости, что, к сожалению, еще имеет место в практике отдельных правоохранительных органов [5; 3].

В УПК РСФСР, УПК УССР глава третья названа «Участники процесса, их права и обязанности». К участникам процесса относятся: обвиняемый, защитник, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик представи-

тели потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, а в УПК РСФСР — и переводчик. Все перечисленные лица, согласно их правовому положению (что соответствует и названию главы) имеют права и несут обязанности. Однако в статьях данной главы после определения понятия обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, гражданского ответчика излагаются только их права. Лишь применительно к защитнику, переводчику и частично к гражданскому истцу называются и обязанности. Участь представляемых в этой части разделяют представители потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

Глава, назначение которой заключается в регламентации прав и обязанностей участников процесса, завершается статьей, предписывающей суду, прокурору, следователю и лицу, производящему дознание, разъяснять участвующим в деле лицам только их права и соответственно обеспечивать только возможность осуществления прав. А как быть с разъяснением и обеспечением исполнения обязанностей? Ответа на подобный вопрос нет не только в данной главе, но и во всем кодексе. Хотя далее в нем есть статьи, предусматривающие порядок признания лица потерпевшим, привлечения в качестве гражданского ответчика, обвиняемого и т. д., а в УПК УССР — даже порядок разъяснения прав потерпевшему (ст. 122), где опять-таки повторяется лишь необходимость разъяснения лицу соответствующих процессуальных прав.

Односторонность и непоследовательность в законодательном оформлении правового положения участвующих в деле лиц не может не сказываться на практике применения соответствующих норм. Отсутствие должной системы законодательного закрепления и обеспечения правового положения участвующих в производстве по уголовному делу граждан в определенной мере обусловлено недостаточной теоретической разработкой указанной проблемы. В теории уголовного процесса сложилось и культивируется представление об обособленности правового положения (статуса) каждого участвующего в деле лица. Оно лежит и в основе законодательного решения данного вопроса. Законодатель идет по пути самостоятельной, изолированной регламентации прав подозреваемого и обвиняемого, прав и обязанностей потерпевшего, гражданского истца, свидетеля, понятых, эксперта и других лиц.

«В уголовном процессе, — пишет И. Л. Петрухин, — нет единого отраслевого статуса личности. Каждый его участник имеет свой особый процессуальный статус (статус обвиняемого, потерпевшего и т. д.), хотя (вынужден признать автор. — В. К.) некоторые участники процесса обладают рядом общих правомочий, но этого недостаточно, чтобы говорить о едином статусе личности в уголовном процессе, так как каждый участник процесса пользуется, кроме того, специфическими правами и несет специфические обязанности. Например, обвиняемый может

быть подвергнут аресту, а потерпевший — нет» [6, с. 13]. Позиция И. Л. Петрухина скорее свидетельствует в пользу признания уголовно-процессуального статуса личности, чем в его опровержение, если при этом иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, рядом общих и не только правомочий, а и других процессуальных свойств (такими, как обязанности, право и дееспособность, гарантированность прав и обязанностей, возложение ответственности и т. д.), обладают не некоторые, а *все* участвующие в деле лица. Во-вторых, то, что каждый участник процесса, кроме того, пользуется специфическими правами и несет специфические обязанности, не может служить препятствием для признания отраслевого статуса личности, потому что он не охватывает специфических черт статуса конкретного участника процесса и не исключает, а, наоборот, предполагает их существование.

Отраслевой уголовно-процессуальный статус личности, подобно гражданско-правовому, административно-правовому и другим отраслевым статусам личности, представляет собой отличительный признак уголовно-процессуального права как самостоятельной отрасли социалистического права, совокупность правовых свойств и качеств, характеризующих процессуальное положение всякого гражданина, вовлеченного в уголовный процесс. В него входят отраслевое представление о гражданстве, праве и дееспособности, права и обязанности, присущие всякому участвующему в деле лицу, гарантии их осуществления, в том числе процессуальная ответственность.

Уголовно-процессуальный статус личности взаимосвязан, с одной стороны, с общеправовым (конституционным) статусом личности, с другой — со статусом конкретного участника процесса (обвиняемого, потерпевшего и т. д.).

Изложенная концепция может быть положена в основу регламентации правового положения личности в уголовном судопроизводстве в новом уголовно-процессуальном законодательстве.

В общем разделе Основ и кодексов следует изложить те права, обязанности и прочие характеристики правового положения личности, присущие всем участвующим в деле лицам. И в первую очередь должны найти отражение соответствующие конституционные правила.

На данной основе можно регламентировать отдельно статус конкретных участников процесса в узком смысле (в число которых вместо переводчика следует включить законного представителя, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика) и всех остальных участвующих в деле лиц без повторения общеотраслевых элементов уголовно-процессуального статуса личности.

Список литературы: 1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Борин А. Иркутская история // Лит. газ. 1987. № 3. 4. Ваксберг А. Правде в глаза // Лит. газ. 1986. № 51. 5. Гусев М.

Дело не в шляпе // Труд. 1987. 14 янв. 6. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. 7. О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан: Постановление ЦК КПСС // Правда. 1986. 30 нояб. 8. Постановление Верховного Совета СССР по отчету Генерального Прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан // Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 27. Ст. 480. 9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 10. Лит. газ. 1986. № 51. С. 13.

Поступила в редколлегия 23.06.88

М. М. МИХЕЕНКО, д-р юрид. наук
Киев

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ И ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Прошло то время, когда некоторые теоретики и практики, причем довольно известные и влиятельные, оспаривали существование презумпции невиновности в советском праве. Теперь эта презумпция общепризнанна. Ей посвящены несколько монографий и множество статей, на нее часто ссылаются не только в специальной юридической литературе, но и в газетах и других средствах массовой информации. Тем не менее понимание ее сущности и назначения, действия оставляет желать лучшего даже среди юристов, о чем свидетельствуют, например, результаты опроса Г. И. Чангули судей и адвокатов [9, с. 87, 99] и публикации в периодической печати [11]. Представляется, что определенную роль здесь сыграли и отдельные положения, выдвинутые в теории уголовного процесса, которые не всегда учитывали правовую реальность, взаимодействие на практике конституционных предписаний и конкретизирующих их норм уголовно-процессуального права, выдавая иногда желаемое за действительное.

Некоторые авторы придают явно преувеличенное, универсальное значение презумпции невиновности. «... Будучи принципом процесса, презумпция невиновности выступает в роли гаранта как каждого отдельно взятого принципа советского уголовного судопроизводства, так и всей системы принципов. Все принципы советского уголовного процесса так или иначе основываются на презумпции невиновности...» [3, с. 49]. «Презумпция невиновности — это прежде всего процессуальная основа общего права обвиняемого на защиту и всех составляющих его частных, более детальных прав. Она — обобщенное, интегрированное выражение всех процессуальных гарантий, кото-

рые закон установил для охраны законных интересов обвиняемого» [8, с. 25].

Ни одно отдельно взятое правовое положение, включая и такое важное, как презумпция невиновности, ни один процессуальный или даже общеправовой принцип не могут рассматриваться в качестве единственной основы, гаранта всех принципов уголовного процесса, права обвиняемого на защиту и его законных интересов. Определенными гарантиями и основой прав и обязанностей граждан, в том числе обвиняемого и подозреваемого, являются все общеправовые принципы и принципы уголовного процесса. Запрещая признавать подозреваемого и обвиняемого виновным в совершении преступления, пока их виновность не доказана в установленном законом порядке, домогаться их показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер, переоценивать доказательственное значение признания ими своей вины, публично объявлять человека преступником до окончательного решения вопроса о его виновности, возлагая на органы расследования и прокурора обязанность доказывания возникшего у них подозрения или сформулированного ими обвинения, презумпция невиновности взаимодействует с другими принципами уголовного процесса, в частности с принципами социалистической законности, установления объективной истины, обеспечения обвиняемому и другим лицам права на защиту, неприкосновенности и уважения чести и достоинства личности, публичности, состязательности, свободной оценки доказательств и гласности, содействует их правильной реализации. Равным образом осуществление всех названных и других принципов уголовного процесса способствует, в порядке взаимодействия и взаимообусловленности, полной и правильной реализации принципа презумпции невиновности. Что касается вопроса с «приоритете» презумпции невиновности перед правом на защиту, то право обвиняемого (а также подозреваемого и других участвующих в деле лиц) на защиту основано на конституционных принципах охраны прав граждан и обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 57 и 158 Конституции СССР, ст. 13, 27 и другие статьи Основ уголовного судопроизводства). Ясно что охрана, обеспечение прав предполагают, что они имеются у граждан, в том числе у обвиняемого, и предусмотрены в законе. Если же допустить, что право обвиняемого на защиту вытекает из презумпции невиновности, обусловлено ею, то вполне логичным будет вывод, что презумпция является не самостоятельным принципом уголовного процесса, имеющим свое собственное содержание и значение, а только предпосылкой, гарантией (пусть даже важнейшей) принципа обеспечения обвиняемому права на защиту и некоторых других принципов. Конечно, это было бы неправильно в теоретическом плане и не соответствовало бы действующему законодательству, которое, к сожалению,

и не содержит определения принципа презумпции невиновности, но закрепляет основные положения, составляющие юридическое содержание данного принципа (ст. 160 Конституции СССР, п. 2 ст. 7, ст. 14, ч. 1 ст. 36, ч. 4 и 5 ст. 43 Основ уголовного судопроизводства). Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР о том, что суды должны строго соблюдать конституционный принцип, «согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [7, с. 9].

«Чем меньше ореола вокруг презумпции невиновности, чем больше разумного стремления разобраться в ее подлинной сути, тем скорее она победит сомнения, связанные с ее применимостью, тем плодотворнее будут наши усилия, направленные на ее разработку», — правильно замечает историк права З. М. Черниловский [12, с. 104].

В теории уголовного процесса преобладающее большинство авторов отстаивает определение презумпции невиновности, аналогичное тому, которое содержится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. Между тем в нем говорится только об обвиняемом и сформулировано оно лишь применительно к тем уголовным делам, рассмотрение которых заканчивается в стадии судебного разбирательства вынесением приговора. Оно не отвечает на вопросы о том, распространяется ли действие презумпции невиновности и на других лиц, изобличаемых в совершении преступления; до каких пор считается невиновным в совершении преступления лицо, которое освобождено от уголовной ответственности постановлением органа дознания, следователя, прокурора об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела, либо определением распорядительного заседания суда о прекращении дела в связи, например, с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, наличием акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершение деяния, смерти лица, совершившего преступление, передачи лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу (п. 3, 4, 8 ч. 1 ст. 5, п. 4 ч. 1 ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства, ст. 10 УПК РСФСР, ст. 13¹ УПК УССР).

Под охраной презумпции невиновности должны находиться не только лица, официально поставленные в процессуальное положение обвиняемого, но и все другие, в отношении которых фактически ведется уголовный процесс, которые изобличаются в совершении преступления, чья причастность к совершению преступления проверяется: подозреваемые (ст. 52 УПК РСФСР, ст. 43¹ УПК УССР) и заподозренные; последние по уголовному делу выступают в роли «изобличаемых свидетелей», а в стадии возбуждения уголовного дела — в роли лиц, дающих объясне-

ния по поводу своих собственных действий, местопребывания, времяпрепровождения и т. д.

Следовательно, принцип презумпции невиновности начинает действовать уже в стадии возбуждения уголовного дела, в частности, когда решается вопрос об отказе в возбуждении дела по нереабилитирующим основаниям или о возбуждении дела против определенного лица, а не с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, как утверждают некоторые ученые [8, с. 33—34]. В стадии предварительного расследования он действует в отношении всех лиц, версия о причастности которых к преступлению проверяется. В дальнейшем, с появлением в уголовном деле процессуальных фигур подозреваемого, обвиняемого, подсудимого презумпция невиновности все более персонифицируется, приобретает все более определенную направленность. Она прекращает свое действие со вступлением приговора в законную силу, а в тех случаях, когда производство заканчивается вынесением определения суда о прекращении дела или постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении — после вступления этих решений в силу.

Некоторые авторы полагают, что презумпция невиновности действует и в стадии надзорного производства. «Если же компетентное должностное лицо вносит протест на приговор, то снова начинает действовать презумпция невиновности» [3, с. 118]. Презумпция невиновности фактически сводится к субъективному мнению отдельных лиц по вопросу о виновности лица в совершении преступления. Между тем принцип презумпции невиновности — это объективное правовое положение, в соответствии с которым закон, государство считают гражданина невиновным в совершении преступления до тех пор, пока его виновность не будет доказана и признана в установленном законом порядке. Вступивший в законную силу приговор суда, в частности обладает свойствами общеобязательности и исполнимости (ст. 54 Основ уголовного судопроизводства). Поэтому ни закон, ни государство не могут рассматривать осужденного как невиновного и обращаться с ним как с таковым, в том числе и в стадии производства в порядке надзора. В данной стадии суд надзорной инстанции обязан проверить, соблюдены ли в предыдущих стадиях процесса требования принципа презумпции невиновности, которыми обязаны были руководствоваться органы расследования, прокурор и суд первой и кассационной инстанций.

Ссылаясь на то, что в соответствии со ст. 160 Конституции СССР лицо может быть признано виновным в совершении преступления только приговором суда, многие авторы считают, что при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лицо не признается виновным в совершении преступления. «Постановление о прекращении уголовного дела никогда не было и не является актом признания обвиня-

емого виновным в совершении преступления, по каким бы основаниям это постановление ни принималось и от кого бы оно ни исходило», — писал М. С. Строгович [10, с. 110]. «Поскольку прекращение дела препятствует реализации обвинения, признание обвиняемого виновным в совершении преступления исключается», — считают П. М. Давыдов и Л. Е. Сигалов [2, с. 34].

Такие утверждения, на наш взгляд, не соответствуют правовой реальности. Если человек не признан виновным в совершении преступления, его нельзя освобождать от уголовной ответственности путем прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: это было бы незаконно. Следует признать, что законодатель и Союза ССР, и союзных республик, внося в общесоюзное и республиканское уголовно-процессуальное законодательство изменения и дополнения в целях приведения его в соответствие с Конституцией СССР 1977 г., сохранил исключения из общего правила, предусмотренного ст. 160 Конституции СССР. Сущность некоторых из них заключается в том, что лицо признается виновным: а) не судом, а другими процессуальными органами; б) не приговором суда, а постановлением органа дознания, следователя или прокурора либо определением суда о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении по нереабилитирующим это лицо обстоятельствам (ст. 5, 5¹ Основ уголовного судопроизводства, ст. 5—10 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). При разработке общего понятия принципа презумпции невиновности в советском уголовно-процессуальном праве и анализе действия данного принципа на практике нельзя не учитывать указанную правовую реальность.

Многие юристы, признавая такие исключения, высказываются за их отмену, с тем чтобы во всех случаях вопрос о признании лица виновным в совершении преступления решал только суд в стадии судебного разбирательства своим приговором [5, с. 30—33; 1, с. 134—137]. В целом указанное предложение заслуживает реализации, но все же вряд ли есть государственная и социальная необходимость в том, чтобы, например в случаях истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, наличия акта амнистии, устраняющего применение наказания за совершение деяния, смерти лица, совершившего преступление, утраты вследствие изменения обстановки общественной опасности деянием или лицом, его совершившим, передавать уголовные дела на рассмотрение и разрешение суда, если изобличаемое в совершении преступления лицо (а в случае его смерти — ближайшие родственники) не требует этого.

В. М. Савицкий предлагает включить в уголовно-процессуальное законодательство следующую норму: «Статья... Презумпция невиновности».

Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Обязанность доказывать обвинение лежит на обвинителе. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и обвинительный приговор суда должны быть основаны на доказательствах, подтверждающих виновность обвиняемого в совершении преступления. Все сомнения, если исчерпаны возможности их устранить, должны разрешаться в пользу обвиняемого [8, с. 36].

Отмечая в целом положительные стороны изложенного предложения, выскажем и некоторые замечания. Вряд ли следует включать в проектируемую статью о презумпции невиновности ст. 160 Конституции СССР. В действующей редакции Основ уголовного судопроизводства данный текст воспроизведен в ч. 2 ст. 7, и это верно, так как в нем отражена сущность принципа осуществления правосудия по уголовным делам только судом, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [2, с. 26; 6, с. 82]. Кроме того, презумпция невиновности и правило об обязанности доказывания формулируются применительно лишь к тем делам, которые рассматриваются и разрешаются по существу в стадии судебного разбирательства.

Представляется, что применительно ко всем стадиям советского уголовного процесса, в которых действует принцип презумпции невиновности, и ко всем лицам, изобличаемым в совершении преступления, а не только к обвиняемому, статью о презумпции невиновности целесообразно было бы сформулировать в такой редакции:

«Статья . . . Презумпция невиновности».

Каждое лицо считается по закону невиновным в совершении преступления до тех пор, пока его виновность не доказана и не признана в установленном законом порядке.

Обязанность доказывания виновности лица лежит на органе дознания, следователе, прокуроре, а по делам частного обвинения — на потерпевшем.

Лицо, изобличаемое в совершении преступления, не обязано доказывать свою невиновность или меньшую виновность, а также наличие обстоятельств, исключающих его уголовную ответственность.

Все сомнения, которые не представляется возможным устранить, должны толковаться в пользу лица, изобличаемого в совершении преступления.

Недоказанная виновность лица, причастность которого к совершению преступления исследовалась, в юридическом отношении означает его полную невиновность.

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, избрание в отношении его или обвиняемого меры пресечения не должны расцениваться как доказательство виновности этих лиц, как наказание виновных.

До окончательного разрешения уголовного дела и официального признания лица виновным в совершении преступления с ним нельзя обращаться как с виновным, а также публично, в средствах массовой информации и в каких-либо официальных документах утверждать, что данное лицо является преступником».

В теории советского уголовного процесса укоренилось мнение об опровержимости презумпции невиновности. В. М. Корнуков, например, пишет: «...презумпция невиновности обвиняемого во всех случаях подлежит опровержению. Без этого процесс утрачивает свое назначение» [4, с. 127; 3, с. 24; 8, с. 25]. Подобное мнение, по-видимому, — результат отождествления презумпции невиновности с обычными презумпциями. Между тем презумпция невиновности как принцип советского уголовного процесса ничего общего, кроме термина «презумпция», не имеет с обычными презумпциями как результатом обобщения человеческого опыта, выражающими обычный ход, взаимосвязь вещей и явлений. Этот принцип так же неопровержим, как и все другие принципы уголовного процесса. Любые попытки опровергнуть презумпцию невиновности означали бы фактически ее нарушение или даже отказ от нее. В действительности в ходе уголовно-процессуальной деятельности могут быть опровергнуты версии государственных органов и должностных лиц, ведущих процесс, иных субъектов уголовного процесса о виновности или невиновности определенного лица в совершении преступления, но не принцип презумпции невиновности в целом или хотя бы одно из перечисленных правил, составляющих юридическое содержание данного принципа.

Список литературы: 1. *Грошевой Ю. М.* Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Х., 1986. 2. *Давыдов П. М., Сигалов Л. Е.* Проблемы презумпции невиновности, обвинения и виновности в науке советского уголовного процесса // Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Свердловск, 1985. 3. *Қасумов Ч. С.* Презумпция невиновности в советском праве. Баку, 1984. 4. *Корнуков В. М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. 5. *Ларин А. М.* Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985. 6. *Лукашевич В. З.* Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. 7. *О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту:* // Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. Бюл. Верховн. Суда СССР. 1978. № 4. С. 8—12. 8. *Савицкий В. М.* Право на защиту и нормативное выражение презумпции невиновности // Адвокатура и современность. М., 1987. 9. *Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и охрана прав личности.* К., 1983. 10. *Строго-*

вич М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невинности. М., 1984. 11. Чайковская О., Анашкин Г. Навет? Не верю! // Лит. газ. 1987. 15 апр.; Мысловский Е. Юрист о журналистах // Правда. 1987. 29 июня; Опровержение // Лит. газ. 1987. 2 сент. 12. Черниловский З. М. Презумпция и фикции в истории права // Сов. гос-во и право. 1984. № 1.

Поступила в редколлегию 07.07.88

С. А. АЛЬПЕРТ, д-р юрид. наук, Ю. М. ГРОШЕВОЙ, д-р юрид. наук
Харьков

СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Неуклонное повышение социально-политической активности личности во всех сферах жизни общества — экономической, социальной, политической, духовной — обусловлено стратегическим курсом партии на ускорение социально-экономического развития страны.

Социально-политическая активность граждан — неотъемлемое качество жизни советского общества — выступает как фактор общественного прогресса, без которого, отмечал М. С. Горбачев, «мы не сможем идти вперед» [2, с. 8]. В Программе КПСС особо подчеркивается, что смысл социального развития нашего общества состоит в углублении советской демократии, всех ее сторон и проявлений, в последовательном и неуклонном развертывании социалистического самоуправления народа на основе активного и действенного участия трудящихся, коллективов и организаций в решении всех вопросов государственной и общественной жизни, в том числе и в деятельности органов уголовной юстиции.

Как и социалистическое право в целом, каждая его отрасль должна не только «развивать, укреплять, поощрять стремление личности к активности в общественной и государственной жизни» [6, с. 91], но и создавать реальные условия, обеспечивающие активное поведение любого участника правового отношения, в том числе и уголовно-процессуального, в осуществлении задач данной отрасли права.

Социальная активность проявляется на всех уровнях человеческой жизнедеятельности, во всех сферах общественного бытия человека, в том числе и общественно-политической, и правовой. Подчеркивая личностное начало общественной деятельности, марксизм-ленинизм в самой личности выдвигает на первый план ее социальное содержание как выявление творческого начала личности в сфере труда, общественно-политической деятельности и культуры.

В силу своей значимости вопрос о социально-правовой активности личности привлекает все большее внимание не только ученых-правоведов, но и представителей других отраслей научных знаний, в том числе социологов, психологов и других.

Объясняется это сложностью и многоаспектностью данного понятия, а также тем, что в полной мере оно может быть раскрыто при условии его исследования на более широкой научной основе, не ограниченной исключительно анализом правовой характеристики данного явления. В частности, в литературе отмечается, что формирование у личности активной жизненной позиции — сложный и противоречивый процесс, на который активно влияет ряд факторов: социальная среда, организационное и целенаправленное идеологическое и воспитательное воздействие, оказываемое государственными и общественными органами и организациями. Этот процесс включает и систему потребностей, их осознание в виде определенных интересов, целей, стремлений, мотиваций, выбор решений и средств их реализации. Жизненная позиция дает представление об идейной и нравственной устойчивости личности, о ее способности сознательно выбирать ту или иную жизненную альтернативу, социально значимые ценности и средства их реализации [9, с. 10].

Жизненная позиция во многом обуславливает личностное понимание предоставленных и гарантированных гражданину прав и возложенных на него обязанностей. Для данного процесса характерно, что единство прав и обязанностей на уровне общества дополняется единством убеждений и поступков на уровне личности.

По вопросу о структуре социально-правовой активности в литературе не сложилось единого мнения. Так, отмечается, что социально-правовая активность выражает уровень правосознания и деятельного поведения личности в правовой сфере и подчеркивается, что основным моментом в структуре этого понятия является личностный интерес, направленный на удовлетворение социальных потребностей общества и укрепление режима социалистической законности, охраны общества, государства, личности от любых правонарушений [11, с. 44].

Признавая, что социально-правовая активность личности в значительной мере определяется сформировавшимся у нее высшим уровнем правосознания, В. В. Оксамытный и С. Н. Кожеников подчеркивают ее общественно полезный характер, ибо она направлена на реализацию общезначимых целей права [6, с. 127—128] и представляет собой правомерную деятельность, которая выражается в эффективном использовании предоставленных прав и реализации возложенных обязанностей на благо коллектива, общества или в целях обеспечения личных, охраняемых законом интересов [3, с. 20—23].

В. П. Казимирчук справедливо полагает, что социально-правовая активность — это добровольная, сознательная деятельность, выражающаяся в интересе к праву, уважении права, признании высокого престижа деятельности правовых учреждений, связанная с поиском наиболее эффективных путей использования своих правомочий или реализацией своих гражд-

данских обязанностей, гражданского долга в правовой сфере [12, с. 18].

Разделяя в принципе позицию указанных авторов, подчеркнем, что важнейшими элементами структуры социально-правовой активности личности является, во-первых, принятие личностью целей и принципов коммунистической правовой идеологии, во-вторых, принятие в качестве основных форм общения с другими людьми лишь тех, которые соответствуют нормам права и требованиям коммунистической нравственности, в-третьих, принятие правовых признаков в качестве индивидуальных самооценок фактического поведения в рамках тех правовых отношений, субъектом которых является данный гражданин.

С учетом изложенного социально-правовую активность можно определить как основанную на высоком уровне правосознания добровольную общественно полезную деятельность личности, выражающуюся в ее решимости неуклонно руководствоваться предписаниями права, инициативно действовать в целях эффективной защиты законных интересов государства, общества, прав граждан, способствуя тем самым укреплению социалистической законности и правопорядка.

При этом важно выделить внутриличностный и внешний аспекты правовой активности. На социальном уровне под внутриличностной правовой активностью граждан следует понимать определенный уровень правосознания, систему интересов, сориентированных на укрепление режима законности. Внешняя правовая активность представляет собой фактическое поведение субъекта в рамках определенных правоотношений, в котором реализуется его жизненная позиция.

Личность не только усваивает ценности права, но и придает им личностную окраску, преобразуя их сообразно своим личностным потребностям. Иными словами, для осуществления правовой деятельности в структуре личности формируются определенные правовые идеалы, целостность которых и их личностное содержание опосредуют правовую активность.

Формирование правовой активности складывается под воздействием различных факторов социальной среды, в том числе уровня законности в деятельности органов уголовной юстиции. Нарушение требований социалистической законности в этой деятельности может повлечь за собой формирование у отдельных граждан негативной правовой активности. Правовая активность личности выражает одновременно способность и меру интенсивности личной правовой деятельности, опосредующей уровень ее правосознания и правовой культуры.

Правосознание, правовые чувства, правовая культура формируются всей совокупностью индивидуально-неповторимых жизненных обстоятельств. И если такие обстоятельства противоречивы, если они унижают честь и достоинство гражданина,

если гражданин сталкивается с нарушениями требований социалистической законности, то и человек, воспитанный на социалистических принципах, вправе усомниться в справедливости, более того — в нравственности отдельных решений правоохранительных органов, ибо нравственность — это оценка с точки зрения социальной справедливости любых явлений и событий. Отступление от принципов, например уголовного процесса, в любой процессуальной стадии, всегда влечет унижение чести, оскорбление человеческого достоинства, что негативно сказывается на поведении гражданина.

Отмечая сложную структуру социально активного правового поведения, В. П. Казимирчук справедливо указывает, что оно реализуется в различных формах: в информационно-познавательной сфере, в сфере правового общения и, наконец, в правовой деятельности, т. е. в нормотворческой, правоприменительной и правоохранительной [12, с. 185]. Сообразно этому следует выделять различные сферы правовой активности личности, в том числе и уголовно-процессуальную.

Первая из таких сфер, связанная с правовой информированностью личности, познанием ею права, является своеобразной базой, без которой невозможна или существенно затруднена социально-правовая активность. Правовая информированность, определяемый ею уровень знаний права, как верно отмечает Н. Я. Соколов, позволяет индивиду выделить в процессе правового осознания действительности наиболее ценную и необходимую информацию, должным образом оценить ее для последующего использования в практической деятельности, ибо «для социальной информации (а правовая информация есть ее разновидность. — С. А., Ю. Г.) характерно, что она являет собой не просто знание, а используемое знание, которое вносит изменение в сознание человека, переживается им психически и применяется в его практической деятельности» [10, с. 13].

В этой связи представляется актуальным вопрос о механизме правового информирования, о каналах, посредством которых правовая информация достигает своих адресатов, о методах и средствах, обеспечивающих получение последними разнообразной информации правового характера. Не затрагивая всего комплекса возникающих здесь вопросов, отметим лишь некоторые аспекты данной проблемы.

Как уже отмечалось, социально-правовая активность реализуется не только в сфере информационно-познавательной, но и в сфере правового общения. В юридической литературе обращается внимание на то, что воздействие права нельзя сводить только к правовым отношениям [9, с. 205—206]. Правовые отношения и правовое общение — две стороны единых социально-правовых связей, имеющих свою специфику.

Межличностное общение, как свидетельствуют проведенные авторами исследования, является не только важным каналом получения гражданами необходимой правовой информации, но

и существенным фактором, побуждающим их к активности в правовой сфере. Формы межличностного общения разнообразны. Это — и обсуждение соответствующей правовой информации в «малых группах» (семье, среди товарищей по учебе, работе, знакомых и т. д.), и общение граждан с государственными и общественными учреждениями.

Особое место занимают различные формы привлечения граждан к участию в деятельности органов уголовной юстиции. Обращаясь к характеристике правовой активности субъектов уголовного процесса, важно подчеркнуть, что она прежде всего связана с деятельностью позитивной, т. е. такой, которая соответствует сформулированным в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства задачами и способствует их реализации.

Проявляемая в сфере судопроизводства правовая активность тех либо иных субъектов разнообразна по своей направленности и интенсивности. Это объясняется различными факторами — объективными (в частности, правовым статусом субъекта, характером осуществляемой им процессуальной функции) и субъективными (уровнем правовой информированности, осознанием своих интересов в деле, способностью лица их отстаивать и др.).

В сфере уголовного судопроизводства особое значение имеет та группа субъектов, которую представляют должностные лица, уполномоченные государством осуществлять, вести процесс: их иной раз называют основными субъектами процесса. Характерные черты всей группы субъектов (суд, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, орган дознания) верно отметил И. В. Тыричев, указавший на такие объединяющие их моменты, как общность задач, единство предмета доказывания и методов оценки доказательств, обязанность полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, а также обязанность обеспечения прав всех участников процесса. Все они наделены властными полномочиями, лишь они уполномочены принимать решения, от которых зависят как производство по уголовному делу, так и его результат [9].

Задачи, которые вытекают из содержания ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, являются общими для данной группы субъектов, они определяют как бы конечные результаты, на достижение которых направлена их деятельность. Это, однако, не исключает, что каждый из органов, ведущих процесс, в пределах общих задач решает свои, присущие лишь ему процессуальные задачи присущими ему процессуальными средствами.

Реализуя такие задачи, указанные субъекты действуют как органы правоохраны, и потому столь ответственна их деятельность в уголовном процессе и так высоки требования, к ним предъявляемые. ЦК КПСС указал, что на работу в суды, про-

кратуру, органы внутренних дел и юстиции должны отбираться «политически зрелые, безупречные в нравственном отношении люди, сочетающие в себе высокую профессиональную подготовку с гражданским мужеством, неподкупностью, обостренным чувством справедливости» [7, 1986, 30 нояб.]. Важным здесь являются базовые социальные установки, общая направленность интересов на строгое выполнение требований уголовно-процессуальных и иных норм в различных, особенно конфликтных процессуальных ситуациях. Базовые установки образуют систему ценностных правовых ориентаций на достижение задач уголовного судопроизводства по каждому уголовному делу и которые являются идеологическими по своей сущности.

Профессиональная роль субъектов правоохранительной деятельности определяет соответственно и структурные элементы их правовой активности, которые отличаются от элементов социально-правовой активности граждан прежде всего своей глубиной, полнотой, степенью развития и устойчивости.

В первую очередь это касается правовой информированности субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство, ибо успешное выполнение ими своих профессиональных обязанностей предполагает глубокое знание действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также умение правильно его применять в ходе производства по делу. Высокий профессионализм, компетентность как своеобразный сплав знания и умения — важнейшее условие проявления правовой активности каждого из субъектов, ведущих процесс.

Следует различать в сфере уголовного судопроизводства пределы правовой активности участников процесса, с одной стороны, и лиц, ведущих производство по делу, — с другой. Так, пределы правовой активности первой группы субъектов очерчены их процессуальным статусом, в соответствии с которым каждый из участников процесса проявляет активность, добиваясь защиты своих интересов, реализации своих субъективных прав либо прав и интересов представляемых им лиц. Поэтому граждане, являющиеся участниками процесса, чаще всего определяют ценность правовой информации, исходя из своих конкретных потребностей и интересов, чем в конечном счете определяется и поиск источников, содержащих данную информацию. Иной характер носит правовая активность субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Она связана с реализацией всех задач, сформулированных в ст. 2 УПК УССР, иначе говоря, задач общезначимых. Объясняется сказанное тем, что, будучи представителями государства, названные субъекты процесса «осуществляют не свою личную (или групповую, или кружковую) волю, а волю . . . общества» [1, т. 24, с. 36].

Сама сущность советского уголовного процесса как деятельности правоохранительной побуждает лиц, осуществляющих ее, проявлять активность, основанную на требованиях

закона. Если же деятельность этих лиц выходит за рамки, обозначенные в законе, она приобретает негативную направленность, перестает быть социально полезной.

В. М. Корнуков справедливо полагает, что правовая активность граждан, проявляемая ими в сфере уголовного судопроизводства, выражается в безупречном исполнении возложенных на них обязанностей, во всемерном осуществлении предоставленных им законом прав, в инициативном и интенсивном использовании всех других возможностей по участию в уголовно-процессуальной деятельности и потому имеет важное значение для защиты собственных интересов общества, обеспечения эффективного решения всех других задач уголовного судопроизводства [4, с. 67].

Указанная проблема относится к числу сложных и комплексных. Ее уровень, острота определяются целым рядом факторов социально-экономического, организационного, юридического и психологического характера.

Рассмотренные некоторые элементы структуры правовой активности в сфере уголовного судопроизводства имеют важное не только теоретическое, но и практическое значение для изучения практической направленности уголовно-процессуальной деятельности каждого субъекта по отдельным категориям уголовных дел.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985. М., 1985. 3. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность личности // Сов. гос-во и право. 1980. № 9. 4. Корнуков В. М. Уголовно-процессуальная активность граждан и пути ее повышения // Правоведение. 1987. № 5. 5. Матузов Н. И. Активная жизненная позиция и право // Сов. гос-во и право. 1984. № 3. 6. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности. К., 1985. 7. Правда. 8. Савицкий В. М. Престиж суда // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1987. 9. Советский уголовный процесс / Под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. М., 1986. 10. Соколов Н. Я. Правовая информация и правовая информированность в социалистическом обществе // СССР—Болгария: правовая информированность личности. М., 1985. 11. Стаменова Ц. Правовая активность личности // СССР—Болгария: правовая информированность личности. М., 1984. 12. Социалистический образ жизни. Государственно-правовые проблемы. М., 1980.

Поступила в редколлегию 12.07.88.

С. Ф. ШУМИЛИН, канд. юрид. наук
Харьков

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» от 20 ноября 1986 г.

отмечается, что проведение утвержденного XXVII съездом партии курса на ускорение социально-экономического развития, демократизацию всех сторон общественной жизни, повышение творческой активности масс неотделимо от укрепления социалистической законности и правопорядка, обеспечения надежной охраны конституционных прав и законных интересов советских граждан, строгого соблюдения принципов социальной справедливости [2, с. 3]. При этом поставлена задача решительно покончить с проявлениями предвзятости, тенденциозного подхода при проведении дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства, волокиты, черствости, безразличия к судьбе людей, полностью исключить из практики работы правоохранительных органов факты необоснованных задержаний и арестов, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности [2, с. 5].

Несомненно, что приведенные положения относятся в первую очередь к следственному аппарату, который находится на переднем крае борьбы с преступностью. Партийные решения требуют, чтобы работа следователей была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание. Решение этих задач, очевидно, потребует коренной перестройки деятельности следственного аппарата, что предполагает не только строжайшее соблюдение требований социалистической законности в уголовно-процессуальной деятельности, но и повышение социально-правовой активности следователей в борьбе с преступностью. Исследование данного аспекта уголовно-процессуальной деятельности следователя приобретает особую актуальность, поскольку социально-правовая активность формирует позицию следователя, занимаемую им в той или иной процессуальной ситуации, и находит свое выражение в принимаемых им по делу процессуальных решениях.

Изучение литературы, предпринятое с целью уяснения вопроса о том, что следует понимать под социально-правовой активностью, позволяет сделать вывод о том, что наиболее интенсивно исследования данного социально-правового феномена ведутся на общетеоретическом уровне. При этом наметились различные подходы в определении понятия социально-правовой активности, ее роли и функционального назначения в реализации гражданами субъективных прав и обязанностей. Достаточно подробный анализ высказанных в данной связи суждений содержится в работе В. В. Оксамытного [8]. Поэтому ограничимся рассмотрением лишь тех из них, которые дают представление о социально-правовой активности следователя.

Социально-правовая активность наиболее часто рассматривается как свойство правосознания личности, ее отношение к правовым нормам и правовым явлениям, готовность личности к практической деятельности в правовой сфере. Не

умалая значимости подобного понимания социально-правовой активности, необходимо отметить некоторую его односторонность, заключающуюся в том, что при таком подходе практически невозможно обнаружить проявление социально-правовой активности следователя, поскольку указанный взгляд акцентирует внимание лишь на потенциальной возможности активного поведения и оставляет вне поля зрения те практические действия, по которым лишь возможно судить о социально-правовой активности следователя.

«... по каким признакам, — писал В. И. Ленин, — судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*» [1, т. 1, с. 423—424]. Поэтому заслуживает внимания и дальнейшего развития исследование социально-правовой активности, с одной стороны, как субъективного отношения и готовности к инициативной правомерной деятельности, а с другой — непосредственно социально активной деятельности [5, с. 20—27; 8, с. 127—139].

Поскольку субъективное содержание социально-правовой активности должно обязательно найти свое внешнее, объективированное выражение в определенной системе поступков, действий, вполне оправданным представляется сосредоточение усилий на исследовании механизма правомерного поведения субъектов и отыскания тех характеристик, которые позволили бы разграничить правомерное поведение и социально-правовую активность как высшую форму его проявления. Следует согласиться, что «люди и их социальные общности активны не всегда, не во всех отношениях и не в одинаковой мере» [7, с. 13]. Действующие в правовой сфере субъекты могут и не быть активными, самодеятельными. Следователи в данном отношении не являются исключением. Это обстоятельство выдвигает на первый план задачу поиска показателей, способных не только выяснить собственное содержание социально-правовой активности конкретного субъекта, но и определить ее эффективность в решении задач того правоприменительного процесса, в котором субъект участвует. Такие показатели разработаны, и в соответствии с двойственным пониманием социально-правовой активности делятся на две группы. В первую включаются показатели, характеризующие субъективную сторону социально-правовой активности: добровольность, уважение к праву и стремление к реализации его целей, волевое усилие, сознательность и другие. Во второй группе представлены показатели, характеризующие внешнее проявление социально-правовой активности: общественная полезность деятельнос-

ти, ее правомерность и интенсивность, фактическое поведение субъекта при реализации своих прав и обязанностей, выполнение гражданского долга в правовой сфере и т. д. [4, с. 223—224; 5, с. 24—26].

Анализ перечисленных показателей социально-правовой активности приводит к выводу о том, что они разрабатывались без учета правового статуса субъектов, наделенных властными юрисдикционными полномочиями. Как справедливо отмечает В. В. Лазарев, «само определение правоприменения как властной и организующей деятельности характеризует его в качестве активно функционирующего института», а категория «социальная активность» (и ее разновидность — «правовая активность») призвана отразить особое состояние в деятельности субъекта [6, с. 123]. Следовательно, такие параметры, как общественная полезность, правомерность и добровольность, основанные на сознательности и уважении к праву, безусловно, свидетельствуют о социально-правовой активности граждан в правовой сфере. Однако они не являются индикаторами правовой активности следователя, поскольку не отражают каких-либо особенностей в его деятельности. Уровень поведения следователя, отвечающий указанным параметрам, обусловлен его положением в системе правовых отношений и процессуальными функциями, выполняемыми в целях быстрого и полного раскрытия преступления и обеспечения правильного применения закона в ходе расследуемого им уголовного дела.

Точнее решает вопрос о показателях социальной активности личности Е. А. Ануфриев, полагая, что «социальная активность характеризует деятельность человека не столько со стороны ее содержания, сколько со стороны интенсивности» [3, с. 112]. Данное утверждение справедливо и по отношению к следователю, поскольку о его социально-правовой активности можно судить по такому фактическому поведению, которое отличается интенсивностью, обусловленной стремлением реализовать цели уголовно-процессуальных норм. При этом под интенсивностью следует понимать производство всех процессуальных действий, необходимых для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, в минимальные сроки.

В связи с определением понятия социально-правовой активности следователя представляется справедливой точка зрения В. В. Лазарева, согласно которой усилия правоприменителя, направленные на обеспечение реализации права и предпринимаемые им сверх требований, предъявляемых должностными инструкциями и другими правовыми актами, будут свидетельствовать о *правомерно-активном* поведении [6, с. 123]. С таким определением активности правоприменителей можно согласиться, однако со следующим уточнением: усилия правоприменителя, направленные на обеспечение реализации

права, должны быть интенсивными и сопровождаться поисками наиболее эффективных путей исполнения своих обязанностей, своего правового долга. Действительно, социально-правовая активность следователя обнаруживается тогда, когда он до принятия решения о прекращении уголовного дела с направлением материалов в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних или передачей лица на поруки изучает социально-психологический климат трудового или учебного коллектива, в котором будет протекать исправление и перевоспитание лица, освобожденного от уголовной ответственности. Под углом зрения социально-правовой активности следует рассматривать участие следователя в собрании трудового коллектива, на котором обсуждается преступление, совершенное кем-либо из его членов, и другие формы деятельности следователя, хотя и не предусмотренные уголовно-процессуальным законом, но выполняемые в связи с расследуемыми уголовными делами. Выполнение таких действий следователя производится в рамках поиска наиболее эффективных путей исполнения возложенных на него обязанностей.

Таким образом, социально-правовая активность следователя — это такое свойство его уголовно-процессуальной деятельности, которое проявляется в интенсивности и поисках наиболее эффективных путей исполнения возложенных на него законом обязанностей по борьбе с преступностью.

Малоразработанным в процессуальной литературе является вопрос об источниках социально-правовой активности следователя. Между тем исследование таких источников дает возможность познать ее содержание и направленность. В социологической литературе различаются субъективные (внутренние) и объективные (внешние) источники социальной, в том числе и социально-правовой, активности личности [4, с. 223—224; 5, с. 24—25; 7, с. 76—77].

Рассматривая систему факторов, детерминирующих социально-правовую активность личности через призму правового статуса следователя, можно сделать вывод о том, что к субъективным источникам его социально-правовой активности относятся: ценностные ориентации, установки и высокоразвитое чувство правового долга, которые в совокупности с высоким уровнем профессионального правосознания и правовой культуры формируют субъективные основы профессиональной деятельности следователя. Объективные факторы, детерминирующие социально-правовую активность следователя, представляют собой сложную систему, в которую входят: 1) факторы, обуславливающие социальную активность советских граждан [5, с. 24]; 2) юридические факторы (правовые нормы, являющиеся средством социально-правовой ориентации следователя и обеспечивающие его процессуальную самостоятельность; правовые нормы, образующие систему социально-правового контроля за деятельностью следователя); 3) социально-психологические факторы (здо-

ровый морально-психологический климат в следственном подразделении, справедливая оценка деятельности следователя и т. д.); 4) организационные факторы, обеспечивающие интенсивность следственной деятельности (равномерное распределение нагрузки, научная организация труда, система повышения квалификации и др.).

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Постановление ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» // Соц. законность. 1987. № 2. С. 3—6. 3. Ануфриев Е. А. Социальная роль и активность личности. М., 1971. 4. Ануфриев А. Е. Социальный статус и активность личности. М., 1984. 5. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность личности // Сов. гос-во и право. 1980. № 9. 6. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. 7. Мордкович В. Г., Морозов И. К. Еще раз о критерии общественно-политической активности трудящихся // Проблемы социальной активности. Челябинск, 1974. Вып. 1. 8. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности. К., 1985.

Поступила в редколлегию 27.06.88

В. С. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, канд. юрид. наук
Харьков

СООТНОШЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ, МЕТОДОВ, МЕТОДИК И ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПОЗНАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Познание в уголовном процессе осуществляется на основе марксистско-ленинской методологии, комплексного применения научно обоснованных методов, использования системы соответствующих методик и технических приемов. В конкретном познавательном процессе указанные феномены не существуют изолированно, вне связи друг с другом. Отдельно о каждом из них можно говорить лишь условно как о соответствующем понятии. Что же касается практики расследования или судебного разбирательства, то все они применяются во взаимосвязи, функционируют в уголовном процессе в объективном единстве. Поэтому, анализируя специфику взаимосвязи какой-либо пары названных категорий, следует всегда иметь в виду их объективную связь с другими методологическими категориями. Именно комплексное их применение в уголовном процессе делает последний не только научно обоснованным, но и эффективным.

Методология — учение о методах познания и преобразования действительности [3, с. 127; 8, с. 11]. Методика и технический прием — это способы реализации метода. Из сказанного вытекает, что центральным феноменом, а значит и исходной методологической категорией, является метод, с которого и следует начинать рассмотрение специфики взаимосвязи всей системы методологических категорий.

Прежде всего укажем, что методы познания и борьбы с преступностью статичны. Их нормативный образ получил свое фиксированное выражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в ряде следственных и судебных действий. Они приводятся в динамическое состояние лишь при помощи конкретных методик. Можно поэтому говорить о методе, реализуемом по своей собственной методике, и о методике конкретного метода, по правилам которого она осуществляется. Методики не только динамичны, но и переменны, поскольку обладают многовариантной разрешающей способностью реализовать предписания метода в постоянно изменяющихся условиях окружающей среды. В подтверждение сказанного следует указать на то многообразие методик, по правилам которых на практике осуществляется каждое следственное или судебное действие. Именно поэтому для обеспечения эффективности процесса познания конкретного преступления, его причин и способствующих ему условий важно правильно определить те методики, применение которых может обеспечить решение конкретных познавательных задач в данной сфере функционирования.

Методика носит орудийный характер, выступает как средство реализации установок конкретного метода для достижения поставленной цели. Отражая орудийную функцию методик, Р. Пэнто и М. Гравитц пишут, что «методики — только орудия, используемые для достижения цели по определенному методу» [6, с. 200]. И это верно как для следственного, так и для судебного познания. Но и метод также функционален. В чем же тогда отличие функциональных возможностей методики? Правильный ответ на данный вопрос возможен лишь в том случае, если выяснить, на какие вопросы дают ответы соответственно метод и его собственная методика.

Если метод познания и борьбы с преступностью отвечает на вопрос «что делать?» (например, произвести надзорную проверку, эксперимент или допрос), то методика, равно как и технический прием, отвечает на вопрос «как сделать» или выполнить конкретное, познавательное, например, надзорное, следственное или иное праксеологическое действие. Если к данному вопросу подойти с точки зрения субъектной, т. е. характеризовать метод и методику в плане функциональных обязанностей соответствующих лиц, можно утверждать, что именно методолог обязан сказать, что следует сделать в сложившейся ситуации для познания или преобразования действительности, а методист должен указать (а еще лучше — показать), как выполнить то, что предписывает конкретный метод.

Понятно, что осуществление той или иной функции может быть объединено в действиях одного и того же лица, и на практике чаще всего так оно и бывает. Но это не меняет методи-

ческой и методологической стороны в общей деятельности субъекта, как и не устраняет различий между рассматриваемыми явлениями, т. е. не приводит к нивелированию метода и методики осуществления конкретного вида деятельности.

Таким образом, если метод — направление исследования, поскольку он указывает путь получения необходимых знаний, то методика представляет собой способ преодоления указанного пути и поэтому она отвечает на вопрос «как действовать?» в избранном направлении познания или преобразования действительности.

Более того, поскольку движение в необходимом направлении осуществляется с помощью определенных средств, то методика содержит в себе ответ на второй, дополнительный вопрос «чем действовать?» на избранном пути познания и борьбы с преступностью. Указания эти особенно ценны в тех случаях, когда для решения соответствующих задач требуется применение конкретных научно-технических средств. Данное положение одинаково верно как для научного, так и для непосредственно-практического познания. Об этом важно упомянуть хотя бы потому, что некоторые исследователи при характеристике процессуального познания отождествляют его с научным, квалифицируют его в качестве особой разновидности последнего [2, с. 47]. Не разделяя указанную точку зрения [4, с. 52], подчеркнем, что и в научном, и в непосредственно практическом познании методы и методики познавательной деятельности находятся в одинаковом соотношении: метод всегда есть способ познания, а методика — специфическое средство реализации метода.

Таким образом, «если метод исследования, пусть он будет более общим или более частным, характерен своей применимостью в границах определенной науки или группы наук, то методика уже не обладает более общим или менее общим характером — она является инструкцией деятельности для реализации правил метода в условиях данного исследования» [5, с. 10].

Методики познания, в том числе и в уголовном процессе, разрабатываются не только конкретными практическими органами (например, следствия, дознания), но и соответствующими науками, в частности, криминалистикой, прокурорским надзором и др. Являясь научно обоснованными, такие методики особенно ценны для практики. Через них наука не только получает выход в практику, но и реализует свои возможности в конкретной практической деятельности. При этом она не только извлекает для себя пользу, но и приносит позитивные результаты конкретному виду юридической практики, например, прокурорской, следственной или судебной. Речь, таким образом, идет о взаимовыгодном сотрудничестве практиков и теоретиков в сфере борьбы с преступностью.

Метод неразрывно связан не только с методикой, которая только и делает возможным его собственную жизнь, но и с методологией, в соответствии с правилами которой данный метод разработан. Таким образом, метод и методология также находятся в объективной взаимосвязи и взаимозависимости. Понятно, что указанная связь не только не однозначна, но и не равнозначна. Методология — учение не только об одном конкретном методе, а о каждом методе данной совокупности и всей их системы в целом. Поскольку речь идет о методах одной и той же системы, то в учении о них имеется то общее, что присуще каждому методу и всей их системе в целом. Речь, следовательно, должна идти о необходимости отражения в методологии общих требований, предъявляемых ко всем методам без исключения. Отмеченное общее должно отражаться в содержании и правилах каждого отдельного метода. Иначе говоря, каждый метод должен соответствовать общим методологическим установкам и лишь таким образом будет обеспечиваться их методологическая совместимость. С другой стороны, общие методологические правила осуществляются и апробируются через конкретные методы познания и преобразования действительности, например, борьбы с преступностью; т. е. в процессе их функционирования.

Наконец, укажем на связь методологических правил с общими методологическими установками и правилами соответствующего метода. Метод и соответствующие методики могут быть реализованы лишь при помощи конкретных действий, входящих в структуру конкретной методики. Но если рассматривать эти действия с функциональной точки зрения, то каждое такое действие выступает в качестве особого технического приема реализации методики. С учетом сказанного о них и следует говорить как о конкретных методических или технических приемах.

Являясь структурными элементами конкретной методики, технические приемы подчинены соответствующим правилам методики и направлены на их реализацию. Поскольку методические правила должны отвечать требованиям метода, а метод исходить из предписаний методологии, то в практическом аспекте можно говорить не только о функциональной совместимости методов и методик с соответствующей методологией, но и об их *единстве* в общей структуре познавательной деятельности и в практике борьбы с преступностью.

Характеризуя соотношение метода, методики и методологии, Г. З. Апресян отмечает, что методика — лишь инструментарий, средство или способ, применяемый конкретно и на основе определенной теории; методика, тем более в обществоведении, — ничто, если не опирается на соответствующую методологию. Следовательно, «чистой» методики не существует. Она подчинена определенному методу и должна соответствовать предмету исследования. Вместе с тем всякая методология обязательно

действует через такой инструментарий, как методика, т. е. совокупность средств исследования и познания [1, с. 62, 80].

Таким образом, методология — это учение о методах познания и преобразования действительности, осуществляемое с помощью конкретных методов; метод представляет собой способ познания и преобразования действительности в соответствии с установкой марксистско-ленинской методологии на основе системы конкретных методик; методика — средство применения конкретного метода для познания и преобразования действительности, состоящее из совокупности взаимосвязанных технических приемов; наконец, технический прием — это совокупность действий, образующих в своем единстве структуру конкретной методики, на основе которой реализуются предписания метода в соответствии с принципами марксистско-ленинской методологии.

Разработка взаимосогласованных методов, методик и методологий познавательной и практической деятельности — непременное условие их эффективности. Для оптимального решения непосредственных практических задач каждый орган должен обладать определенным набором методик, быть вооружен соответствующей методологией познания и борьбы с преступностью, т. е. научно обоснованным учением о всех имеющихся методах и методиках, о закономерностях их реализации на практике.

Перечисленные методологические компоненты должны в своем единстве представлять своеобразный «банк научных методов» познания и борьбы с преступностью (например, банк методов прокурорского надзора, расследования уголовных дел и т. п.) [7, с. 146]. В каждом правоохранительном органе его следует формировать по отраслевому принципу, т. е. каждая отрасль профессиональной деятельности должна обладать банком своих методов познания и борьбы с преступностью, которые в общей системе следует классифицировать и систематизировать по определенным правилам. В основу их должна быть положена специфика деятельности данного органа борьбы с преступностью. Понятно, что основное содержание указанного банка методов образуют соответствующие методики, которые группируются вокруг каждого отдельного метода.

В структуре практических органов указанным «банковским делом» обязаны заниматься методические центры соответствующих ведомств (например, методические отделы следственных управлений Прокуратуры СССР и МВД СССР). Их основное назначение — методическое обеспечение процесса борьбы с преступностью, т. е. разработка конкретных методов и методик этой борьбы.

Несомненно, важная роль в реализации указанных задач отводится юридической науке. Поскольку любая «методика» находится вне компетенции философии, теории познания, эпистемологии и методологии» [7, с. 23], то наряду (и совместно) с

практическими органами их разработкой должны заниматься все науки о борьбе с преступностью, в том числе и общая теория об этой борьбе.

Список литературы: 1. *Апресян Г. З.* Великий оратор революции. М., 1974. 2. *Ванеева Л. А.* Судебное познание в советском уголовном процессе. Владивосток, 1972. 3. *Гиргинов Г., Янков М.* Методология — как раздел гносеологии // *Вопр. философии.* 1973. № 8. 4. *Зеленецкий В. С.* Сущность познавательной деятельности в советском уголовном процессе // *Применение норм процессуального права.* Свердловск, 1977. 5. *Куприян А. П.* Методологические проблемы социального познания. М., 1971. 6. *Пэнто Р., Гравитц Н.* Методы социальных наук. М., 1972. 7. *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. 8. *Шентулин А. П.* Диалектический метод познания М., 1983.

Поступила в редколлегию 17.07.88

Н. В. СИБИЛЕВА, канд. юрид. наук
Харьков

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В условиях ускорения НТП все большее значение приобретает задача более активного внедрения достижений науки и техники в повседневную практику органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Широкое использование специальных знаний в реализации задач социалистического правосудия способствует повышению эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел в борьбе с преступностью.

Система советского уголовно-процессуального права содержит ряд норм, регулирующих применение специальных знаний в деятельности органов предварительного расследования и суда. В теории уголовного процесса и криминалистики складывается комплексная отрасль научного знания, объект исследования которой — разработка процессуальных и нравственных критериев использования данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Одной из процессуальных форм внедрения достижений НТП в судебно-следственную практику является использование по делу специальных знаний. Действующие УПК союзных республик применение специальных знаний связывают с разрешением вопросов, возникающих при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, с назначением и производством экспертиз, с привлечением специалистов для участия в следственных и судебных действиях, с производством ревизий и иных проверок, с использованием следователями и судьями собственных специальных знаний. Вместе с тем в УПК союзных республик одно и то же понятие обозначается разными терминами — «знание» и «познание». Так, в ст. 75 УПК УССР,

ст. 76 УПК АзССР, ст. 70 УПК ГССР говорится о «специальных знаниях». По справедливому замечанию Г. М. Надгорного, указанный термин в большей мере согласуется с понятийным аппаратом современной гносеологии, различающим понятия «знание» (продукт общественно-трудовой и мыслительной деятельности) и «познание» (процесс отражения воспроизведения в человеческом мышлении действительности) [6, с. 21, 37].

Дискуссионным остается вопрос о характере специальных знаний следователя, судей и пределах их использования в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Лица этих профессий наряду со знаниями в области различных отраслей права овладевают и определенной совокупностью знаний в области судебной медицины, бухгалтерского учета, криминалистики. Указанное обстоятельство привело В. И. Гончаренко к выводу о том, что знания в области криминалистики (юридической науки, органически объединяющей в себе юридические, естественнонаучные и технические элементы) не должны рассматриваться в уголовно-процессуальном смысле как специальные, поскольку знание криминалистики — необходимое условие надлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей лицами, занимающими целый ряд юридических должностей [2, с. 115—116]. Противники этой точки зрения полагают, что следователям достаточно знаний в объеме, дающем представление о возможностях экспертных исследований и специалистов-криминалистов, привлекаемых к участию в следственных действиях, поскольку нельзя от следователя и судей требовать таких же глубоких знаний в области баллистики, трасологии, почерковедения и других отраслей криминалистических исследований, которыми обладают криминалисты отдельных профилей [4, с. 65—66]. Такой диаметрально противоположный подход к определению характера криминалистических знаний обусловлен, на наш взгляд, их неоднородностью, позволяющей при определенных условиях отнести некоторые из них к специальным в уголовно-процессуальном смысле. Вместе с тем следователи и судьи наряду с правовыми знаниями могут обладать определенной суммой знаний в области других отраслей науки. Данное обстоятельство в той или иной степени предопределяет возможность привлечения специалиста, особенно в случаях, когда необходимость назначения и производства экспертизы отсутствует. На основе этих знаний, с одной стороны, определяется конкретный вид судебной экспертизы, а с другой — осуществляется оценка достоверности выводов эксперта и мнения специалиста. Спорным является тезис о допустимости постановки перед экспертом вопросов правового характера. В данном случае предмет экспертизы — выяснение соответствия (несоответствия) определенных действий специальным правилам. В литературе преобладало мне-

ние о том, что эксперт не вправе давать заключения по правовым вопросам. На подобный подход ориентирует судебную практику и Верховный Суд СССР [7, с. 339].

Однако в последнее время начал утверждаться и иной взгляд на указанную проблему. Имеются в виду ситуации, когда вопрос об ответственности конкретного лица не может решаться изолированно от вопроса специального и в связи с этим правовой вопрос завершает заключение эксперта [7, с. 281—290]. Аналогичная тенденция характерна и для ряда исследований последних лет [3, с. 112; 1, с. 25].

Представляется, что подобный подход оправдан, поскольку отражает реальную закономерность расширения нормативно-правовой регламентации всех сфер государственного управления и хозяйственной деятельности.

Статья 16 Основ уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 65 УПК УССР) не предусматривает такого доказательства, как показания эксперта или специалиста. Доказательством является заключение эксперта. Однако в законе (ст. 192, 289 УПК РСФСР, ст. 201, 311 УПК УССР) предусмотрено такое следственное действие, как допрос эксперта следователем и судом. Он производится для разъяснения либо дополнения заключения, данного экспертом, но его результаты самостоятельного доказательственного значения не имеют.

Процессуальная природа сведений, получаемых от специалистов, в законе не определена, а в литературе носит дискуссионный характер. Наименее всего исследован вопрос о процессуальной природе показаний специалиста, полученных в стадии судебного разбирательства. Это приводит к тому, что назначение экспертизы необоснованно заменяется допросом специалиста и наоборот — там, где достаточно пояснения специалиста, производится экспертиза.

Верховный Суд УССР в постановлении № 11 от 27 декабря 1985 г. «О соблюдении судами Украинской ССР процессуального законодательства, регламентирующего судебное разбирательство уголовных дел» разъяснил, что «специалист содействует суду в исследовании доказательств, обращает его внимание на характер обстоятельств, дает пояснение по поводу специальных вопросов, возникающих в судебном следствии, в пределах своей компетенции с разрешения суда участвует в допросах, может делать заявления» [10, 1986, № 4, с. 84—88].

Несколько иное толкование дано в Постановлении № 7 Пленума Верховного Суда РСФСР от 27 августа 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 сентября 1975 г. № 5 “О соблюдении судами РСФСР процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел”»: «Во всех случаях, когда для установления конкретных обстоятельств дела необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве,

ремесле, следует решить вопрос, требуется ли проведение экспертизы или обстоятельства эти могут быть выяснены путем привлечения к участию в судебном разбирательстве соответствующего специалиста. Специалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки» [8, 1985, № 12, с. 7].

Последняя позиция наиболее предпочтительна. Во-первых, Пленум Верховного Суда РСФСР не противопоставляет обе названные формы привлечения специальных знаний в уголовное судопроизводство, а, наоборот, подчеркивает их внутреннее единство. Выбор той или иной формы отдается на усмотрение суда (за исключением случаев обязательного назначения экспертизы). Во-вторых, подчеркивается, что как проведение экспертизы, так и привлечение специалиста имеют своей целью установление конкретных обстоятельств дела. Из сказанного следует вывод о том, что если данные обстоятельства могут быть установлены путем выяснения мнения специалиста, оно приобретает значение судебного доказательства.

Позиция Верховного Суда РСФСР подтверждает целесообразность дополнения ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 65 УПК УССР) указанием на то, что фактические данные, имеющие значение для дела, могут быть установлены и мнением (пояснением) специалиста.

На возможность установления одного и того же конкретного обстоятельства с помощью различных форм привлечения специальных знаний указывает и Верховный Суд УССР. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда в определении по делу П. по обвинению по ст. 199, ч. 2 УПК УССР, возвращая дело на новое судебное разбирательство, указала, что если для решения вопроса о том, было ли строительство дома окончено, требуются специальные знания в области жилищного строительства, суд вправе вызвать и допросить специалистов, а при необходимости — назначить в соответствии со ст. 75 УПК УССР судебно-строительную экспертизу [9, 1985, № 51, с. 32—34].

В дальнейшем расширении нуждается сфера использования знаний специалиста на различных этапах уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное законодательство УССР допускает возможность участия специалиста в любом следственном и судебном действии (ст. 128¹, ст. 270¹ УПК УССР). УПК РСФСР участие специалиста в производстве следственных действий разрешает лишь в случаях, особо оговоренных в законе, например, при допросе несовершеннолетнего свидетеля (ст. 159), при производстве выемки или обыска (ст. 170), что, безусловно, ограничивает использование специальных знаний при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Вовсе не отражена в законодательстве возможность использования специальных знаний в последующих стадиях уголовного судопроизводства, в частности, при рассмотрении дел в порядке кассационного и надзорного производства. Каково, например, процессуальное значение письменного мнения сведущего лица, предоставленного либо по требованию суда, либо по инициативе участников процесса. В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснено, что представленные материалы, в частности, мнение сведущего лица, не могут заменить заключения эксперта и служить основанием к изменению или отмене приговора с прекращением дела [7, с. 342]. Этим, по мнению Т. Г. Морщаковой, определяется значение, которое имеют содержащиеся в дополнительных материалах мнения сведущих лиц при пересмотре приговора и при повторном рассмотрении дела в суде первой инстанции после отмены приговора. Следовательно, на такие мнения сведущих лиц нельзя ссылаться как на доказательства [5, с. 118]. Вывод автора представляется недостаточно убедительным.

Пленум разъяснил, что письменные мнения сведущих лиц не могут заменить заключения эксперта и, таким образом, не могут быть основанием к изменению или отмене приговора с прекращением дела. Однако они могут служить основанием для отмены приговора и направления дела на новое расследование или новое рассмотрение. «Отсюда, — отмечают В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий, — можно сделать вывод о том, что Пленум признает за этим мнением сведущих лиц доказательственное значение — иначе на их основе нельзя было бы допустить и отмены приговора» [1, с. 125]. Кроме того, проведение повторной экспертизы, уже при новом рассмотрении дела, не снижает доказательственного значения письменного мнения сведущего лица, ибо оно соответствует требованиям допустимости письменных документов в уголовном процессе. Наоборот, наличие последнего позволяет суду полно и всесторонне оценить достоверность выводов повторной экспертизы, исключить некритический подход к экспертному исследованию, гарантировать надежность результатов уголовно-процессуального доказывания.

Список литературы: 1. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. 2. Гончаренко В. И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. К., 1980. 3. Карнеева Л. М., Кертэс И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М., 1985. 4. Махов В. И. Сущность и понятие специальных знаний в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. 5. Морщакова Т. Г. Некоторые вопросы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве // Комментарий судебной практики за 1985 г. М., 1986. 6. Надгорный Г. М. Гносеологические аспекты понятия «специальные знания» // Криминалистика и судебная экспертиза. К., 1980. 7. Сборник Постановлений Пленума Верхов-

Поступила в редколлегию 12.07.88

А. Н. ДЕНИСЮК, канд. юрид. наук
Киев

ОСНОВАНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ И ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Экспертиза по уголовным делам проводится в случаях, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, требуются специальные знания в любой сфере человеческой деятельности, исключая правовую. Одним из оснований назначения экспертизы является необходимость использования специальных медицинских знаний, в частности в области судебной медицины или психиатрии. Закон (ч. 2 ст. 196 УПК УССР) обязывает следователя указывать в постановлении основания для производства экспертизы. При решении вопроса о необходимости применения специальных медицинских (психиатрических) знаний следователь должен учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, определять форму использования этих знаний. «Под необходимостью, — отмечает А. Р. Шляхов, — здесь понимается потребность решения вопросов посредством специальных познаний» [8, с. 62]. Законом не предусмотрены какие-либо ограничения в отношении вида назначаемой судебно-медицинской (психиатрической) экспертизы. Использование такого средства исследования, как судебно-медицинская экспертиза, важно и потому, что она предоставляет возможность получить данные, которые не всегда могут быть добыты из других источников доказательственной информации или вообще могут быть не получены. Учитывая трудность замены заключения эксперта другим источником доказательств или даже невозможность этого, законодатель установил основания, когда назначение судебно-медицинской экспертизы обязательно. Анализ ст. 76 УПК УССР, предусматривающей пять случаев обязательного назначения экспертизы, подтверждает их связь с использованием специальных знаний в области медицины и психиатрии.

Следует, однако, отметить, что в УПК союзных республик приведен неодинаковый перечень обязательного проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз. Так, УПК УССР (п. 4 ст. 76), УПК БССР (п. 5 ст. 76), УПК УзССР (п. 5 ст. 67), УПК АрмССР (п. 4 ст. 68) предусматривают обязательное производство судебно-медицинской экспертизы для установления половой зрелости потерпевшей по делам о половых преступлениях, а в кодексах других союзных республик эти основания не указаны. В соответствии с п. 3 ст. 79 УПК

РСФСР экспертиза назначается для определения психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. В УПК УзССР (п. 3 ст. 67) указанные основания распространяются только на свидетеля, в УПК БССР, МССР, АрмССР, КазССР такая норма отсутствует. В ст. 76 УПК УССР данное основание также не названо. Однако в ст. 69 УПК УССР отмечается, что с помощью экспертизы устанавливается неспособность данного лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, в силу физических или психических недостатков.

Согласно п. 5 ст. 76 УПК УССР экспертиза назначается для установления возраста подозреваемого или обвиняемого при отсутствии соответствующих документов о возрасте, а в УПК РСФСР (п. 4 ст. 79), УПК МССР (п. «г» ст. 66), УПК УзССР (п. 4 ст. 67) данное основание предусмотрено и в отношении потерпевшего. В УПК КазССР (ст. 53) это основание не указывается вообще.

В УПК УССР (п. 3 ст. 76), УПК РСФСР (п. 2 ст. 79), УПК МССР (п. «в» ст. 66) предусматривается производство судебно-психиатрической экспертизы для определения вменяемости обвиняемого, подозреваемого. УПК РСФСР и УПК МССР дополняют данное основание необходимостью устанавливать способность лиц к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими. Согласно же УПК УзССР (п. 3 ст. 67) такая экспертиза возможна только в отношении обвиняемого. В некоторых УПК союзных республик этот вопрос решается по-иному. Так, УПК КазССР (ст. 53) и УПК ЭССР (ст. 58) устанавливают общее правило, предусматривающее производство психиатрической экспертизы в отношении обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. УПК союзных республик предусматривают обязательное проведение судебно-медицинской экспертизы для установления степени тяжести и характера телесных повреждений.

Действующее уголовное законодательство УССР не содержит определения понятия телесного повреждения. В теории советского уголовного права данное понятие трактуется по-разному. Правильно полагают В. В. Сташис и М. И. Бажанов, что «телесное повреждение — это противоправное причинение вреда здоровью другого человека, выражающееся в нарушении анатомической целостности тканей либо в нарушении нормального функционирования тканей или органов человеческого тела» [7, с. 83].

Понятие телесного повреждения закреплено в общесоюзных Правилах судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений. В п. 2 указывается, что «с медицинской точки зрения, под телесными повреждениями следует понимать нарушения анатомической целостности или физиологической функ-

ции органов и тканей, возникшие в результате воздействия факторов внешней среды» [5]. Во втором разделе Правил содержатся медицинские критерии признаков телесных повреждений различной степени тяжести и характера, предусмотренных уголовным законодательством союзных республик. В зависимости от признаков и определяются степень тяжести и характер телесных повреждений. Следует отметить, что в УК союзных республик закрепляется различное название телесных повреждений.

Представляется целесообразным унифицировать в уголовном законодательстве союзных республик терминологию при определении степени тяжести и характера телесных повреждений, тем более, что данное определение производится по одинаковым медицинским критериям и на основании единого общесоюзного нормативного акта.

Проблема законодательного закрепления перечня обязательного производства экспертиз остается дискуссионной. В юридической литературе высказывались мнения о необходимости расширения круга экспертиз, производство которых является обязательным. Р. Д. Рахунов отмечал, что вопросы медицинского характера и определение психического состояния настолько важны, что закон обязывает судебно-следственные органы проводить соответствующие экспертизы и предлагает довольно широкий круг экспертиз, полагая данный перечень «безусловно необходимым», подлежащим закреплению в УПК [6, с. 189, 199—203]. Ряд авторов высказывается за широкий круг оснований для обязательного назначения экспертизы [4]. В. Д. Арсеньев и Ю. К. Орлов, напротив, полагают, что «вопрос о целесообразности установления перечня обязательных экспертиз в законодательном порядке является спорным» [2, с. 98].

Следует отметить, что гражданское процессуальное законодательство не содержит правовой нормы, предусматривающей обязательное назначение экспертизы. Основанием ее назначения всегда выступают конкретные обстоятельства, вытекающие из материалов дела.

На наш взгляд, установление уголовно-процессуальным законодательством союзных республик неодинаковых оснований обязательного назначения экспертизы не вызывается какими-либо объективными причинами или национальными особенностями республик. Такая непоследовательность при решении вопросов, связанных с применением специальных медицинских и психиатрических знаний в форме экспертизы, не обусловлена и потребностями практики. С развитием знаний о человеческом организме, расширением возможностей установления различных следов, имеющих доказательственное значение по делу, и круга вопросов, разрешаемых экспертами, внедрением этих достижений в практику борьбы с преступностью возможно возникновение новых видов различных экспертиз.

Если включить в перечень конкретные определенные обстоятельства, подлежащие установлению с помощью судебной экспертизы, то возникает, по крайней мере, несколько вполне обоснованных вопросов. Почему в перечень не включены другие обстоятельства, которые могут быть установлены путем проведения экспертного исследования, часто встречающиеся в следственной практике и без производства экспертизы во многих случаях решаемые крайне затруднительно? В конкретной следственной ситуации по уголовному делу возможно установление определенного факта (например, времени совершения убийства, наступления смерти) как путем производства экспертизы, так и посредством выполнения других следственных действий (например, допрос очевидцев совершения преступления). Кроме того, при расследовании различных преступлений возможны такие практические ситуации, которые заранее предвидеть и запрограммировать не представляется возможным, да и необходимость в этом отсутствует.

Р. С. Белкин справедливо замечает, что «попытка выразить в одной правовой норме или даже в системе исчерпывающий перечень технических средств и тактических приемов раскрытия и расследования преступлений обречена на неудачу, ибо невозможно поспеть за бурным научно-техническим прогрессом. Если же в законе называются лишь некоторые из них, то это приводит к мысли о недопустимости применения других научно-технических средств и методов» [3, с. 9].

Отметим, что указанными в законе основаниями не исчерпываются содержание, объем и круг вопросов, разрешаемых с помощью судебно-медицинских (психиатрических) экспертных исследований, поэтому нет необходимости перечислять конкретные случаи и указывать обстоятельства назначения судебной экспертизы.

Представляется целесообразным не указывать в УПК союзных республик перечень случаев обязательного назначения экспертизы, а ограничиться общей нормой, предусматривающей основания производства экспертизы (ст. 75 УПК УССР).

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Арсеньев В. Д., Орлов Ю. К. Проблемы правового регулирования экспертизы в уголовно-процессуальном и гражданском законодательстве Союза ССР и союзных республик. М., 1973. Вып. 5. 3. Белкин Р. С. Криминалистика и научно-технический прогресс. М., 1972. Вып. 34. 4. Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство (правовые аспекты). Воронеж, 1986; Палиашвили А. Я. Вопросы совершенствования процессуального законодательства в области судебной экспертизы // XXVII съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1982; Лисицын В. П., Луцук И. Т. Обязательное назначение экспертизы // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Свердловск, 1983. 5. Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений. Утверждены приказом Министерства здравоохранения № 1208 от 11 декабря 1978 г., согласованные с Прокуратурой СССР, Верховным Судом СССР, Министерством юстиции СССР, МВД СССР, КГБ СССР. М., 1979. 6. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953.

Д. В. ФИЛИН
Харьков

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЕ ДОСУДЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ

ЦК КПСС связывает перестройку работы правоохранительных органов с надежным обеспечением защиты интересов государства и прав граждан в деле борьбы с преступностью [8]. Реализация этих задач немыслима без точного и единообразного применения действующего законодательства, в частности института протокольной формы досудебной подготовки материалов.

В советской уголовно-процессуальной литературе сущность протокольной формы досудебной подготовки материалов понимается неоднозначно. Одни ученые считают ее порядком проверки оснований к возбуждению уголовного дела [2, с. 75], другие — разновидностью дознания [7, с. 73—74; 9, с. 238], третьи — административной деятельностью [6, с. 26] и, наконец, четвертые — самостоятельным видом предварительного расследования [1, с. 79]. Вместе с тем ни одна из указанных позиций, на наш взгляд, не аргументирована убедительно.

Первая из приведенных точек зрения вызывает следующие возражения. Во-первых, задачами стадии возбуждения уголовного дела являются установление законности повода и наличия оснований (достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления) к возбуждению уголовного дела. В задачи же досудебной подготовки материалов в протокольной форме, кроме перечисленных, входит установление обстоятельств совершенного преступления и личности правонарушителя. Во-вторых, в процессе досудебной подготовки материалов в протокольной форме истребуются справки о наличии судимости, характеристики с места работы или учебы правонарушителя и другие документы, не подлежащие истребованию в стадии возбуждения уголовного дела. В-третьих, если стадия возбуждения уголовного дела завершается принятием решения, фиксируемого в постановлении, то по окончании досудебной подготовки материалов в протокольной форме составляется протокол. Таким образом, протокольная форма досудебной подготовки материалов не может быть сведена к установлению оснований возбуждения уголовного дела и не тождественна стадии возбуждения уголовного дела.

Вторая точка зрения также не может быть признана обоснованной, поскольку дознание производится только после

возбуждения уголовного дела с обязательным совершением следственных действий, что при протокольной форме досудебной подготовки материалов отсутствует (допускается только производство осмотра места происшествия). То обстоятельство, что досудебная подготовка материалов в протокольной форме возложена на органы дознания, не может служить признанием ее видом дознания, так как органы дознания выполняют и иные функции, а не только производство по уголовным делам.

Нет оснований причислять протокольную форму досудебной подготовки материалов к административной деятельности, как это, например, делают С. Мельник и Л. Захожий исходя из двух основных посылок: деятельность органов дознания, производящих досудебную подготовку материалов в протокольной форме, — не уголовно-процессуальная, ибо производится до возбуждения уголовного дела и без совершения следственных действий; такая деятельность подобна административной [6, с. 26—27]. Следует отметить, что уголовно-процессуальная деятельность представляет собой деятельность, регламентированную уголовно-процессуальным законом и облакаемую в процессуальные формы, не зависящую от акта возбуждения уголовного дела и возможности производства следственных действий. В противном случае стадия возбуждения уголовного дела не имела бы отношения к уголовному процессу. Кроме того, подобие деятельности по досудебной подготовке материалов в протокольной форме административной — чисто внешнее и прослеживается лишь на уровне явления. Характер же любой правовой деятельности можно определить только исходя из сущности отрасли права, которой она регулируется. Между деятельностью и ее правовой основой имеется диалектическая взаимосвязь явления и сущности, где деятельность — явление, а отрасль права, ее регулирующая, — сущность. Сущность не может проявиться во всем своем многообразии одним явлением. Отдельное явление несет в себе только часть сущности, и поэтому различные сущности могут порождать одинаковые единичные явления, но не могут вызвать к жизни систему абсолютно тождественных явлений, ибо каждая сущность отлична от другой сущности.

Из изложенного следует, что подобие некоторых процессуальных действий при протокольной форме досудебной подготовки материалов административным не дает оснований причислять ее к последней. Напротив, досудебная подготовка материалов в протокольной форме — это уголовно-процессуальная деятельность, регулируемая уголовно-процессуальным законом, закрепляемая в предусмотренных им процессуальных формах и производимая по поводу совершенного или предполагаемого преступления.

Анализ гл. 35 УПК УССР и сравнение ее с другими нормами уголовно-процессуального закона позволяет утверждать,

что протокольная форма досудебной подготовки материалов — самостоятельный вид предварительного расследования, для которого характерно уголовно-процессуальное доказывание. Сопоставление ст. 426 и ст. 64 УПК УССР показывает наличие предмета доказывания при производстве досудебной подготовки материалов в протокольной форме. Так, п. 1 ст. 64 УПК УССР требует установления события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления). Часть 3 ст. 426 УПК УССР также предписывает установление времени, места и способа совершения преступления. Кроме того, ч. 3 ст. 426 УПК УССР предусматривает установление виновности правонарушителя и мотивов совершения преступления (тождественно п. 2 ст. 64 УПК УССР), данных о личности правонарушителя (п. 3 ст. 64 УПК УССР — обстоятельств, влияющих на характер и степень общественной опасности обвиняемого, а также иных обстоятельств, характеризующих его личность), последствий и других существенных обстоятельств преступления (п. 4 ст. 64 УПК УССР). Органы, ведущие досудебную подготовку в протокольной форме, не ограничиваются установлением перечисленных обстоятельств. Их усилия направлены и на получение совокупности сведений, указывающих на возможность направления материалов без возбуждения уголовного дела для применения мер общественного воздействия к правонарушителю. Таким образом, доказывание при досудебной подготовке материалов в протокольной форме, как и по другим уголовным делам, направлено на запрограммированный в законе объект.

Как для теории, так и для практики большой интерес представляет вопрос о доказательствах и их источниках, ибо доказывание немислимо без оперирования доказательствами. Мнения ученых по поводу источников доказательств разделились. Одни полагают, что их перечень в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию, другие — указывают на иные, не предусмотренные ст. 16 Основ источники. Так, С. А. Шейфер источником доказательств считает объяснения, полученные в стадии возбуждения уголовного дела. При этом он указывает, что отображение объяснений напоминает допрос: наличие присущее доказыванию целенаправленное получение информации, преобразование ее формы и сохранение для последующего использования [10, с. 57]. Приведенные аргументы достаточно убедительны. Таким образом, источниками доказательств являются объяснения как в стадии возбуждения уголовного дела, так и при протокольной форме досудебной подготовки материалов.

В ч. 3 ст. 426 УПК УССР установлено, что в протоколе об обстоятельствах совершенного преступления должны быть указаны фактические данные, подтверждающие наличие преступления и виновность правонарушителя. Разумеется, подоб-

ные данные могут быть получены как из истребованных документов, так и из отобранных объяснений. Последовательно решается данный вопрос и в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 декабря 1985 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел с протокольной формой досудебной подготовки материалов», в п. 12 которого говорится: «Если отсутствие в судебном заседании очевидцев правонарушения или иных лиц вызвано причинами, исключающими возможность их явки, суд по смыслу ст. 286 УПК РСФСР вправе огласить объяснения, данные ими органу дознания при досудебной подготовке материалов» [11, 1986, № 3, с. 8]. К сожалению, аналогичное положение отсутствует в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 июня 1986 г. «О практике применения судами Украинской ССР законодательства о протокольной форме досудебной подготовки материалов» [12, 1986, № 10, с. 82—84]. Сказанное, однако, не означает, что при невозможности явки в суд по уважительным причинам очевидцев или иных лиц их объяснения не могут быть оглашены. Напротив, судебная практика идет по пути оглашения таких объяснений. Опасения, что информация, содержащаяся в объяснениях, может быть ложной, не имеют веских оснований. По данным Н. П. Кузнецова, 95,5 % показаний, признанных судом достоверными, содержались в объяснениях, отобранных в стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 67]. При обобщении судебной практики из 250 уголовных дел, по которым производилась досудебная подготовка материалов в протокольной форме, случаев признания судом ложности объяснений, данных участниками процесса при досудебной подготовке, выявлено не было.

При досудебной подготовке материалов в протокольной форме зачастую возникает необходимость установления характера и степени тяжести причиненных телесных повреждений, наличия следов и особых примет на теле, а также установления состояния как правонарушителя, так и лиц, понесших вред от совершенного преступления. Установить эти обстоятельства возможно путем производства освидетельствования. Ссылаясь на ч. 2 ст. 193 УПК СССР, В. М. Корнуков полагает, что судебно-медицинское освидетельствование может быть назначено и произведено до возбуждения уголовного дела, так как его производство возможно не только по постановлению, но и по указанию следователя [4, с. 107]. Назначение судебно-медицинского освидетельствования до возбуждения уголовного дела допускается п. 1.3.3; 2.1 Инструкции Минздрава СССР о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР от 21 июля 1978 г. Однако указанные положения не соответствуют уголовно-процессуальному закону. Если освидетельствованию может быть подвергнут правонарушитель, поскольку он обладает статусом подозреваемого, то другие лица не могут быть освидетельствованы, ибо они не являются ни потерпев-

шими, ни свидетелями, что необходимо для применения ч. 2 ст. 193 УПК УССР. Установившая характер и степень тяжести телесных повреждений, судебный медик использует такой же объем знаний, как и при производстве экспертизы, выполняя объяснительную функцию. При установлении состояния правонарушителя и других лиц, кроме наблюдения, применяются и научно обоснованные приемы. Поэтому представляется целесообразным законодательно разрешить вопрос о производстве экспертиз при протокольной форме досудебной подготовки материалов.

Полагаем, что необходимость в производстве экспертизы возникает и в случаях надобности определения наличия в изъятой жидкости содержания спирта, а также установления способа выработки спиртных напитков. Практика идет по пути обращения к помощи специалиста, который о результатах исследования составляет справку. По существу справка представляет собой непроцессуальное заключение экспертизы. Очень важен поэтому единый подход к проведению экспертизы всей алкогольной продукции, изъятой у подозреваемых в самогоноварении [3].

Список литературы: 1. *Арсеньев В. Д., Метлин Н. Ф., Смирнов А. В.* О дальнейшей дифференциации производства по уголовным делам // Правоведение. 1986. № 1. 2. *Даев В. Г.* Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. 3. *Известия.* 1987. 11 марта. 4. *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 5. *Кузнецов Н. П.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. 6. *Мельник С., Захожий Л.* Вопросы, возникающие при применении протокольной формы досудебной подготовки материалов // Советская юстиция. 1987. № 1. 7. *Пашкевич П. Ф.* Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. 8. *Правда.* 1986. 30 нояб. 9. *Финько В. Д.* Проблемы совершенствования деятельности органов дознания // Актуальные проблемы юридической науки на этапе развитого социализма. Х., 1985. 10. *Шейфер С. А.* Собрание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. 11. *Бюл. Верховного Суда РСФСР.* 12. *Рад. право.*

Поступила в редколлегию 27.06.88

П. И. ПИДЮКОВ
Киев

К ВОПРОСУ О ВИНОВНОСТИ ЛИЦА В СОВЕРШЕНИИ ДЕЯНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГО ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРИ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Вопрос о виновности лица в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния (действия или бездействия) всегда был основным вопросом советского уголовного процесса, составляющим основу содержания его предмета. В силу своего материально-правового характера он свя-

зывает воедино уголовный и уголовно-процессуальный законы, делая последний формой жизни материального права [1, т. 1, с. 158]. Поэтому закономерен повышенный интерес правоведов к данному вопросу.

До внесения дополнений и изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, связанных с принятием Конституции СССР 1977 г., некоторые авторы (М. С. Строгович, Н. С. Лейкина и др.) полагали, что не только при отказе в возбуждении уголовного дела, но и вообще в досудебных стадиях уголовного процесса о виновности лица не может быть и речи. В подтверждение справедливости своих доводов они ссылались на требование презумпции невиновности.

Иного мнения придерживалась другая группа авторов. В. З. Лукашевич, Н. С. Алексеев, В. А. Михайлов признание лица виновным в совершении преступления не считали исключительной компетенцией суда, допуская наличие такого права также у органа дознания или предварительного следствия. Эта позиция основывалась на трактовке положения ст. 7 Основ уголовного судопроизводства.

В действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах редакция нормативного положения по данному вопросу в тот период не могла быть признана удачной ввиду ее неопределенности и противоречивости.

С принятием Конституции 1977 г. решение вопроса о том, кем и когда признается виновным лицо в совершении общественно опасного деяния, в отношении которого осуществлялась проверка, и является ли оно таковым в случае отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, еще более усугубилось возникновением терминологического несоответствия между Основным (ст. 160 Конституции СССР) и процессуальными законами. Стремление законодателя к устранению такого несоответствия определило внесение в 1981 г. определенных изменений в ряд законодательных актов. Воспринятые впоследствии законодательством союзных республик, эти изменения оказались не совсем удачными. Х. С. Таджиев не без оснований отметил, что вместо внесения ясности в спорный вопрос указанная грамматическая реформа породила еще большую путаницу понятий [8, с. 29].

Дискуссия в правовой литературе вокруг вопроса о виновности лица и целесообразности ее доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса, в том числе при отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, оживилась с новой силой.

Некоторые ученые решили, что речь идет о совершенно новом правовом явлении [6], смешивая при этом основания уголовной ответственности и освобождения от нее. Ю. М. Грошевой, Г. А. Злобин, С. Г. Келина и другие продолжили отстаивание идеи судебно-следственной декриминализации. Иные

ученые полагали, что введение в закон понятия «деяние, содержащее признаки преступления» должно занять как бы промежуточное положение между проступком, административным правонарушением и преступлением, что позволит точнее регулировать различные стороны общественных отношений в данной области [2]. Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова, Л. Н. Кривоченко, В. К. Лунев предложили вновь введенное понятие именовать «уголовным проступком», нуждающимся в дальнейшем четком законодательном оформлении. Таким образом, сторонники этих позиций либо вообще исключают возможность и необходимость установления виновности лица в совершении деяния, содержащего признаки преступления, в любой стадии уголовного процесса, тем более при отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, либо относят его решение к исключительной компетенции суда.

Своеобразную и противоречивую позицию занял В. В. Скибицкий. С одной стороны, он утверждает, что освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно лишь при наличии в совершенном общественно опасном деянии всех признаков состава преступления (в том числе виновности лица — П. П.) как единственного основания уголовной ответственности, с другой же, отмечает, что совершенное лицом деяние может быть признано преступлением, а лицо, его совершившее, виновным, только приговором суда [7, с. 59, 18—19].

Представляется правильным мнение М. М. Михеенко, Г. З. Анашкина, С. В. Тюрина и других авторов, которые полагают, что деяние, содержащее признаки преступления, обладает теми же правовыми качествами, что и преступление, в том числе виновностью, и, следовательно, должно рассматриваться не иначе как разновидность преступления, не представляющего большой общественной опасности. В противном случае исключалась бы возможность освобождения от ответственности лица, его совершившего. И решение об отказе в возбуждении дела при этом опиралось бы не на основания, обоснованно признанные нереабилитирующими (т. е. не восстанавливающими прежнюю незапятнанную репутацию или в прежних правах), а на п. 2 ст. 6 УПК—отсутствие в деянии лица состава преступления.

При освобождении от уголовной ответственности в связи с применением мер общественного воздействия, а также по иным нереабилитирующим основаниям, установление виновности лица в совершении преступления, в том числе и не представляющего большой общественной опасности, является обязательным, ибо исправлять, как и перевоспитывать, без применения уголовной ответственности и наказания можно только виновного. Применительно же к невиновному такая задача вообще не может быть поставлена [5]. Установление виновности лица (его причастности к совершенному деянию) при отказе в возбуждении дела органом предварительного рассле-

дования по любому реабилитирующему основанию ни в коей мере не противоречит принципу отправления правосудия исключительно судом. Не находится оно в противоречии и с презумпцией невиновности. Решение указанного вопроса не связывается с назначением уголовного наказания, что действительно возможно только по приговору суда. Напротив, оно обуславливает освобождение лица от уголовной ответственности и наказания. Кроме того, в случае возражения лица (либо его законного представителя) против решения об отводе производства по материалу продолжается в обычном, установленном законом порядке. Практика, подтверждающая необходимость такого решения, сложилась задолго до нововведений в уголовном и уголовно-процессуальном законе 1981—1985 гг. Наделение, помимо суда, органов дознания, следователей и прокуроров правом замены уголовной ответственности мерой общественного воздействия, в том числе без возбуждения уголовного дела, является вполне естественным, соответствующим назначению участия общественности в борьбе с преступностью и требованиям своевременного использования нравственного воздействия коллектива на правонарушителя. Это, обоснованное, на наш взгляд, мнение, высказанное А. А. Лиеде, полностью разделяется и А. Я. Дубинским [3].

Требование о признании лицом своей вины в качестве одной из основных гарантий исправления и перевоспитания содержится в УК и УПК ряда союзных республик. Так, в ст. 52 УК РСФСР говорится, что не может быть передано на поруки лицо, которое не считает себя виновным. В ст. 51 УК УССР одним из обязательных условий передачи лица на поруки предусмотрено его чистосердечное раскаяние в содеянном. Такое раскаяние лица не только означает откровенное признание им своей вины и осуждение совершенного деяния, но и свидетельствует и о его желании искупить вину перед коллективом, исправить свое поведение, возместить причиненный вред, помочь в разоблачении соучастников содеянного и т. п.

В то же время представляется, что с учетом полной доказанности совершенного лицом несложного по фабуле деяния возможна передача материалов общественной организации без возбуждения уголовного дела и при отрицании им своей вины. Принятие такого решения может быть обусловлено конкретными обстоятельствами совершенного правонарушения, условиями в коллективе, где будет рассмотрен материал, наличием квалифицированного состава товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних, особенностями личности освобождаемого от ответственности и др. [4].

Решения же органа дознания, следователя, прокурора, судьи и суда об отказе в возбуждении уголовного дела по реабилитирующим основаниям обязательно должны содержать обоснованные данные и выводы о признании определенного

лица виновным в совершении преступления, даже если оно и не представляет большой общественной опасности*.

Это во многом будет способствовать усилению охраны прав и законных интересов граждан, служить надежной предпосылкой для правильной организации работы по исправлению и перевоспитанию лиц без применения к ним мер уголовной ответственности и наказания.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Дубинин Т. Т. Состав освобождения от уголовной ответственности // Сов. гос-во и право. 1984. № 1; Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Х., 1986. 3. Дубинский А. Я. Основания к прекращению уголовного дела в стадии предварительного расследования. К., 1973. 4. Лиеде А. А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве. Рига, 1963. 5. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1986; Тюрин С. О понятии деяния, содержащего признаки преступления // Соц. законность. 1984. № 17. 6. Ной И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Сов. гос-во и право. 1982. № 7. 7. Скибицкий В. Про звільнення від кримінальної відповідальності і покарання // Рад право. 1984. № 3; *его же*. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. К., 1987. 8. Таджиев Х. С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений. Ташкент, 1985.

Поступила в редколлегию 17.07.88.

С. В. СЛИНЬКО
Харьков

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ КАК СИСТЕМА ПРАВООТНОШЕНИЙ

Объективные процессы развития социалистического общества обуславливают необходимость совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования при строжайшем соблюдении законности в этой деятельности, расширении ее гласности, неуклонное претворение в жизнь гуманистических начал уголовного и уголовно-процессуального законодательства, с тем чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности, чтобы каждый работник правоохранительных органов нес всю полноту ответственности за соответствие закону, обоснованность и справедливость принимаемых решений.

Одним из важных направлений деятельности следователя по расследованию преступлений является его взаимодействие

* Практика идет именно по этому пути. По 85,5 % изученных нами материалов об отказе в возбуждении уголовных дел с применением мер общественного воздействия постановления следователей и органов дознания содержали данные и выводы о виновности лица, передаваемого на рассмотрение общественности. Лишь в 49,1 % случае принятию решения предшествовало выяснение мнения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, о том, признает ли оно себя виновным или раскаивается в содеянном.

с органами дознания. Взаимодействие следователя с органами дознания должно рассматриваться в качестве постоянно действующего фактора в расследовании преступлений [8, с. 8].

В уголовно-процессуальной теории большое внимание уделяется изучению организационных форм взаимодействия следователя и органов дознания. Вместе с тем ряд авторов полагает, что такое взаимодействие осуществляется не в системе правоотношений [5, с. 15].

Выяснение правовой сущности взаимодействия следователя и органа дознания предполагает решение ряда вопросов: является ли эта деятельность следователя процессуальной и какой характер правоотношений складывается в процессе осуществления конкретных видов взаимодействия.

Закон предусматривает определенные виды деятельности органов дознания по делу, находящемуся в производстве следователя: принятие оперативно-розыскных мер для установления лица, совершившего преступление, и уведомление следователя о результатах этой деятельности (ч. 1 ст. 103 УПК УССР), выполнение розыскных действий по поручениям следователя (ч. 3 ст. 114 УПК УССР), оказание содействия следователю при производстве отдельных следственных действий (ч. 1 ст. 118 УПК УССР).

Таким образом, взаимодействие следователя с органом дознания закреплено в приведенных процессуальных нормах и поэтому такая деятельность следователя является уголовно-процессуальной в том аспекте, что УПК регулирует процессуальные виды взаимодействия и их конкретные формы, исключаящие какое-либо вмешательство следователя в оперативную деятельность органа дознания.

Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений в конечном счете направлено на обмен и получение различных видов информации: доказательственной, ориентирующей, на основе которой следователь устанавливает факты, входящие в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 64 УПК УССР). Иными словами, такая информация способствует раскрытию преступлений и установлению всех обстоятельств, связанных с событием противоправного деяния, с целью решения вопроса о наличии оснований для предания обвиняемого суду или прекращения уголовного дела, а потому само взаимодействие следователя и органа дознания правомерно рассматривать в качестве относительно самостоятельного вида уголовно-процессуальной деятельности, являющейся выражением соответствующей функции следователя.

Проблема процессуальных функций следователя всегда привлекала внимание ученых и практиков. Обстоятельный анализ высказанных по данному вопросу суждений приведен А. М. Лариным, который пришел к выводу о том, что следователь осуществляет следующие процессуальные функции: 1) рассмотрение заявлений, сообщений о преступлениях;

2) исследование обстоятельств дела; 3) обвинение в совершенном преступлении; 4) ограждение граждан от необоснованного обвинения в совершенном преступлении; 5) обеспечение возмещения материального ущерба и исполнение приговора в части конфискации имущества; 6) пресечение преступлений и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления; 7) розыск обвиняемого и установление его местонахождения, которое неизвестно; 8) разрешение уголовного дела [7, с. 30].

Представляется, однако, что данная система функций является неполной, поскольку взаимодействие следователя и органа дознания — одно из общих направлений его уголовно-процессуальной деятельности, которое во многом обуславливает возникновение, движение и разрешение уголовного дела.

Отсюда вытекает вывод о том, что взаимодействие следователя с органом дознания — функция следователя, а само взаимодействие, рассматриваемое в качестве одного из направлений процессуальной деятельности, осуществляется в системе правоотношений, которая включает в себя как уголовно-процессуальные, так и иные правоотношения.

П. С. Элькинд убедительно показано, что правоотношение — это основная форма реализации уголовно-процессуальных норм [10, с. 36].

В работах В. Н. Кудрявцева, М. С. Строговича, В. П. Божьева и других ученых подчеркивается, что процессуальные правоотношения выступают как фактическое поведение, связывая воедино уголовно-процессуальную деятельность этих субъектов и направляя их деятельность на достижение целей предварительного следствия [6, с. 12; 9, с. 142; 2, с. 30]. Специфика указанных правоотношений обусловлена как функциями, осуществляемыми следователем на определенном этапе расследования, так и теми следственными ситуациями, в которых реализуется соответствующее правомочие следователя, в том числе и закрепленное в ст. 104, 114, 118 УПК УССР.

Так, складывающиеся отношения при выполнении отдельных поручений следователя и органа дознания (ст. 118 УПК УССР) являются уголовно-процессуальными, потому что, во-первых, закон определяет правомочия следователя дать органу дознания отдельные поручения о производстве следственных действий, во-вторых, орган дознания, исполняя отдельное поручение следователя, обязан произвести следственное действие в точном соответствии с требованиями закона. Закономерен вопрос: вправе ли орган дознания выйти за пределы тех следственных действий, которые указаны в отдельном поручении и произвести по своему усмотрению иные следственные действия? Поскольку отношения, складывающиеся между следователем и органом дознания, исполняющим его отдельное поручение, являются уголовно-процессуальными, т. е. фактическое поведение обязанных субъектов урегулировано нормой уго-

ловно-процессуального права, орган дознания не вправе выйти за пределы тех поручений, которые сформулированы в указанном выше решении следователя. Однако в тех случаях, когда орган дознания, выполняющий отдельное поручение следователя, считает целесообразным в данной связи произвести иные следственные действия, он обязан сообщить об этом следователю, который и принимает окончательное решение. Отношения в такой ситуации между следователем и органом дознания не урегулированы нормами уголовно-процессуального права, но поскольку в соответствии с Положением о советской милиции орган дознания обязан содействовать следователю в раскрытии преступлений, указанные отношения являются правовыми, однако носят они преимущественно организационный характер.

Согласно ст. 114 УПК УССР следователь вправе дать органу дознания указание о производстве розыскных действий. Складывающиеся здесь отношения — уголовно-процессуальные. Отсюда вытекает, что орган дознания обязан представить следователю документы, фиксирующие ход и реализацию этих мероприятий. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что данные материалы приобщаются к уголовному делу и содержащаяся в них информация должна быть закреплена в установленной уголовно-процессуальной форме.

Следователь имеет право проконтролировать не только результаты выполнения розыскных действий, но в отдельных случаях и сам процесс производства соответствующего розыскного мероприятия. В этом случае между следователем и органом дознания формируется контрольно-правовое отношение, имеющее своей целью контроль следователя за деятельностью и законностью проводимого органом дознания розыскного мероприятия (например, проверка результатов поквартирного обхода и т. д.). Поскольку порядок производства указанных действий регулируется не только приказами министра внутренних дел СССР, но и указаниями Генерального прокурора СССР, такие отношения носят правовой характер.

Анализ ч. 1 ст. 103 и ч. 3 ст. 114 УПК УССР приводит к выводу о том, что следователь вправе дать органам дознания указание о производстве оперативных мероприятий в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших. Специфика производства оперативных мер обуславливает особенности тех отношений, которые складываются между следователем и органом дознания при выполнении указаний следователя. Данные отношения преимущественно являются организационными и носят уголовно-процессуальный характер лишь в том аспекте, что орган дознания обязан оперативным путем установить факты или лиц, о которых идет речь в указании следователя.

Что же касается такой формы взаимодействия следователя и органа дознания, как следственно-оперативная группа, то от-

ношения следователя с оперативным работником, включенным в оперативную группу, носят уголовно-процессуальный характер. Констатация этого положения имеет важное значение и потому, что оперативные работники, включенные в состав следственно-оперативной группы, полагают, что они вправе выполнять следственные действия и без отдельного поручения следователя, исходя из общего плана расследования данного уголовного дела [4, с. 49; 1, с. 76; 3, с. 63; 1, с. 63]. Представляется, что подобные взгляды не соответствуют, более того, противоречат характеру тех правоотношений, которые складываются в следственно-оперативной группе. Закон, в частности ст. 118—119 УПК УССР, не допускает производства следственных действий органом дознания без соответствующего решения следователя (отдельного поручения). Вместе с тем между следователем и оперативным работником, включенным в состав следственно-оперативной группы, могут складываться и иные правовые отношения, которые имеют своей целью обмен информацией в целях полного раскрытия преступления, изобличения лиц, виновных в его совершении, как следственными, так и иными методами, например оперативно-розыскными — ч. 1 ст. 103 УПК УССР.

Список литературы: 1. Белозеров Ю. И., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Органы дознания и предварительного следствия в системе МВД и их взаимодействие. М., 1983. 2. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. 3. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. 4. Дубриный В. А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1987. 5. Кокарев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 6. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. 7. Ларин А. М. Расследование: процессуальные функции по уголовному делу. М., 1986. 8. Рекунков А. М. Пути и перспективы перестройки в органах прокуратуры // Соц. законность. 1987. № 2. 9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 10. Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.

Поступила в редколлегию 17.07.88

*В. Т. НОР, канд. юрид. наук
Львов*

УСЛОВИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Наряду с гражданским иском в уголовном деле уголовно-процессуальное законодательство большинства союзных республик предусматривает такую форму (способ) восстановления нарушенных преступлением имущественных прав и интересов юридических лиц и граждан, как возмещение причиненного материального ущерба по инициативе суда*. Сущность ее сос-

* Исключение составляет уголовно-процессуальное законодательство АрмССР, КазССР, которое не предусматривает возможности присудить возместить причиненный преступлением материальный ущерб исключительно по инициативе суда.

тоит в том, что суд по своей инициативе при вынесении приговора по уголовному делу разрешает вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, если гражданский иск в уголовном деле не предъявлялся, а государственные, общественные, а также интересы определенных категорий граждан остались без защиты (ч. 2 и 3 ст. 29 УПК УССР; ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР).

Несмотря на то что Верховный Суд СССР, Верховный Суд УССР в своих руководящих постановлениях требуют от судов принимать решения о возмещении ущерба по собственной инициативе по каждому уголовному делу, если гражданский иск не предъявлялся [3, с. 11; 8, с. 327], суды еще не в полной мере используют данную форму возмещения вреда.

Возмещение материального ущерба по инициативе суда — самостоятельная процессуальная форма (способ) устранения имущественных последствий преступления. На этом сходятся мнения большинства авторов, изучавших или затрагивавших проблему возмещения ущерба в уголовном процессе [1, с. 23; 2, с. 4; 5, с. 8; 6, с. 28; 9, с. 79; 10, с. 7]. Однако такую самостоятельность нельзя рассматривать как полную независимость от гражданского иска в уголовном деле. Суд не вправе выбирать по своему усмотрению ту или иную форму возмещения. Анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок возмещения материального ущерба, позволяет сделать вывод о том, что указанная форма по сравнению с гражданским иском в уголовном деле носит субсидиарный характер. Приоритетом пользуется гражданский иск, она же подлежит применению лишь в случае, когда «иск не был предъявлен».

Следовательно, возможность применения данной формы возмещения зависит от применения или же неприменения исковой формы защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов лиц. Однако, будучи зависимой от гражданского иска в начальном этапе своей реализации, дальнейшее развитие она получает как независимая, самостоятельная форма, которая существенно отличается от исковой. Это отличие проявляется в следующем. Для того чтобы реализовать возмещение материального ущерба посредством гражданского иска в уголовном деле, необходимо наличие по крайней мере трех условий: 1) причинение преступлением материального ущерба; 2) предъявление требования (иска) о его возмещении; 3) участие в уголовном процессе специальных его субъектов — сторон гражданского иска. Для возмещения ущерба по инициативе суда достаточно наличия только первого условия.

Сказанное является аргументом в пользу того, что здесь имеет место самостоятельная форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба, а не упрощенный вариант гражданского иска в уголовном процессе [7, с. 45—46].

При этом не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что формирующие данную форму правила помещены в уголовно-процессуальных кодексах некоторых союзных республик в статье, озаглавленной «Гражданский иск в уголовном деле» (ст. 29 УПК РСФСР), а в УПК УССР — «Обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением, и исполнение приговора в части конфискации имущества» (ст. 29), что не соответствует сущности анализируемой формы возмещения материального ущерба. Справедливо поэтому мнение А. Г. Мазалова о необходимости закрепить ее в отдельной статье уголовно-процессуального закона [10, с. 7].

Присуждение к возмещению материального ущерба судом по своей инициативе может быть обязательным и факультативным. Данный вопрос УПК союзных республик регулируют по-разному. Так, по УПК УССР оно носит обязательный характер в тех случаях, когда имущественный вред причиняется государственному или общественному имуществу, а гражданский иск о его возмещении предъявлен не был. Согласно ст. 29 УПК УССР при вынесении приговора суд обязан по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, если этого требует охрана государственных или общественных интересов.

Аналогичная обязанность возлагается на суд и тогда, когда ущерб причинен гражданину, однако последний не может предъявить гражданский иск в уголовном деле вследствие: 1) беспомощного состояния; 2) зависимости от обвиняемого (подсудимого); 3) по другим уважительным причинам, а прокурор не принимает участия в деле или в силу каких-либо причин не предъявил иск.

Таким образом, суд обязан обсудить вопрос о возмещении ущерба и принять решение во всех случаях, когда имущественные права и интересы государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций оказались без защиты. Что касается защиты имущественных прав граждан, потерпевших от преступления, то возмещение им ущерба по инициативе суда возможно как на обязательных, так и на факультативных началах. Непредъявление по вышеуказанным причинам гражданского иска потерпевшим гражданином или в его интересах прокурором обязывает суд вынести решение о возмещении ущерба в обязательном порядке. В других случаях — по усмотрению суда.

Аналогичные требования содержатся и в уголовно-процессуальном законодательстве КиргССР (ч. 4 ст. 36 УПК), ГССР (ст. 30 УПК) и УзССР (ст. 24 УПК), с тем, однако, отличием, что в последних двух республиках суд по своей инициативе принимает решение о возмещении лишь в случаях, когда в рассмотрении дела не принимает участия государственный обвинитель.

Несколько по-иному урегулировано возмещение ущерба по инициативе суда в уголовно-процессуальном законодательстве

ве РСФСР и большинства других союзных республик. Статья 29 УПК РСФСР предоставляет суду право по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением. Следовательно, применение данной формы восстановления нарушенных преступлением имущественных прав и интересов любых субъектов права здесь всецело зависит от усмотрения суда, т. е. решается им на факультативных началах. Тем не менее Верховный Суд СССР указывает, что по каждому делу о преступлении, причинившем материальный ущерб, необходимо обсудить вопрос о его возмещении по собственной инициативе, если гражданский иск не был заявлен.

Возмещение причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда возможно лишь при наличии установленных законом условий: материально-правовых оснований и процессуальных предпосылок. Материально-правовые основания (вредоносное деяние, преступление, материальный ущерб, причинная связь между ними) составляют юридические факты, с которыми закон связывает возникновение правоотношения между причинителем вреда и материально потерпевшим лицом. Они являются общими для всех форм возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Что же касается процессуальных предпосылок ее применения, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Их необходимо прежде всего классифицировать на две группы: общие с исковой формой защиты и особенные, свойственные лишь рассматриваемой форме возмещения.

Общими как для исковой формы, так и для возмещения ущерба по инициативе суда, являются следующие предпосылки: подведомственность суду правоотношения, возникшего в связи с причинением ущерба; отсутствие состоявшегося судебного решения, имевшего своей целью урегулировать названное правоотношение путем взыскания ущерба либо отказа в его возмещении, либо утверждения мирового соглашения или принятия отказа истца от иска, а также ясно выраженного отказа физического лица (гражданина) от возмещения ущерба; признание подсудимого приговором виновным в совершении преступления, результатом которого явился материальный ущерб.

К специальным процессуальным предпосылкам возмещения материального ущерба по инициативе суда следует отнести: отсутствие гражданского иска в уголовном деле; причинение вреда государственному или общественному материальному интересу, или причинение вреда физическому лицу, которое вследствие указанных в законе обстоятельств (ч. 2 ст. 29 УПК УССР) не может надлежащим образом защитить свои законные интересы; наличие правовой возможности возложить имущественную ответственность за причиненный ущерб только на обвиняемого (подсудимого).

Таким образом, возмещение причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда возможно лишь при

наличии обеих групп процессуальных предпосылок. Отсутствие хотя бы одной из них делает невозможным применение данной формы судом. Поскольку первая группа предпосылок (общие) исследовалась в работах, посвященных гражданскому иску в уголовном процессе, ограничимся анализом только специальных процессуальных предпосылок.

1. *Отсутствие гражданского иска в уголовном деле.* Подобно тому, как в исковом производстве необходимой его предпосылкой является наличие искового заявления, так и для применения рассматриваемой формы такой предпосылкой следует признать отсутствие искового заявления о возмещении причиненного преступлением материального ущерба.

Раскрытие сущности данной процессуальной предпосылки требует выяснения прежде всего следующих вопросов: что следует понимать под «отсутствием иска», или, словами законодателя, — «если гражданский иск не был предъявлен»? Возможно ли параллельное применение исковой и анализируемой форм возмещения при рассмотрении и разрешении одного и того же уголовного дела?

Отсутствие гражданского иска в уголовном деле — это, во-первых, отсутствие зафиксированного в процессуальных решениях четко выраженного притязания потерпевшего лица о взыскании причиненного материального ущерба с обвиняемого или гражданского ответчика в ситуации, когда гражданский иск не предъявлен прокурором. Согласно ч. 2 ст. 29 УПК УССР (новая редакция, утвержденная Указом Президиума Верховного Совета УССР от 16 апреля 1984 г.) [4, 1984, № 18, с. 351], если требуется защита государственных или общественных интересов, а также прав граждан, которые вследствие беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по другим причинам не могут защищать свои законные интересы, прокурор обязан предъявить гражданский иск*.

Однако нереализация прокурором лежащей на нем обязанности не должна, по нашему мнению, навести на мысль, что суд применяет данную форму возмещения ущерба только в случаях, когда государственный обвинитель не принимает участия в рассмотрении уголовного дела. Обязанность суда по возмещению ущерба не обусловлена участием в деле прокурора, который в силу тех или иных причин воздержался от предъявления иска. В этом плане не следует исключать ситуацию, ког-

* Часть 5 ст. 264 УПК УССР также обязывает прокурора предъявить или поддержать предъявленный гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан. Сопоставление ч. 5 ст. 264 с ч. 2 ст. 29 УПК УССР дает основание утверждать о наличии несогласованности между указанными нормами. Если последняя обязывает прокурора предъявить или поддержать гражданский иск в интересах граждан лишь при наличии перечисленных в ней обстоятельств, вследствие которых они не могут надлежащим образом защитить свои законные интересы, то ч. 5 ст. 264 УПК УССР этими обстоятельствами прокурора не связывает.

да вопрос о возмещении ущерба возникает в процессе в тот момент, когда предъявление иска уже будет невозможно, т. е. после начала судебного следствия. Очевидно, что в таком случае участвующий в рассмотрении дела прокурор должен рекомендовать суду применить правило о возмещении ущерба по своей инициативе.

Поэтому представляется не совсем удачной формулировка правила о возмещении ущерба по инициативе суда в УПК тех союзных республик, которые обязывают суд разрешить вопрос о возмещении причиненного преступлением материального ущерба лишь в случае, когда дело рассматривается без участия государственного обвинителя (например, ч. 3 ст. 24 УПК УзССР).

Что касается допустимости применения исковой и неисковой формы возмещения материального ущерба, то, думается, наличие в уголовном деле гражданского иска устраняет принятие решения о возмещении ущерба по инициативе суда лишь в том случае, когда этим иском полностью охватывается материальный ущерб, причиненный преступлением, и иск предъявлен ко всем обвиняемым (подсудимым), признанным приговором виновными в его причинении. Иными словами, возмещение ущерба по инициативе суда ограничено кругом лиц (подсудимых) и материальных требований, которые составляют предмет гражданского иска в уголовном деле. Поэтому, если гражданский истец или в его интересах прокурор предъявили иск только к одному из обвиняемых (подсудимых), в то время как ущерб был следствием виновных деяний и других подсудимых по данному делу, то это не исключает присуждения по инициативе суда возмещения материального ущерба с других осужденных, к которым гражданский иск предъявлен не был. Аналогичен вывод и в том случае, если одни из нескольких лиц, несущих материальный ущерб от преступления, гражданский иск предъявили, а другие нет. Последним суд может присудить возмещение по своей инициативе.

2. *Причинение имущественного ущерба государственным или общественным интересам, а также гражданам, которые не были в состоянии защитить свои интересы.* Данная процессуальная предпосылка заложена прежде всего в охране социалистической собственности. Этой цели служит также и гражданский иск в уголовном деле. Однако сущность рассматриваемой формы состоит в повышенной их охране и защите. Очевидно, что, вводя данную форму в дополнение к исковой, законодатель ставил своей целью устранить из практики случаи невозмещения материального ущерба, причиненного государственной или общественной собственности. Поэтому применение судами указанной формы обязательно в первую очередь при условии, что совершенным преступлением причинен материальный ущерб государственным, кооперативным или другим общественным

юридическим лицам. При этом, как видим, законодатель не ставит защиту имущественных прав и интересов государственных и коллективных образований в привилегированное положение. Все виды (формы) социалистической собственности охраняются им данным способом на одинаковых началах.

По-иному регулируется вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением гражданину. Предоставляя в его распоряжение комплекс процессуальных прав, реализация которых наряду с деятельностью ведущих уголовный процесс органов дает возможность успешно устранить имущественные последствия преступления посредством предъявления гражданского иска в уголовном деле, законодатель обязал суды *ex officio* возмещать за счет виновных ущерб лишь в том случае, когда гражданин лишен возможности защитить свои имущественные права и интересы в силу биологической или социальной «слабости», а равно по другим уважительным причинам. Следовательно, возместить материальный ущерб физическому лицу суд по своей инициативе может (по УПК УССР — обязан) при установлении им факта, что потерпевший желает возмещения ему ущерба, но в силу уважительных причин не смог реализовать свое право на предъявление гражданского иска.

3. *Наличие правовой возможности возложить имущественную ответственность за причиненный материальный ущерб только на подсудимого.* Указанная предпосылка возмещения ущерба по инициативе суда выводится из тех положений закона, когда в предусмотренных им случаях ответственность за ущерб возлагается не только на непосредственного причинителя, но и на других лиц, в частности тех, которые привлекаются в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков. При реализации судом рассматриваемой формы возмещения гражданский ответчик участия в процессе не принимает, а следовательно, лишается возможности защищать в суде свои интересы. Поэтому, когда имущественную ответственность за причиненный подсудимым материальный ущерб несут другие лица, суд не вправе присудить его возмещение по своей инициативе.

В некоторых союзных республиках (ст. 32 УК РСФСР, ст. 30 ТаджССР) уголовное законодательство предусматривает такой основной вид уголовного наказания, как возложение обязанности загладить причиненный ущерб. Понятно, что применение судом данного вида уголовного наказания исключает возможность возмещения ущерба по инициативе суда.

Список литературы: 1. Александров С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе. Горький, 1976. 2. Альперт С. А. Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. Х., 1984. 3. Бюллетень Верховного Суда СССР. 4. Вестник Верховного Совета УССР. 5. Гуреев П. П. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1961. 6. Даев В. Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Л., 1972. 7. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. М., 1965. 8. Збірник постанов

А. И. КОЗУЛИН
Свердловск

ПРОГРАММИРОВАНИЕ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЯ И ДРУГИХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ

Влияние передовых идей, выражающих прогрессивное развитие науки в целом, испытывает на себе и юридическая теория, которая не только широко использует методологические принципы и направления научного поиска, разработанные в обществоведении, но и нередко обращается к данным точных наук, в частности кибернетики. Один из важных каналов связи кибернетики и правоведения — моделирование процесса применения правовых норм, заключающееся в разработке программ стадий правоприменения.

Программа, алгоритм — это точное предписание о выполнении в определенной последовательности некоторой системы операций для решения всех задач данного типа [8, с. 13]. Следовательно, программа применения правовых норм представляет собой заранее заданный правоприменителю «набор» взаимосвязанных конкретных указаний совершить действия, обеспечивающие достижение целей стадии. Программирование дисциплинирует деятельность применяющего правовые нормы, ставит ее на строго рациональную основу. Упорядочивая эту деятельность, оно подчиняет ее наиболее эффективной реализации стоящих перед ней задач, способствует тому, чтобы ею охватывались все необходимые для правильного решения дела операции, а ненужные были исключены.

Наиболее разработанной является проблема программирования второй стадии применения правовых норм — стадии юридической квалификации. В. Н. Кудрявцев на примере ряда норм УК показал принципиальную возможность создания строгих логических формул, позволяющих в результате последовательного анализа фактических данных, характеризующих правонарушение, прийти к заключению о том, под признаки какого состава оно подпадает [7, с. 84—99; 6, с. 21—24]. В качестве основы для составления программы используется учение о составе преступления. Признаки субъекта преступления, его объекта, объективной и субъективной стороны служат главными контурами структуры программы, а ее содержание складывается из упорядоченных серий вопросов, касающихся каждого элемента состава. По мнению В. Н. Кудрявцева, возможность программирования определяется тем, что квалифика-

ция — это процесс, основанный не на интуиции, не на предположениях, а на реальных признаках общественно опасных деяний, закрепленных в нормах права.

Программирование решения о применении штрафной санкции — третьей стадии правоприменения по делам о правонарушениях — изучено в меньшей степени. Высказываются суждения по вопросам о его принципиальной возможности, однако исследования, специально посвященные указанной проблеме, в советской юридической литературе отсутствуют [2, с. 172—174]*. Здесь, видимо, сказался недостаточно высокий в этой части уровень исследований, касающихся назначения санкций (наказаний) вообще.

Как представляется, при программировании решения о применении санкции следует исходить из того, что по своему содержанию данный процесс есть совокупность рассуждений о соответствии индивидуальных признаков, характеризующих особенности юридического дела, закрепленным в нормах права обстоятельствам, оказывающим влияние на определяемые в установленных законом пределах вид и объем государственного принуждения. Эти признаки, характеризующие особенности правонарушения и свойства личности совершившего его субъекта. В частности, в соответствии со ст. 33 Кодекса об административных правонарушениях РСФСР административное взыскание налагается в пределах, установленных нормативным актом, предусматривающим ответственность за совершенное правонарушение, с учетом характера совершенного правонарушения, личности нарушителя, степени его вины, имущественного положения, обстоятельств, смягчающих ответственность.

Вынесение такого решения предполагает обращение к содержанию санкции нормы, гипотезой которой описывается состав правонарушения, а также к содержанию предписаний общей части данной отрасли права, предусматривающих виды воздействия, которыми может быть заменено наказание. Указанный процесс сопровождается сопоставлением обстоятельств дела и закрепленных в правовых предписаниях фактов, обуславливающих использование определенных видов государственного воздействия, смягчение или ужесточение меры воздействия того или иного вида.

При вынесении решения о применении санкции обстоятельства юридического дела «примеряются»: а) к признакам, установленным нормами о мерах воздействия, используемых в качестве альтернативы наказанию и делается вывод о возможности использования этих мер; б) к признакам, предусмотренным нормами об отдельных видах наказаний, и делается вывод о применении или неприменении соответствующих наказаний; в) к признакам,

* В указанной монографии содержатся сведения о попытке составления подобия такой программы, предпринятой еще до революции Н. Д. Оранжевым.

предусмотренным нормами о назначении наказания ниже низшего предела, а также нормами об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность, в связи с чем и мера воздействия смягчается или ужесточается. Сказанное в конечном счете и позволяет решить вопрос о том, какой вид воздействия, в каком объеме следует использовать в данном случае.

Программа этой стадии должна состоять из вопросов, с помощью которых установление тождества между признаками, характеризующими конкретное правонарушение и конкретного нарушителя, и признаками, в соответствии с законом влияющими на вид и объем принудительного воздействия. Такие вопросы будут направлены на определение возможности замены предусмотренных наказаний иными мерами принуждения, на установление того, какое наказание надлежит применить в данном случае, на установление объема, в котором следует использовать подлежащий применению вид воздействия. От ответов на данные вопросы будут зависеть выводы о виде и объеме принуждения, содержащиеся «на выходе» программы.

Известные сложности в программировании и использовании программ будут обусловлены тем, что при определении оснований применения некоторых видов воздействия на правонарушителей в законодательстве часто используются оценочные («малозначительность совершенного правонарушения», «деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности» и т. п.) и оценочно-прогностические («возможность исправления и перевоспитания без изоляции от общества», «возможность исправления и перевоспитания без применения мер уголовного наказания» и т. п.) признаки. Однако данное обстоятельство не свидетельствует о бесперспективности программирования. Во-первых, программы стадий правоприменения рассчитаны на творческое использование и не исключают оценочной деятельности уполномоченного субъекта. Во-вторых, в будущем возможна разработка научно обоснованных перечней обстоятельств, позитивно и негативно характеризующих каждый оценочный и оценочно-прогностический признаки [1, с. 88].

Следует отметить, что действующее законодательство далеко не во всех случаях с исчерпывающей полнотой определяет характер и меру влияния обстоятельств дела на вид и объем ответственности. Поэтому составление программы будет неизбежно сопровождаться исследованиями, касающимися его совершенствования, унификации практики его применения. Речь идет о повышении уровня их формализации, об увеличении роли нормативной регламентации в определении вида и объема ответственности, которое само по себе имеет большое значение как фактор дальнейшего упрочения законности в сфере охраны правопорядка [3, с. 24]. В связи с этим заслуживают внимания предложения о конкретизации в нормах об отдельных видах наказания его общих целей, позволяющей судить о том, какое

наказание надлежит в данном случае использовать [8, с. 113—114], о более точном установлении в законе юридического значения смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств [5, с. 135—143].

И все же предварительное установление всех фактов, имеющих в каждом конкретном случае значение для решения вопроса о виде и объеме ответственности, а тем более — точное определение меры их влияния на это решение, задача очень трудная, практически неразрешимая. Например, параметры, определяющие состояние «гражданин должен быть приговорен к лишению свободы на срок четырнадцать месяцев» зависят от сложной оценки конкретной общественной опасности деяния, смягчающих и отягчающих обстоятельств, личности виновного и т. п. Причем трудность здесь заключается не столько в количестве параметров, сколько в том, что каждый из них, и особенно их воздействие на результат, имеют бесконечное количество «оттенков» [4, с. 146—148]. Программа должна быть составлена таким образом, чтобы у использующих ее осталась возможность учитывать это бесконечное количество «оттенков». В частности, не исключено, что содержащаяся в ней информация о виде воздействия будет альтернативной, сведения же о его объеме в подавляющем большинстве случаев должны быть относительно определенными, хотя, разумеется, число альтернатив здесь окажется меньше, а определенность — большей в сравнении с предусмотренными санкциями правовых норм. Наконец, ввиду того, что составить до конца завершённый перечень влияющих на решение по делу обстоятельств нельзя, использующему программу должна быть предоставлена возможность в необходимых случаях отступить от ее требований.

Как известно, программирование получило широкое распространение в медицине. Здесь применяется так называемая безмашинная диагностика, состоящая в использовании логических схем, направленных на упорядочение размышлений врача и постановку правильного диагноза. Решение относительно диагноза принимает врач и только он несет за него ответственность. Но программа оказывает ему весьма важную помощь, указывая на признаки болезни, которые необходимо учесть, и предоставляя информацию о возможных диагнозах. В работе юриста, применяющего правовые нормы, программирование должно и может сыграть аналогичную роль.

Список литературы: 1. Гаухман Л. Д. О понятии оценочно-прогностического признака // Правоведение. 1983. № 3. 2. Казьмин И. Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. 3. Келина С. Г. Проблемы кодификации советского уголовного законодательства // СССР—Англия: Юстиция и сравнительное правоведение: Материалы советско-английского симпозиума. М., 1986. 4. Кнапп В. О возможностях использования кибернетических методов в праве. М., 1965. 5. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве: Вопросы теории. Воронеж, 1985. 6. Кудрявцев В. Н. Кибернетика и решение правовых задач // Кибернетика и право. М., 1970. 7. Кудрявцев В. Н. О программировании процесса

применения норм права // Вопросы кибернетики и право. М., 1970. 8. *Ткешелиадзе Г. Т.* Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975. 9. *Трахтенброт Б. А.* Алгоритмы и машинное решение задач. М., 1960.

Поступила в редколлегию 22.07.88.

Л. А. БОГОСЛОВСКАЯ, канд. юрид. наук
Харьков

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Одним из путей повышения эффективности деятельности кассационной инстанции является дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данную деятельность.

Важное значение в этом плане отводится проблеме расширения прав кассационной инстанции в области непосредственного исследования доказательств, в проведении так называемого частичного судебного следствия.

Частичным судебным следствием в кассационной инстанции следует считать следствие, в котором исследуются не все обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ уголовного судопроизводства, и привлекаются для их установления не все доказательства, имеющие существенное значение для дела (ст. 16 Основ). В ходе частичного судебного следствия исследуются одно-два обстоятельства либо определенная их сторона, для установления которых привлекаются некоторые из источников доказательств, предусмотренных ст. 16 Основ. Вопрос о целесообразности возвращения дела на новое судебное разбирательство должен решаться в зависимости от того, возможно ли в существующих процессуальных условиях исследовать доказательства непосредственно в кассационной инстанции.

На частичное судебное следствие могут быть вынесены различные вопросы. Например, связанные с отменой приговора только в части наказания с оставлением его без изменения в остальной части; с изменением квалификации преступления и применения наказания; с установлением новых фактов в кассационной инстанции; с изменением фактических обстоятельств дела и т. п. В тех случаях, когда в поданной жалобе или протесте оспаривается обвинение в целом, речь должна идти об отмене приговора и направлении дела на новое предварительное или судебное следствие.

Расширение прав кассационной инстанции по установлению новых обстоятельств, использованию при этом новых доказательств и вынесению новых решений требует дополнительных гарантий, обеспечивающих полноту и правильность ее деятельности, как и гарантий обеспечения прав и законных интересов

участников процесса, в частности осужденного, независимо от места его нахождения.

Во всех случаях проведения частичного судебного следствия необходимо обязательное участие осужденного, который должен реально использовать свое право на защиту. В таких случаях участие защитника в кассационной инстанции также обязательно. При проведении частичного судебного следствия представляется обязательным участие прокурора.

Объяснения участвующих лиц могут содержать информацию, которая приведет судей кассационной инстанции к иным выводам, чем суд первой инстанции, а задаваемые вопросы дадут возможность уточнить некоторые детали, устранить имеющиеся противоречия, относящиеся к фактическим обстоятельствам дела.

Представляется, что при участии осужденного, его защитника и прокурора в частичном судебном следствии кассационная инстанция может не только смягчить наказание, но и определить более тяжкое, чем назначенное судом первой инстанции, или дополнительное наказание. Вряд ли можно здесь говорить об ухудшении положения осужденного, ибо в данной ситуации речь идет об исправлении ошибки суда первой инстанции. Однако кассационная инстанция не должна выносить обвинительного решения, если суд первой инстанции вынес оправдательный приговор или дело прекратил производством. Именно такой путь избрали законодатели ГДР (§ 301 ч. 2 УПК), СРР (ст. 372 УПК), ПНР (§ 1 ст. 383 УПК) и НРБ (ч. 2 ст. 335 УПК). Более жесткое правило установлено в § 241 УПК ВНР, где сказано, что при подаче кассационной жалобы в ущерб обвиняемому судом второй инстанции может быть принято решение о признании виновным обвиняемого, который был оправдан судом первой инстанции, о квалификации деяния по норме закона, предусматривающей более строгую ответственность, и о применении более тяжкого наказания.

Установить ошибки кассационная инстанция может путем сопоставления выводов, сделанных в приговоре, с содержанием обвинительного заключения и с отдельными актами предварительного расследования. Однако более полно этой цели служит сопоставление приговора с судебным следствием. Поскольку ход судебного следствия отражается в протоколе судебного заседания, для установления наличия кассационных оснований к отмене или изменению приговора необходимо сопоставить содержание приговора с текстом протокола судебного заседания. В протоколе должны быть точно отражены все действия, происходящие в судебном следствии, полно и объективно описаны показания всех участвующих в деле лиц. Поэтому наряду с приговором протокол судебного заседания является важным судебным доказательством, из которого судьи кассационной инстанции устанавливают, какие именно обстоятельства были исследованы в судебном следствии и с помощью каких

процессуальных средств, решают вопрос о правильности действий суда первой инстанции и о соответствии приговора данным, установленным в судебном разбирательстве. Отсюда следует, что правильное процессуальное оформление протокола судебного заседания — важнейшее условие, гарантирующее полноту рассмотрения дела, законность и обоснованность вынесенного приговора.

Составление протокола секретарем судебного заседания в строго установленном законом порядке и при условии определенного контроля за его изготовлением со стороны участников судебного разбирательства повышает ответственность судей, ибо все действия и решения суда, зафиксированные в протоколе, могут быть проверены вышестоящей инстанцией.

Опытный секретарь судебного заседания старается в протоколе зафиксировать услышанную информацию, точно, экономно и в то же время немногословно изложить ход собрания, проверки и исследования доказательств. Однако, как бы профессионально и добросовестно секретарь судебного заседания ни выполнял свои обязанности, зафиксировать всю полученную в судебном заседании информацию он не может, да и нет в этом необходимости. По мнению секретаря, он записывает все необходимое и правильно. И все же, отсеивая факты, не имеющие отношения к делу (по мнению секретаря), либо произвольно перефразируя показания участников процесса, секретарь тем самым искажает истину, что не позволяет вышестоящему суду правильно оценить доказательства. В этой связи возникает вопрос о необходимости создания в судах условий для использования технических средств в фиксации исследуемых доказательств. Особенно неценимо практическое значение применения технических средств при рассмотрении многоэпизодных, сложных дел, с привлечением огромного количества доказательств.

«Трудно переоценить значение видеомэгнитофона при изучении судебного дела в кассационном и надзорном порядке. Располагая видеозаписью, вышестоящая судебная инстанция имеет возможность создать для себя эффект присутствия на судебном процессе, может просмотреть и прослушать его от начала до конца или же только ту его часть, которую сочтет нужным» [1, с. 27]. Анализируя, сопоставляя данные предварительного и судебного следствия, проводя частичное следствие, используя технические средства в исследовании доказательств, полученных в суде первой инстанции, кассационная инстанция получит неоспоримые средства установления наличия или отсутствия кассационных оснований к отмене или изменению приговора.

Сопоставив протокол судебного заседания с фонограммой, кассационная инстанция может установить неточности или утрату существенной, юридически значимой информации, что

позволит по-иному оценить имеющиеся в деле доказательства [2; 3; 4; 5].

Такое техническое средство, как видеозапись судебного заседания, кроме преимуществ в непосредственном исследовании доказательств, имеет значение еще и в таком важном деле, как повышение профессионального уровня судей. Увидев себя со стороны, либо прослушав запись, судья критически оценит допущенные им неточности, недостатки в работе, постарается их проанализировать и ликвидировать. Все это будет способствовать повышению его профессионального уровня, а также уровня культуры судебного процесса.

Таким образом, внедрение в судебный процесс технических средств создаст новые возможности, позволяющие более эффективно решать вопросы обеспечения социалистической законности как при рассмотрении дела в суде первой инстанции, так и при проверке законности и обоснованности вынесенного приговора.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 18 Постановления от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» указал, что после провозглашения приговора председательствующий обязан разъяснить осужденному, оправданному срок и порядок обжалования приговора, их право знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать замечания на него. Возникает прежде всего вопрос: почему такая обязанность председательствующего относится только к правам осужденного, а не всех участников судебного разбирательства? Право знакомиться с протоколом судебного заседания и подача замечаний на него в равной мере должны распространяться и на остальных участников судебного разбирательства. На практике указанное право участников судебного разбирательства не реализуется чаще всего потому, что протокол судебного заседания изготавливается несвоевременно. Нередко протокол судебного заседания не готов при вынесении приговора, т. е. отсутствует процессуальный документ, доказательство, на котором должен быть основан приговор суда. Естественно, никто из участников судебного разбирательства с ним не ознакомился и замечаний не подавал. УПК не устанавливает срока на рассмотрение замечаний на протокол, поэтому создается ситуация, при которой окончательное изготовление протокола судебного заседания охватывает весь кассационный срок. Подобная практика порождает подачу дополнительных кассационных жалоб и протестов, которые по своей сути являются основными.

Решению данного вопроса способствовало бы увеличение срока на кассационное обжалование и опротестование приговора до двух недель.

Перестройка деятельности кассационной инстанции означает расширение гласности ее работы. Этот важнейший демократический принцип правосудия предполагает более широкое

использование средств массовой информации в деятельности кассационных инстанций. Усилению связи вышестоящих судов с населением, повышению авторитета советского правосудия и оказанию более эффективного воспитательного воздействия будет служить практика рассмотрения некоторых уголовных дел в выездных заседаниях кассационных инстанций, а также обязательного оглашения кассационного определения в суде первой инстанции при отмене приговора и возвращения дела на новое судебное разбирательство.

Демократизм советского правосудия обусловлен участием общественности в его отправлении и с учетом общественного мнения. Роль и непосредственное влияние общественного мнения на законность и обоснованность приговора состоит в том, что оно содержит информацию о тех обстоятельствах, которые подлежат установлению в приговоре: о событии преступления, виновности подсудимого, мере наказания и т. п. Учитывая изложенное, необходимо, на наш взгляд, положительно решить вопрос об участии общественных обвинителей и общественных защитников в кассационной инстанции. Предоставление указанным субъектам уголовного процесса права на кассационное обжалование приговора и их непосредственное участие в кассационной инстанции уравнивает их права с остальными участниками процесса, будет способствовать дальнейшей демократизации кассационного производства. В этом плане интересен опыт законодательства ГДР, где в уголовно-процессуальном кодексе установлено правило, согласно которому в заседании апелляционного суда могут участвовать представитель коллектива, общественный обвинитель и общественный защитник, даже если они не участвовали в судебном разбирательстве суда первой инстанции. Если апелляционный суд намерен провести в порядке исключения собственное исследование доказательств, в судебное следствие (главное) разбирательство вызываются представитель коллектива, общественный обвинитель и общественный защитник, участвовавшие в разбирательстве суда первой инстанции (§ 296).

В тесной связи с обеспечением процессуального равенства субъектов кассационного производства находится вопрос о расширении права обвиняемого на защиту в кассационной инстанции. Возможности участия защитника в уголовном процессе весьма широки и в принципе они реально используются, однако все еще остается нерешенным вопрос об обязательном участии защитника в кассационном производстве. Статья 358 УПК УССР (ст. 335 УПК РСФСР) предусматривает, что в заседании суда кассационной инстанции может принимать участие защитник. Может, но не обязан, даже в тех случаях, когда он в силу ст. 45 УПК УССР (ст. 49 УПК РСФСР) обязательно участвовал в суде первой инстанции. Думается, следует признать обязательным участие защитника в кассационной инстанции во всех случаях, предусмотренных ст. 45 УПК

УССР; при проведении частичного судебного следствия, а также в случае принесения кассационного протеста прокурором на мягкость наказания.

Список литературы: 1. Каранадзе А. Видеотехника в судопроизводстве // Соц. законность. 1987. № 11. 2. Леви А. А. Звукозапись в уголовном процессе. М., 1974. 3. Макарова Н., Леви А. Использование звукозаписи в Московском областном суде // Сов. юстиция. 1971. № 15. 4. Найдис И. Д. Судебная кинематография и видеозапись. Х., 1986. 5. Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. Воронеж, 1985.

Поступила в редколлегию 11.06.88

В. М. ЧИЖИЧЕНКО
Ворошиловград

ПОТЕРПЕВШИЙ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Важная роль в реализации задач советского уголовного судопроизводства отводится деятельности судов второй инстанции по обеспечению вступления в силу законного и обоснованного приговора, в котором не только правильно разрешено уголовное дело, но при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства соблюдены права всех участников уголовного процесса, в том числе и потерпевшего. Строгое соблюдение законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, — неотъемлемое условие выполнения задач социалистического правосудия.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» подчеркивалось, что суды не всегда реагируют на допускаемые органами дознания и предварительного следствия нарушения процессуальных прав потерпевших. Не единичны факты, когда граждане признаются потерпевшими несвоевременно, как правило, перед окончанием расследования, что ограничивает их возможность реально пользоваться своими правами. Нередки случаи ущемления права потерпевшего и его представителя знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия [3, с. 846—852].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, на наш взгляд, неполно определяет правовой статус потерпевшего в суде второй инстанции. Содержание принципа обеспечения потерпевшему защиты его прав и законных интересов кассационной инстанцией включает в себя субъективные права потерпевшего, гарантии соблюдения прав и его законных интересов. В теории уголовного процесса отмечается, что систему обеспечения права потерпевшего составляет гарантия непри-

косновенности личности и личной свободы, неприкосновенности жилища, тайны переписки, быстрое и своевременное раскрытие преступлений, изобличение виновных, фактическое восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, выявление и устранение судебных ошибок, обеспечение права на защиту и представительство [5, с. 44].

Правовой статус потерпевшего — это правовое положение потерпевшего в уголовном процессе, определяемое совокупностью правовых норм, которые регламентируют общественные отношения, связанные с признанием лица потерпевшим, возникновением, сроком действия и прекращением полномочий потерпевшего, процессуальными гарантиями. С учетом этого следует более полно определить процессуальное положение потерпевшего в стадии кассационного производства путем расширения его субъективных процессуальных прав и гарантий их осуществления и расширения прав представителя потерпевшего. В частности, в законе должно быть закреплено, что потерпевший может представлять дополнительные материалы в суд кассационной инстанции, ходатайствовать перед судом об их истребовании, о вызове его и представителя в суд.

В теории и судебной практике отсутствует единство мнений по вопросу об определении понятия «дополнительные материалы». В сущности предлагается лишь перечень документов, которые правомерно использовать в качестве дополнительных, и определяются полномочия кассационной инстанции по их оценке. По нашему мнению, дополнительными материалами следует признать материалы, содержащие фактические данные, не исследованные судом первой инстанции и влияющие на законность и обоснованность решения по уголовному делу и свидетельствующие о несоответствии выводов судебного решения и фактов объективной действительности. Дополнительные материалы могут быть получены лишь непроцессуальным путем и их целесообразно разделить на две группы: содержащие информацию о фактах, достоверность которой не нуждается в проверке судом первой инстанции, и материалы, в которых изложенные факты нуждаются в проверке в ходе дополнительного расследования или повторного судебного разбирательства.

Статья 337 УПК РСФСР (ст. 361 УПК УССР) закрепляет право потерпевшего как участника процесса представлять к рассмотрению кассационной инстанции материалы, которых не было в деле. Однако законодатель предусмотрел такую возможность при условии — если они имеют значение для разрешения вопроса об изменении или отмене приговора. Вместе с тем в законе следует закрепить право потерпевшего ходатайствовать об истребовании судом подобного рода материалов, давать письменные объяснения по поводу дополнительных материалов, представленных в кассационную инстанцию иными

участниками уголовного процесса, если они принесены не в его интересах.

Судебная практика выдвинула ряд вопросов, на которые нет ответа в законе и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 16 от 1 ноября 1985 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Это прежде всего возможность признания лица потерпевшим в стадии кассационного рассмотрения дела. Буквальное толкование ст. 53 УПК РСФСР (ст. 49 УПК УССР) дает основание полагать, что такое процессуальное действие судом второй инстанции возможно. Факт признания лица потерпевшим кассационной инстанцией может являться основанием для отмены судебного решения в случаях, когда этого требует охрана прав и законных интересов потерпевшего в связи с заявленными им ходатайствами при рассмотрении дела в суде второй инстанции.

Судебной практике известны случаи подачи кассационной жалобы лицом, не признанным по делу потерпевшим, но которому преступлением причинен вред, в частности имущественный. В процессуальной литературе высказывается мнение о том, что такие лица не могут быть допущены к участию в кассационном производстве [1]. Представляется, что в указанных случаях суд обязан принять такую жалобу и направить ее вместе с делом в суд второй инстанции, который должен признать данное лицо потерпевшим и рассмотреть ее по существу.

Нельзя в этой связи согласиться с В. П. Божьевым, который полагает, что в подобной ситуации вопрос о признании лица потерпевшим должен быть разрешен судом, постановившим по делу приговор. Заслуживает поддержки предложение ряда авторов о том, что в такого рода ситуации суд второй инстанции может принять и гражданский иск потерпевшего, если приговором суда установлено, что именно данному лицу причинен материальный ущерб [2, с. 187].

Следует предоставить право потерпевшему и его представителю обжаловать в кассационном порядке определение суда первой инстанции о возвращении уголовного дела на исследование, а также приговор суда в части, касающейся непризнания осужденного особо опасным рецидивистом, неправильного определения вида исправительно-трудового учреждения, а также приведенных в приговоре сведений, умаляющих честь и достоинство потерпевшего. Поэтому спорным является мнение Ю. Стецовского о том, что наделение такими правами потерпевшего может ухудшить процессуальное положение подсудимого, затруднить защиту его прав и интересов [4].

Список литературы: 1. *Божьев В.* Право потерпевшего на кассационное обжалование // Сов. юстиция. 1962. № 5; *Кокорев Л. Д., Побегайло Г. Д.* Адвокат — представитель потерпевшего. Воронеж, 1969. 2. *Маргынчик Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. 3. *Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР.* М., 1986. 4. *Стецовский Ю.* Адвокат

как представитель потерпевшего // Сов. юстиция. 1966. № 24. 5. Цыпкин А. Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965.

Поступила в редколлегию 16.07.88

Л. Г. ПОНОМАРЕНКО
Харьков

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В СТАДИИ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

При выяснении процессуальной и информационной природы дополнительных материалов (ст. 361 УПК УССР, ст. 337 УПК РСФСР) следует исходить из того, что важнейшей задачей доказывания в стадии кассационного производства является проверка правосудности приговора, т. е. соответствия выводов суда первой инстанции о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, доказательствам, исследованным в судебном разбирательстве, а также правильности применения материального и уголовно-процессуального закона при расследовании дела, его рассмотрении в суде и постановлении приговора.

Процессуальная форма такой проверки в стадии кассационного производства специфична, поскольку в данном случае суд второй инстанции не проводит нового судебного разбирательства, а проверяет законность и обоснованность приговора в полном объеме по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам (ст. 45 Основ уголовного судопроизводства, ст. 363 УПК УССР, ст. 332 УПК РСФСР). В данной стадии процесса не допускается производство каких бы то ни было следственных действий по собиранию и проверке доказательств. Единственное исключение из этого правила — осмотр вещественных доказательств и оглашение документов как имеющих в деле, так и дополнительно представленных [3, с. 157].

Недопустимость производства следственных действий в суде кассационной инстанции не должна препятствовать ему всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела. С этой целью закон устанавливает в данной стадии ряд гарантий, обеспечивающих проверку законности и обоснованности приговора в полном объеме, которая осуществляется с соблюдением прав и законных интересов участников процесса. Одной из таких гарантий является возможность представления дополнительных материалов прокурором или лицами, подавшими кассационные жалобы, а также истребование их по инициативе суда второй инстанции; материалы эти подлежат оценке в совокупности с имеющимися в деле доказательствами и наряду с ними могут быть положены в основу определения кассационной инстанции.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 10 от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 г., особо подчеркнул, что дополнительные материалы не могут добываться следственным путем, так как по смыслу закона всякое дополнительное расследование по делу (допрос обвиняемых, потерпевших, свидетелей, производство выемки, обыска, осмотра, экспертизы и др.) может проводиться лишь после отмены приговора с направлением дела на новое рассмотрение или в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам [5, 1984, № 1, с. 6].

Такими дополнительными материалами являются различного рода официально удостоверенные документы (характеристики, свидетельства о рождении и смерти, справки о семейном положении, данные об участии в боевых действиях, документы, удостоверяющие должностное положение осужденного и конкретизирующие выполняемые им функции и т. д.), объяснения лиц в отношении фактов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, мнения специалистов.

В юридической литературе отсутствует единство мнений в отношении процессуальной (доказательственной) природы дополнительных материалов. В. Б. Алексеев, В. Д. Арсеньев и другие высказывают мысль о том, что представляемые в кассационную инстанцию новые материалы по своей процессуальной природе являются доказательствами [2, с. 55; 3, с. 165—166]. Р. Д. Рахунов, М. С. Строгович полагали, что эти материалы не обладают качеством судебных доказательств [16, с. 97; 18, с. 394]. С. А. Шейфер усматривает в дополнительных материалах существенные черты «иных документов» [20, с. 86]. Обращаясь к указанной проблеме, М. М. Гродзинский включил в понятие дополнительных материалов не только то, что является доказательством в процессуальном значении этого слова, но и различные письменные заявления граждан о тех или иных фактах, мнения компетентных лиц, изложенные в письменной форме, не имеющие процессуальной силы доказательств [8, с. 45—47]. Данная точка зрения была поддержана И. Д. Перловым и Л. Ф. Лесницкой [14, с. 267; 11, с. 100].

По своей процессуальной природе дополнительные материалы, не будучи в большинстве случаев доказательствами в том значении, которое придает им закон (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства), являются тем не менее доказательствами «отсутствия или наличия оснований к отмене приговора» [8, с. 51]. Такое значение придает дополнительным материалам и практика Верховного Суда СССР. Дополнительные материалы могут быть положены в основу определения кассационной инстанции об отмене приговора с направлением дела на новое расследование или новое судебное рассмотрение. «Изменение

приговора или отмена его с прекращением дела на основании дополнительно представленных материалов не допускается, за исключением тех случаев, когда факт, устанавливаемый такими материалами, не требует дополнительной проверки и оценки судом первой инстанции» [5, 1984, № 1, с. 6].

Принятие кассационной инстанцией дополнительных материалов от лиц, обжаловавших или опротестовавших приговор, должно быть надлежащим образом оформлено путем вынесения определения о их приобщении к делу. В этой связи представляется более удачной по сравнению с УПК РСФСР (ст. 337) редакция ст. 361 УПК УССР, поскольку в ней прямо указано на то, что кассационная инстанция принимает к своему рассмотрению от прокурора или иных участников процесса материалы, которых ранее не было, но которые могут иметь значение для правильного разрешения дела. Вынесению определения о приобщении дополнительных материалов должно предшествовать, как указано в ст. 360 УПК УССР (ст. 338 УПК РСФСР), ознакомление с ними прокурора, а также участвующих в деле лиц и выяснение их мнений о возможности такого приобщения.

В тех случаях, когда новые материалы не требуют дополнительной проверки и оценки судом первой инстанции и выданы государственными органами или общественными организациями в пределах их компетенции (например, когда возраст осужденного подтверждается свидетельством о рождении; когда отсутствие прежней судимости удостоверяется справкой информационных центров, когда данные, характеризующие поведение осужденного, подтверждаются официальными документами или протоколом общего собрания трудового коллектива, и т. п.), кассационная инстанция должна, на наш взгляд, указать в своем определении, что дополнительные материалы приобщаются к делу в качестве судебных доказательств — документов. Такой взгляд соответствует закону (ст. 83 УПК УССР, ст. 88 УПК РСФСР), который считает документы доказательствами, если изложенные в них обстоятельства и факты имеют значение для дела и удостоверены надлежащим образом. Важно обратить внимание на то, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не употребляет термин «письменные документы», что дает основание понятие «документы» толковать широко [7, с. 190—198; 9, с. 94—101; 13], рассматривать их как родовое по отношению к письменным и неписьменным документам. Обстоятельства и факты в документах могут быть изложены посредством звука (фонодокументы), света (кинодокументы, фотодокументы), условными знаками (схемы, чертежи, таблицы, карты и т. д.). Такие документы могут использоваться наряду с письменными и представляться в качестве дополни-

тельных материалов в кассационную инстанцию [10, с. 6; 12, с. 80; 15, с. 86].

Статьи 361 УПК УССР, 337 УПК РСФСР говорят о дополнительных (или новых) материалах, которые, как представляется, включают в себя не только письменные документы, но и различного рода объекты материального мира: предметы, которые могут стать вещественными доказательствами, а также вещи и другие материалы, полученные непроцессуальным путем, содержащие новые сведения относительно фактических обстоятельств дела или данные о нарушении норм УПК [4, с. 13—15; 18, с. 393; 19, с. 20].

Анализируя процессуальную (доказательственную) сущность дополнительных материалов, В. Б. Алексеев и Ю. П. Назаров считают, что вышеуказанные предметы, представляемые в кассационную инстанцию, являются вещественными доказательствами [2, с. 55; 12, с. 79—80]. Но данный вывод не безупречен и противоречит ст. 78, 79 УПК УССР (ст. 83, 84 УПК РСФСР), поскольку для признания предмета материального мира в качестве вещественного доказательства необходимо произвести ряд процессуальных действий, указанных в этих нормах.

Таким образом, дополнительные материалы по своей процессуальной сущности могут быть двух видов. Во-первых, это документы, которые не требуют проверки и оценки судом первой инстанции, а потому, будучи признаны кассационной инстанцией судебными доказательствами, могут быть положены в основу вывода об изменении приговора или отмене его с прекращением дела. Представляются справедливыми соображения С. А. Шейфера о том, что получение вышестоящим судом таких документов можно с достаточным основанием рассматривать как акт собирания доказательств [20, с. 86]. В данном случае речь идет об официальных письменных документах, выданных государственными органами, для установления обстоятельств, подтверждение которых относится к их компетенции. Во-вторых, это документы, не являющиеся доказательствами, а также предметы, приобщенные к делу кассационной инстанцией, но требующие проверки судом первой инстанции, а потому на основании их вышестоящий суд может принять решение об отмене приговора с направлением дела на новое расследование или новое судебное рассмотрение.

В процессуальной литературе справедливо отмечается, что в вышестоящем суде дополнительные материалы не могут быть подвергнуты проверке с помощью процессуальных средств, как это имеет место на предварительном следствии и в суде первой инстанции [1, с. 4—5; 20, с. 85]. Следует особо подчеркнуть, что такие материалы не могут быть получены путем производства следственных действий.

Среди дополнительных материалов следует выделить мнение сведущего лица о научной обоснованности выводов экспер-

та, правильности методики исследования экспертных объектов. Изложенное в письменной форме мнение специалиста по вопросам, имеющим значение для правильной оценки заключения эксперта, не может заменить заключение эксперта и не является судебным доказательством. Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что заключение компетентного лица, представленное в вышестоящий суд, хотя и лишено процессуального значения экспертизы, может быть учтено как обстоятельство, дающее основание для передачи дела на новое расследование или судебное рассмотрение [6, с. 284]. Такая практика подкреплена постановлением № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам». В нем подчеркивается, что мнение сведущего лица не может заменить заключение эксперта и служит основанием к изменению или отмене приговора с прекращением дела. Однако при наличии сомнений в правильности заключения эксперта, имевшего существенное значение для вынесенного приговора, суд в кассационном порядке должен отменить приговор и направить дело на новое расследование или на новое судебное разбирательство, дав мотивированное указание о необходимости производства повторной экспертизы [17, с. 342].

Список литературы: 1. *Айтмухамбетов Т. К.* Дополнительные материалы в кассационном и надзорном производстве по советскому уголовному процессу: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 2. *Алексеев В. Б.* Оценка доказательств в стадии надзорного производства. М., 1971. 3. *Арсеньев В. Д.* Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969. 4. *Бурмакинский Ю., Мальков Н.* Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам // Сов. юстиция. 1987. № 4. 5. *Бюллетень Верховного Суда СССР.* 6. *Вопросы уголовного права и процесса в судебной практике Верховных Судов СССР и РСФСР.* М., 1968. 7. *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. 8. *Гродзинский М. М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953. 9. *Карнеева Л. М., Кертэс И.* Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. М., 1985. 10. *Копьева Л. Н.* Документы как доказательства в советском уголовном процессе. Иркутск, 1973. 11. *Лесницкая Л. Ф.* Пересмотр решения суда в кассационном порядке. М., 1974. 12. *Назаров Ю. П.* Дополнительные материалы в стадии надзорного производства // Правоведение. 1984. № 4. 13. *Найдис И. Д.* Судебная кинематография и видеозапись. Х., 1986. 14. *Перлов И. Д.* Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. 15. *Потеружа И. И.* Роль суда второй инстанции в укреплении законности. Минск, 1980. 16. *Рахунов Р. Д.* Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., 1956. 17. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1977).* М., 1978. Ч. 2. 18. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. 19. *Финько В. Д.* Прокурорский надзор за рассмотрением в суде уголовных дел. Х., 1974. 20. *Шейфер С. А.* Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986.

Поступила в редколлегию 17.07.88

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРАКТИКЕ
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОРЯДКЕ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЛЯМИ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА**

Деятельность транспортных прокуратур по осуществлению высшего надзора за исполнением законов на железнодорожном транспорте реализуется, в основном, по ведущим направлениям — обеспечение безопасности движения подвижного состава, сохранности перевозимых грузов, борьба со сверхнормативными простоями вагонов и другие. Представляется, что такой подход к организации общенадзорной работы оправдан, поскольку позволяет сосредоточить усилия на основных, решающих участках деятельности поднадзорных прокуратуре предприятий, учреждений и организаций транспорта [1, с. 10]. Вместе с тем в поле зрения прокурорского надзора должно постоянно находиться исполнение законодательства, регламентирующего и иные, менее значимые, правовые сферы деятельности транспорта. В противном случае не исключен односторонний подход в организации общего надзора, что в свою очередь может негативно сказаться на состоянии законности на отделении дороги, да и железной дороги в целом.

Практика прокурорского надзора свидетельствует, что одним из направлений, которому не уделяется достаточно внимания как в плане теоретического и методического обеспечения, так и непосредственно в повседневной работе прокуратур, является надзор за исполнением законодательства о порядке пользования землями железнодорожного транспорта.

Транспортным предприятиям, учреждениям и организациям для осуществления возложенных на них специальных задач по эксплуатации, содержанию, строительству, реконструкции, ремонту, усовершенствованию и развитию сооружений, устройств и других объектов транспорта предоставляются земли, порядок пользования которыми определяется Основами земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, земельными кодексами союзных республик, Положением о землях транспорта, утвержденным постановлением Совета Министров СССР № 24 от 8 января 1981 г. [5, с. 51—55], и другими нормативными актами.

Земли железнодорожного транспорта используются соответствующими органами транспорта непосредственно или путем предоставления их временно во вторичное землепользование. В соответствии со ст. 6. Положения о землях транспорта они могут быть предоставлены во временное пользование:

а) предприятиям, учреждениям, организациям для устройства подъездных путей, проездов, погрузочно-разгрузочных площадок, складов и других объектов; б) колхозам, совхозам и другим государственным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам для сельскохозяйственных целей; в) отдельным категориям рабочих транспорта — под служебные земельные наделы; г) гражданам — для выпаса скота и сенокосения [5, с. 51—52].

Приморская транспортная прокуратура, осуществляющая надзор за законностью в Одесском отделении Одесской железной дороги, провела ряд проверок исполнения законодательства о порядке пользования землями железнодорожного транспорта. В результате были выявлены серьезные нарушения. Согласно действующему законодательству земли транспорта могут быть предоставлены во временное пользование для указанных целей только по решению (ст. 41 Основ) либо согласованию (ст. 118 ЗК УССР) с исполнительными комитетами соответствующих Советов народных депутатов. Однако, как показали результаты проведенных проверок, эти требования земельного законодательства не соблюдаются.

В течение многих лет на Одесском отделении железной дороги, да и не только здесь, практикуется передача земельных участков во временное пользование посредством оформления договоров, заключаемых между начальниками железнодорожных станций и руководителями заинтересованных предприятий, организаций и учреждений с утверждением руководством отделения дороги. Подобные договорные отношения возникали и реализовывались без ведома исполкомов районных Советов народных депутатов. Но не только в существенном отходе от регламентированного законодательством порядка оформления таких договоров суть правонарушения. Содержание указанных договоров грубо противоречит основным положениям советского земельного законодательства, поскольку они заключались в связи с предоставлением земельных участков во временное арендное пользование.

Аренда земли — это передача собственником земельного участка во временное владение арендатора для ведения хозяйства за вознаграждение (арендную плату) [6, с. 74].

Поскольку земля в нашей стране является исключительной государственной собственностью (ст. 11 Конституции СССР), аренда земельных участков, как и другие сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на землю, — недействительны (ст. 169 ЗК УССР).

Взыскание арендной платы является незаконным, что прямо вытекает из содержания ст. 14 ЗК УССР и ст. 8 Основ, устанавливающих бесплатность землепользования, а также ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1969 г. «О порядке введения в действие Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», согласно

которой взыскание арендной платы за пользование участками земель прекращено с 1 января 1970 г. [4, с. 31].

С подобными нарушениями только в 1986 г. были заключены договоры между станцией Кантемир и Белгород-Днестровским комбинатом хлебопродуктов — арендная плата 1250 р.; станцией Овидиополь и Овидиопольским топливным складом — 446 р. 40 к.; станцией Котлабук и Измаильским комбикормовым заводом — 200 р. и др. [7].

Приморским транспортным прокурором были предприняты соответствующие меры прокурорского реагирования. Так, начальнику отделения железной дороги внесено представление об устранении нарушений законодательства о порядке землепользования, причин нарушений и способствующих им условий, в котором был поставлен вопрос о необходимости расторжения всех договоров, заключенных с нарушением законодательства, выплаты всех незаконно полученных денежных сумм, привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности.

Руководители подразделений железнодорожного транспорта, давая объяснения по фактам нарушения ими законов о порядке пользования землями транспорта, ссылались на п. 3.6. Практического комментария к ст. 13 Устава железных дорог Союза ССР [3, с. 21], который своими разъяснениями дезориентировал и ввел их в заблуждение.

В соответствии со ст. 13 Устава железная дорога может предоставлять заинтересованным субъектам во временное пользование свободные участки земли в полосе отвода с возмещением взимаемых с железной дороги налогов, а также расходов по содержанию этих участков. Но в статье ничего не говорится об арендной плате, в комментарии же к ней признается возможной сдача земельного участка в аренду.

Комментарий к Уставу железных дорог Союза ССР был издан в 1978 г., т. е. спустя продолжительный период с момента вступления в силу Основ и Земельных кодексов союзных республик и должен был учесть соответствующие изменения в законодательстве. Авторы комментария, неверно толкуя действующее земельное законодательство, волей-неволей поощрили должностных лиц транспорта к нарушению законов. Отметим, что новый Комментарий к Уставу железных дорог СССР, изданный в 1986 г., не содержит положения о возможности сдачи земельного участка в аренду. В нем подчеркивается, что земельные участки предоставляются предприятиям, учреждениям и организациям безвозмездно, но с возмещением железной дороге расходов по их содержанию [2, с. 34].

Представляется, что в целях обеспечения точного и единообразного исполнения действующего законодательства о порядке пользования землями железнодорожного транспорта целесообразно не только применять меры прокурорского воздействия в отношении правонарушителей, а в первую очередь обра-

тить особое внимание на широкое проведение разъяснительной работы среди руководителей подразделений железнодорожного транспорта. Настоятельная необходимость в этом диктуется сложившейся противозаконной практикой передачи земель железнодорожного транспорта во временное пользование.

Список литературы: 1. *Баранов Л.* Из критики — делать выводы // Соц. законность. 1987. № 4. 2. *Комментарий к Уставу железных дорог СССР* / Под ред. Г. Б. Астановского. М., 1986. 3. *Орлов В. Г., Васильев В. Ф., Мкртумян М. Э.* Устав железных дорог Союза ССР: Практический комментарий. М., 1978. 4. *Основы законодательства Союза ССР и союзных республик.* М., 1987. 5. *Сборник нормативных актов о транспорте* / Под ред. Н. А. Баженова, К. С. Павлищева. М., 1983. ч. 1. 6. *Советский энциклопедический словарь.* М., 1979. 7. *Архив Приморской транспортной прокуратуры.* 1986 г. Дело № 12.

Поступила в редколлегию 12.07.88

А. П. СТЕЛЬМАХ
Харьков

О КОМПЕТЕНЦИИ ПРОКУРОРА ПО НАДЗОРУ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В Программе КПСС подчеркивается, что «предметом постоянной заботы партии были и остаются укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка...» [1, с. 160]. В условиях обновления экономической и социально-политической жизни общества законность и правопорядок приобретают исключительное значение. Чем шире и глубже демократия, тем больше внимания требуют к себе социалистическая законность и правопорядок, тем больше нужны нам организованность и сознательная дисциплина [2].

Важная роль в деле обеспечения социалистической законности и правопорядка принадлежит высшему надзору за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами, который согласно ст. 164 Конституции СССР возложен на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров. Органы прокуратуры обязаны максимально использовать имеющиеся в их распоряжении правовые рычаги в интересах наиболее успешного осуществления задач ускорения социально-экономического развития страны, развертывания социалистической демократии, максимального поднятия активности советских людей на борьбу против всего, что мешает движению нашего общества вперед [7].

Актуальной поэтому является разработка проблем прокурорского надзора, в частности, вопросов компетенции органов прокуратуры, их места и роли в системе других органов, обеспечивающих социалистическую законность и правопорядок, а также совершенствования системы полномочий по осуществлению высшего надзора.

Под компетенцией понимается «совокупность полномочий, прав и обязанностей государственного органа, должностного лица, органа общественной организации или общественной самодеятельности граждан» [8, с. 146]. В этой связи различают компетенцию органа или должностного лица и компетентность лица, профессионально необходимую для решения тех или иных вопросов.

Компетенция органа закрепляется в правовых нормах. В целом компетенция в системе правовых явлений относится к «субъективным правам и обязанностям, вытекающим непосредственно из закона и существующим до стадии конкретных правоотношений» [6, с. 101]. Компетенция органов прокуратуры закреплена в Конституции СССР, конституциях союзных республик, конституциях автономных республик, Законе СССР «О прокуратуре СССР» и других правовых нормах.

Работу, выполняемую прокурором, можно разделить на осуществление высшего надзора; выполнение управленческих функций в отношении нижестоящих прокуроров, заместителей и помощников прокуроров, следственного аппарата и других должностных лиц прокуратуры. Осуществление высшего надзора является тем главным, для чего, собственно, и создана прокуратура. Однако высший надзор невозможен без проведения организационных и управленческих мер, обеспечивающих эту деятельность.

Компетенция прокурора состоит как бы из нескольких слоев, каждому из которых соответствует определенная функция (осуществление высшего надзора, руководство (управление) надзором подчиненных должностных лиц, следственным аппаратом и пр.). Каждой функции прокурора соответствует определенная система полномочий. Отметим условный характер приведенной классификации, поскольку различные полномочия прокурора реализуются зачастую в одних и тех же правовых формах (например, предостережение — ст. 25¹ Закона СССР «О прокуратуре СССР»).

Особый интерес вызывает система полномочий прокурора по осуществлению высшего надзора. Характер этих полномочий неоднороден. В литературе выделяются общие и конкретные полномочия (общая и специальная компетенция). Общая компетенция устанавливает отношения между прокуратурой и государством, определяет место прокуратуры в системе других органов государства. Специальная компетенция определяет отношения между прокуратурой и поднадзорными ей субъектами, перечисленными в ст. 164 Конституции СССР.

Общая компетенция определяет функции, цель и задачи, принципы организации и деятельности органов прокуратуры. Между тем элементами компетенции могут быть только правовые категории, и поэтому в состав компетенции входят не сами функции и задачи, а право и обязанность их осуществлять [6, с. 40—41]. Общая компетенция прокурора включает: полномочие осуществлять высший надзор; обязанность, решая поставленные задачи, идти к намеченной цели; обязанность взаимодействовать с Советами народных депутатов, другими государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами, опираться на активную помощь граждан в деле укрепления правопорядка и пр.

Следует отметить, что элементом компетенции прокурора является его обязанность решать задачи, непосредственно ведущие к достижению цели высшего надзора — установлению точного и единообразного исполнения законов (ст. 2, 22, 28, 31, 42 Закона СССР «О прокуратуре СССР»).

Общая компетенция прокуроров по осуществлению высшего надзора ограничивается объектом прокурорского надзора [5, с. 298—301] и реализуется через специальную компетенцию, т. е. совокупность конкретных государственно-властных полномочий, определяемых задачами и спецификой каждой отрасли прокурорского надзора. Однако в Законе СССР «О прокуратуре СССР» применительно к конкретным отраслям прокурорского надзора не всегда, на наш взгляд, последовательно решается вопрос о предоставлении органам прокуратуры конкретных государственно-властных полномочий для реализации общей компетенции. Так, в соответствии с Положением о порядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г. (далее — Положение), надзор за исполнением указанных видов наказаний возложен на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров [3, 1983, № 12. ст. 175]. Однако в гл. 4 Закона СССР «О прокуратуре СССР» и в Положении не определены специальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением законности при исполнении уголовных наказаний не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных. В ст. 43 Закона «О прокуратуре СССР» закреплена специальная компетенция прокурора за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом. Между тем не вызывает сомнений необходимость закрепления в Законе СССР «О прокуратуре СССР» всего комплекса вопросов, связанных с полномочиями прокурора по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, независимо от назначенного вида этого наказания.

Представляется также целесообразным вопросы высшего надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, выделить в качестве самостоятельной отрасли прокурорского надзора и законодательно закрепить в отдельной главе Закона СССР «О прокуратуре СССР». Данная отрасль прокурорского надзора имеет соответствующую правовую базу. Отдельные правовые нормы, касающиеся надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, содержатся в Основах исправительно-трудового законодательства (ст. 10), в Положении от 15 марта 1983 г. (ст. 4), в Законе СССР «О прокуратуре СССР» (гл. 4), а полномочия прокурора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, конкретизированы в приказах, указаниях и инструкциях Генерального прокурора СССР. Вышеназванная отрасль характеризуется и спецификой объекта надзора, т. е. теми правоотношениями, которые складываются при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы [4, с. 14—15]. Особенность последних, в частности, состоит в том, что одним из субъектов этих правоотношений являются трудовые коллективы, общественные организации, в системе социальных связей которых главным образом происходит процесс исправления и перевоспитания осужденных, в отношении которых избраны уголовные наказания в виде исправительных работ без лишения свободы, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штрафа, конфискации имущества и пр.

Задачи прокурорского надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, вытекают из общих задач прокуратуры (ст. 2 Закона СССР «О прокуратуре СССР»), и представляется, что они включают в себя законность обращения к исполнению приговоров суда; строгое соблюдение порядка и условий отбывания указанных видов уголовных наказаний; охрану законных интересов и прав осужденных, неукоснительность исполнения последними возложенных на них обязанностей, а также обеспечение активного участия трудовых коллективов и общественных организаций в процессе исправления и перевоспитания лиц, в отношении которых избраны меры уголовного наказания, не связанные с лишением свободы.

Специфика полномочий прокурора по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, обусловлена также ролью и правовым положением органов, вовлекаемых в сферу исполнения указанных видов уголовных наказаний: судов, наблюдательных комиссий местных Советов народных депутатов, соответствующих инспекций и служб органов внутренних дел, конкретных

трудовых коллективов и общественных формирований трудящихся.

Рамки настоящей статьи не позволяют конкретизировать особенности полномочий прокурора по надзору за исполнением законов этими органами. Ограничимся следующим предложением. В Законе СССР «О прокуратуре СССР» должны быть указаны как полномочия прокурора по выявлению нарушений порядка и условий отбывания этих видов уголовного наказания, нарушений правового статуса осужденных, их законных интересов, причин нарушений и способствующих им условий, так и правомочия, направленные на предупреждение и устранение выявленных нарушений законов и привлечение к ответственности виновных лиц.

Необходимо особо подчеркнуть, что постановления и предложения прокурора относительно соблюдения установленных законом порядка и условий отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, должны быть обязательными не только для органов, на которые Положением возложено исполнение таких наказаний, но и для администрации предприятий, учреждений и организаций, с которыми данные лица состоят в трудовых отношениях.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Октябрь и перестройка: революция продолжается*. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1987. 3. *Ведомости Верховного Совета СССР*. 4. *Емельянов С. А.* Предупреждение правонарушений средствами общего надзора прокуратуры. М., 1980. 5. *Зезюлин Б. М.* О понятии компетенции прокурора // Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. М., 1975. 6. *Лазарев Б. М.* Компетенция органов управления. М., 1972. 7. *Постановление ЦК КПСС «О мерах по повышению роли прокурорского надзора в укреплении социалистической законности и правопорядка»* // Правда. 1987. 19 июня. 8. *Юридический энциклопедический словарь*. М., 1984.

Поступила в редколлегию 17.07.88

Трибуна молодого ученого

А. М. ФЕДУЛОВ
Харьков

ПРИРОДА ДЕЛЕГИРОВАННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Теория социалистического правотворчества в настоящее время нуждается в дальнейшей разработке, ибо «процесс совершенствования правотворчества — процесс сложный, требующий непрерывного поиска ответов на вопросы, возникающие в стремительном развитии общественных отношений» [9, с. 33—34].

Особой разновидностью советского правотворчества является делегированное правотворчество, природа которого трактуется советскими учеными по-разному. Одни из них считают, что делегированное правотворчество «и впредь должно быть исключительным явлением» [8, с. 42] и видят в нем «опасность частичной подмены одних органов другими» [6, с. 256]. Другие авторы полагают, что «нет надобности в конструкции правотворческого делегирования» [7, с. 616], так как «строгое проведение начал социалистической законности в правотворческой деятельности и отсюда требование определенности правотворческой компетенции обуславливают необходимость того, чтобы передача полномочий на издание нормативных актов от одного органа к другому носила исключительный характер» [4, с. 12]. Иной точки зрения придерживаются ученые (например, А. Ф. Шебанов), считающие, что «это не случайное, а закономерное явление» [11, 1965, № 7, с. 105], обусловленное «обстоятельствами, коренящимися в демократических свойствах политической системы социализма, в профессиональном характере социалистического социального управления общественными процессами» (В. М. Горшенев) [10].

Точка зрения В. М. Горшенева представляется наиболее убедительной по следующим основаниям. Если исходить из того, что делегированное правотворчество недопустимо, то совершенно невозможно решить вопрос, связанный, например, с полномочиями Президиума Верховного Совета СССР, предоставленными ст. 122 Конституции СССР, которая предусматривает необходимость внесения изменений в действующее законодательство в период между сессиями Верховного Совета СССР. Если же это стало системой, то становится очевидным и вполне естественным делегированное правотворчество Президиума Верховного Совета СССР. Обратимся к другому виду делегированного правотворчества — общественных организаций. Отдельные авторы, ранее отмечавшие обусловленность делегированного правотворчества общественных организаций процессом «дальнейшего развития и углубления социалистической демократии» [3, с. 54], впоследствии отошли от своего мнения [4, с. 12]. Представляется, что положения Программы КПСС о совершенствовании социалистической демократии, все более полном осуществлении самоуправления народа связаны с повышением активности трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни [1, с. 158]. Одним из способов осуществления указанных полномочий и является делегированное правотворчество общественных организаций. В связи с тем, что в настоящее время принят Закон о порядке обсуждения наиболее важных вопросов государственной жизни, одним из каналов наиболее полного воплощения воли народа в правовых актах и должно быть их делегированное издание общественными организациями.

Не оправданны, на наш взгляд, опасения некоторых авторов о возможном в данном положении нарушении законности в правотворчестве. Здесь необходимо исходить из того, что делегированное правотворчество носит *вспомогательный* характер, основное назначение которого состоит в выявлении и формулировании воли трудящихся, тех или иных общественных формирований, а утверждение (санкционирование) остается исключительным полномочием делегирующего органа (последующее санкционирование). В том случае, если имеет место предварительное санкционирование, когда вообще не происходит перераспределение компетенции, у делегирующего органа сохраняются полномочия по контролю и отмене (в случае необходимости) изданных Государственным арбитражем СССР, Пленумом Верховного Суда СССР и общественными организациями правовых норм.

Делегированное правотворчество — специфическая процессуальная форма принятия нормативно-правовых актов уполномоченными на то правотворческими субъектами [10] — имеет свои особенности.

1. Указанная деятельность осуществляется специально уполномоченными субъектами, которым правотворческие функции традиционно не свойственны (реализуются не в соответствии с их компетенцией). Так, основное назначение Государственного арбитража СССР — разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями. Однако в соответствии с Законом о Государственном арбитраже в СССР и Положением о Государственном арбитраже СССР (ст. 2) ему предоставлен ряд правотворческих функций для координации управления хозяйственными связями на началах профессионализма в правовом регулировании.

2. Делегированное правотворчество определено во времени. Как подчеркивает М. Н. Николаева, «вышестоящий орган лишь временно предоставляет нижестоящему органу право реализовать нормотворческую компетенцию» [8, с. 42]. При этом главная особенность состоит в том, что при делегированном правотворчестве происходит не временное перераспределение компетенции [6, с. 253], а ее солидарное использование. Законодательство, наделяя делегированный орган правотворческой компетенцией, одновременно не ограничивает полномочия делегирующего (хотя бы и временно) на издание правовых актов в делегированной компетенции. Например, ст. 3 Закона о Верховном Суде СССР предоставляет право давать руководящие разъяснения судам по вопросам порядка применения законодательства. В то же время указанные полномочия может осуществлять Президиум Верховного Совета СССР согласно п. 5. ст. 121 Конституции СССР. Поэтому при делегированном правотворчестве происходит не временное перераспределение компетенции, а ее солидарное использование. Если происходит

перераспределение компетенции, то нельзя говорить о делегированном правотворчестве.

3. Делегированное правотворчество представляет собой конкретно-определенную деятельность. Делегирующий орган наделяет делегируемый правом на издание конкретного правового акта или предоставляет возможность солидарно использовать строго определенную часть своей компетенции. Например, предел участия профсоюзов в правотворчестве Советского государства был определен постановлением СНК СССР от 21 августа 1934 г. «О порядке издания инструкций, правил, разъяснений по применению законодательства о труде» [2, 1934, № 43, с. 372].

4. Изданные в делегированном порядке акты преобретают правовой характер после санкционирования их делегирующим органом. Следует обратить внимание на соображения, связанные с характеристикой предварительного санкционирования. Так, В. М. Горшенев выделяет два способа санкционирования [5, с. 68]. Ц. А. Ямпольская, не признавая предварительного санкционирования, отмечает, что нормы права «устанавливаются общественными организациями вполне самостоятельно» [13, с. 170]. Однако данный вывод позволяет усомниться в правовом характере указанных норм. Как отмечал А. Ф. Шебанов, «решающую роль играет не **факт издания** акта общественной организацией, наделенной полномочиями, а **факт признания** Советским государством правовыми нормативных актов» [12, с. 177]. Основной недостаток позиции Ц. А. Ямпольской, на наш взгляд, заключается в нежелании проводить разграничения между предварительным и последующим санкционированием. Предварительное санкционирование имеет место там, где происходит солидарное использование части компетенции правотворческого органа. Для осуществления предоставленной компетенции делегируемый орган будет издавать правовые акты и, следовательно, делегирующий орган заранее производит санкционирование «еще не изданных и никому не известных норм» [13, с. 182]. При последующем санкционировании предоставляется только право на выявление и формулирование содержания нормативного акта, а утверждение (санкционирование) остается правом делегирующего органа.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *СЗ СССР*. 3. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Свердловск, 1965. 4. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: В 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. 5. *Горшенев В. М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963. 6. *Лазарев Б. М.* Компетенция органов управления. М., 1972. 7. *Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия*. М., 1970. 8. *Николаева М. Н.* Нормативные акты министерств и ведомств. М., 1975. 9. *Правовая система социализма*. М., 1987. Т. 2. 10. *Проблемы соц. законности*. 1985. Вып. 15. С. 79. 11. *Сов. гос-во и право*. 12. *Шебанов А. Ф.* Форма советского права. М., 1968. 13. *Ямпольская Ц. А.* Общественные организации и развитие социалистической государственности. М., 1965.

Поступила в редколлегию 19.02.88

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Важным фактором повышения урожайности и сохранения продовольственных ресурсов страны является химизация сельскохозяйственного производства — широкое внедрение химических средств борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур и сорняками. Между тем возрастание масштабов их применения наряду с положительными результатами ведет к усиливающейся тенденции загрязнения и засорения природной среды. В результате использования химических средств защиты растений происходит токсическое загрязнение почвы, поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, что, в свою очередь, отрицательно воздействует на рыбные ресурсы и животный мир.

В настоящее время необходимо и целесообразно внедрение в сельскохозяйственное производство интегрированной системы защиты растений как наиболее безопасного для окружающей среды метода борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур. Следует расширять применение безопасных для человека и природной среды методов защиты сельскохозяйственных культур и леса от вредителей и болезней [1, с. 316].

В сельскохозяйственной литературе под интегрированной системой защиты растений понимают такую комбинацию методов и средств борьбы против комплексов вредных видов, при использовании которых осуществляется оптимальное регулирование численности вредных видов с минимальными отрицательными последствиями для окружающей среды [8, с. 5; 6, с. 41].

Анализ нормативных актов, регулирующих отношения в области внедрения интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственное производство, свидетельствует о том, что правовые нормы либо содержат общие требования о необходимости создания названной системы, либо ограничивают предмет регулирования защитой отдельных природных объектов. В действующем законодательстве, по существу, отсутствуют достаточно четкие правовые предписания о внедрении интегрированной системы защиты растений с целью обеспечения охраны окружающей среды как единого взаимосвязанного природного комплекса. Не урегулированы данные вопросы Основами земельного законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы водного законодательства возлагают на колхозы, совхозы, другие предприятия, учреждения и организации обязанность по предотвращению загрязнения вод ядо-

химикатами и удобрениями (ст. 38). Однако формы и методы, с помощью которых должна быть реализована эта обязанность, в Основах не определены. В ст. 28 Закона СССР об охране и использовании животного мира предусмотрено положение, согласно которому применение химических средств защиты растений и других химических препаратов, используемых в народном хозяйстве, должно осуществляться с применением агротехнических, селекционно-генетических, биологических и других мероприятий. Аналогичные положения содержит Закон СССР об охране атмосферного воздуха (ст. 16). В соответствии с положением «О мерах по предотвращению попадания ядохимикатов в рыбохозяйственные водоемы», в санитарных зонах рыбохозяйственных водоемов признано целесообразным более широко использовать организационно-хозяйственные и профилактические мероприятия, агротехнические приемы, биологические и другие нехимические средства защиты растений [3, 1973, № 7, с. 47]. Требуют неотложного разрешения вопросы правового регулирования по внедрению интегрированной системы защиты растений как одной из наиболее важных форм экологизации сельскохозяйственного производства в иных нормативных актах, обеспечивающих охрану окружающей среды от загрязнения и засорения химическими средствами защиты растений, используемыми в сельском хозяйстве.

Таким образом, в действующем природоресурсовом законодательстве остается открытым вопрос правового регулирования общественных отношений по внедрению интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственное производство с целью охраны окружающей природной среды как единого взаимосвязанного природного комплекса.

Важная роль в процессе осуществления интегрированной системы защиты растений отводится органам государственного управления охраной окружающей среды. Например, организация наблюдения за изменениями в окружающей среде, вызываемыми применением агрохимикатов в сельском и лесном хозяйстве, возложена на Госкомгидрометр СССР. Госагропром СССР осуществлял руководство агрохимической службой, а также службой по карантину и защите растений в стране [2, 1986, № 14, ст. 87]. Ему подчинялось Всесоюзное производственно-научное объединение по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства (Союзсельхозхимия), которое проводило государственный контроль за выполнением всеми земледельцами рекомендуемых мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями растений и сорняками [2, 1979, № 22, ст. 136]. На республиканские службы защиты растений, являющиеся функциональными подразделениями объединения «Союзсельхозхимия», возложены функции контроля за качеством проводимых мероприятий по охране окружающей среды от загрязнения и засорения ядохимикатами и удобрениями.

Соответствующие задачи призваны реализовать органы государственного санитарного надзора Министерства здравоохранения СССР.

В ряде союзных республик осуществление мероприятий по обеспечению внедрения интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственное производство возложено на государственные комитеты по охране природы. Так, в Азербайджанской ССР Государственный комитет по охране природы осуществляет контроль за выполнением комплекса обязательных мероприятий при защите почв от загрязнения ядохимикатами и удобрениями. Государственный комитет Украинской ССР по охране природы выполняет контроль за безопасным для человека и окружающей среды применением и использованием ядохимикатов, гербицидов, а также иных агрохимикатов в народном хозяйстве с использованием санитарно-противоэпидемических норм и правил. Аналогично определены функции Госкомприроды других союзных республик в части организации выполнения задач по внедрению интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственное производство.

Таким образом, основные функции государственных органов управления охраной окружающей среды в рассматриваемом вопросе сводятся лишь к осуществлению контроля за проведением агрохимических работ, применением ядохимикатов и удобрений в сельском хозяйстве. Осуществление иных управленческих функций не связано с выполнением мероприятий, направленных на внедрение интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственное производство. Не урегулирован вопрос координации деятельности этих органов по обеспечению интегрированной системы защиты растений. Кроме того, вряд ли было оправдано осуществление государственного контроля за безопасным для окружающей среды использованием агрохимикатов в сельском хозяйстве органами Госагропрома СССР, госагропромов союзных республик, основной задачей которых являлось выполнение производственно-хозяйственных функций в сельскохозяйственном производстве. В юридической литературе обращается также внимание на дублирование при осуществлении контроля за внедрением интегрированной системы защиты растений в сельском хозяйстве, отсутствие положительного решения ряда вопросов охраны окружающей среды от загрязнения ядохимикатами и удобрениями в деятельности объединения «Союзсельхозхимия» и ряд других недостатков, присущих существующей системе органов управления охраной окружающей среды [4, с. 96; 5, с. 16; 7, с. 22].

Дальнейшее решение проблемы внедрения интегрированной системы защиты растений как одной из важных форм экологизации сельскохозяйственного производства, в первую очередь, связано с совершенствованием правового регулирования химизации сельского хозяйства, охраны окружающей среды от загрязнения и засорения агрохимикатами. В действующем

природоресурсовом законодательстве следует восполнить пробелы, связанные с отсутствием нормативных актов, регулирующих общественные отношения по внедрению интегрированной системы защиты растений, более подробно регламентировать существующие правовые нормы водного законодательства, законодательства об охране атмосферного воздуха, об охране и использовании животного мира, о здравоохранении, направленные на обеспечение охраны окружающей среды от химических средств защиты растений.

Нуждается в совершенствовании система государственного управления охраной окружающей среды от загрязнения ядохимикатами и удобрениями. Решение указанной проблемы видится в создании республиканских комитетов по охране окружающей среды и регулированию использования природных ресурсов, в компетенцию которых будут входить функции учета и планирования, контроля и надзора за применением интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственном производстве.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *СП СССР*. 3. *Бюллетень* нормативных актов министерств и ведомств СССР. 4. *Бринчук М. М.* Химизация сельского хозяйства и правовые проблемы охраны окружающей среды // *Сов. гос-во и право*. 1986. № 1. 5. *Козырь О. М.* Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве от загрязнения пестицидами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 6. *Новожилов К. В.* Стратегия применения пестицидов в сельском хозяйстве в связи с охраной окружающей среды от загрязнения // *Охрана природы и применение химических средств в сельском и лесном хозяйстве*. Л., 1981. 7. *Плахута В. Г.* Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве // *Вестн. Моск. ун-та*. 1983. № 3. 8. *Фадеев Ю. Н.* Современная защита растений и ее проблемы // *Проблемы защиты растений от вредителей, болезней и сорняков*. М., 1979.

Поступила в редколлегию 17.06.88

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Рабинович П. М.</i> КПСС и правотворчество в условиях перестройки	3
<i>Тертышников В. И.</i> Принцип социалистической законности — основа дальнейшего совершенствования деятельности судов	8
<i>Юрков Б. Н.</i> Формы реализации права на судебную защиту	12
<i>Носко Л. Я.</i> О взаимосвязи гражданского процессуального права с материальными отраслями права	17
<i>Радченко П. И.</i> Правовая природа органов гражданской юрисдикции	21
<i>Котенко С. А.</i> Регулятивные и охранительные гражданские процессуальные нормы и их взаимосвязь	25
<i>Бигун В. А.</i> Участие представителей общественности в правосудии по гражданским делам — конституционный принцип советского гражданского судопроизводства	30
<i>Пушкар Е. Г.</i> Некоторые вопросы совершенствования законодательства о возбуждении гражданских дел в судах	33
<i>Васильченко Н. М.</i> Возбуждение гражданского дела прокурором	37
<i>Светличная Г. А.</i> Лица, участвующие в делах особого производства	43
<i>Дубинский А. Я.</i> Понятие, структура и содержание уголовно-процессуальной деятельности	46 ✓
<i>Корнуков В. М.</i> Законность и правовое положение личности в уголовном судопроизводстве	52 ✓
<i>Михеенко М. М.</i> Презумпция невиновности: теоретические построения и правовая реальность	58 ✓
<i>Альперт С. А., Грошевой Ю. М.</i> Структура правовой активности личности в сфере уголовного судопроизводства	65 ✓
<i>Шумилин С. Ф.</i> К вопросу о социально-правовой активности следователя в советском уголовном процессе	71 ✓
<i>Зеленецкий В. С.</i> Соотношение методологии, методов, методик и технических приемов познания в советском уголовном процессе	76 ✓
<i>Сибилева Н. В.</i> Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве	81
<i>Денисюк А. Н.</i> Основания назначения судебно-медицинской и психиатрической экспертизы	86
<i>Филин Д. В.</i> Проблемы доказывания при протокольной форме досудебной подготовки материалов	90
<i>Пидюков П. И.</i> К вопросу о виновности лица в совершении деяния, содержащего признаки преступления, при отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям	94
<i>Слинько С. В.</i> Взаимодействие следователя и органа дознания как система правоотношений	98 ✓
<i>Нор В. Т.</i> Условия возмещения материального ущерба по инициативе суда в советском уголовном процессе	102
<i>Козулин А. И.</i> Программирование решений о применении наказания и других мер воздействия	109
<i>Богословская Л. А.</i> Пути повышения эффективности уголовно-процессуального регулирования деятельности кассационной инстанции	113

<i>Чужиченко В. М.</i> Потерпевший и его представитель в суде кассационной инстанции	118
<i>Пономаренко Л. Г.</i> Дополнительные материалы в стадии кассационного производства	121
<i>Полянский Ю. Е., Лавров В. А.</i> О некоторых вопросах, возникающих в практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о порядке пользования землями железнодорожного транспорта	126
<i>Стельмах А. П.</i> О компетенции прокурора по надзору за законностью при исполнении уголовных наказаний	129
<i>Федулов А. М.</i> Природа делегированного правотворчества	133
<i>Гетьман А. П.</i> Правовые аспекты внедрения интегрированной системы защиты растений в сельскохозяйственное производство и охрана окружающей среды	137